

АЛТАЙ

№ 3

АЛТАЙКРАЙИЗДАТ

05574

Электронная библиотека АКУНБ
elb.akunb.ru

А Л Т А Й

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
А Л Ь М А Н А Х

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

АЛТАЙСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БАРНАУЛ

1949

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

112.251

ИЗ КУЛУНДИНСКОЙ ТЕТРАДИ

ШЕСТАКОВО ПОЛЕ

Ржаное поле,
А с боков —
На колынках дощечка:
*«Звено седьмое, Шестаков,
Колхоз «Большая речка».*
Что ни смекай,
Что ни скажи,
А только не легко вам
Сыскать такой могучей ржи,
Как рожь у Шестакова.

Стена стеной!
Уж рожь так рожь!
И до того ж густая,
Что вроде взлезешь
И пойдешь
По ней, не утоная.
Ну мастер!
Истинный чудодей!
Спроси того, другого:
— Какое лучше из полей?

Ответят:
— Шестаково!
Герою б только жить да жить...
Но осенью
хворобы
Не смог в борьбе он победить...
Не стало хлебороба.

Не стало...
...Через десять лет
Я спрашиваю снова:
— Какое лучше из полей?
И слышу:
— Шестаково.
— Так ваш-то, стало быть, земляк
Не умер?
Жив в народе?
И мне в ответ:
— Выходит так.
— И славен?
— Так выходит.
И славят друга земляки,
Всем славят: делом, словом.
— Куда идёшь?
— На Шестаки.
— Откуда?
— С Шестакова.
— А кто вы?
— Шестаковцы, брат,
Ударная бригада!..
Мы строим в поле зерноград
Районного масштаба.

СОЛДАТ

С войны пришёл герой-солдат
Давным-давно, когда-то,
Но все в артели — рад не рад —
Зовут его солдатом.
— Кто сеял эти зеленыя?
— Солдат, — твердят в округе.
О ребятишках — солдатня,
Солдатка — о супруге.
И до того уже дошло,
Что и в своей артели
Его фамилию — Дышлов —
Не все назвать умели.
Солдат — прозвание навек...
А почему такое? —
Не забывает человек,
Что он и в поле воин.

З О Л О Т О

Ну и мастер!

Рука у него золотая!..

Золотые часы на руке...

Золотая пшеница степного Алтая...

Золотистые рыбы в реке...

Критик скажет:

— Не много ли, батенька, будет?

Это надо ж — весь лист золотым залитой!

Что поделат! Такие уж время и люди:

Времена золотые, народ золотой.

П Р А В Д А

Чабан собрался спозаранку

В обычный путь. Жена ему

И номер «Правды», и буханку

Суёт в походную суму.

Он вышел. Поглядел на небо.

И так подумал у плетня:

— Уж что без «Правды», что без хлеба!

Не проживёшь, браток, и дня!..

Х Л Е Б — С О Л Ь

По степи,

Как по ровному диску, —

Поезда: к колесу колесо.

В грузных пульманах —

Хлеб кулундинский,

На платформах —

Бурлинская соль.

А с токов люди машут и машут,

Провожая свои поезда:

— Это к Родине — матери нашей

С хлебом—солью идёт Кулунда!

З Е Р Н О

Умывшись воздухом в кейтоне,
Оно шумело в эшелоне.
И вот перед тобой оно —
На плотной бронзовой ладони —
Тугое, крупное зерно.
Оно у нас не обделило
Ни трудолюба, ни бойца,
Войдя сверхатомною силой
В тугие жилы и сердца.
В музей выставить бы надо,
На полке славы, под одно
С могучим пушечным снарядом,
Простое хлебное зерно.

СВОИМ ПУТЁМ

Рассказ

1.

— Значит, решено и подписано: ты будешь инженером? — спросила тётя Катя, передавая Лизе стакан.

— Угу! — кивнула головой Лиза.

— Что ж, это неплохо. Стране нужны хорошие инженеры. — Тётя Катя помолчала, задумчиво помешивая ложечкой в стакане. Лиза из-за самовара ожидающе смотрела на её молодое, милое, видное лицо. Она — знатный человек, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета, а Лиза только в этом году окончила среднюю школу, собирается осенью ехать в институт и ей интересно знать мнение тети о выборе профессии.

— Хорошие инженеры нам нужны, — повторила тётя Катя, отхлебнув из стакана, — однако не менее нужны и хорошие колхозники.

Лиза недоумённо подняла прямые русые брови, и на её чистом лбу появились морщинки.

— Все молодые люди стараются стать инженерами, врачами, учёными, а кто же на полях будет работать? — Женщина откинулась на спинку стула и укоризненно посмотрела на Лизу. Девушка заметила, что на белой блузке, на щеке, на чёрных, гладко причёсанных волосах тётки трепещут солнечные пятнышки. Утренние лучи солнца проникли в столовую сквозь узорную зелень сада. — Ты когда-нибудь думала об этом?

— Нет, — сказала Лиза и, сама не зная почему, покраснела.

— Напрасно, — отодвинула тётя задрезавший на блюде стакан.

В комнате настойчиво затрещал телефон. Тётя Катя встала и ушла. Лиза тоже поднялась, оставив на столе недопитый стакан; опершись на подоконник, она смотрела в сад.

Лиза пришла погостить к тётке, которую знала лишь по рассказам родителей. Сегодня ночью, когда девушка ехала со стан-

пин и из окна машины увидела широкую, новую улицу села, залитого электрическим светом, у неё явилось ощущение чего-то сказочного. Это чувство не покидало её и теперь, когда она смотрела на пышную зелень деревьев и кустов, на яркие клумбы цветов. Всё было щедро залито буйным степным солнцем.

— Ну что ж, пойдём, покажу тебе колхоз, — тронула Лизу за плечо подошедшая тётя. — Только помоги мне со стола убрать...

Через полчаса они шли по зелёной улице. Белые одноэтажные дома стояли просторно и были окружены садами. Через ограду свешивались в улицу ветки с зелёными яблоками.

— Богато живём! — весело говорила тётя. — В любом доме — пять—шесть комнат. Мягкая мебель появилась, радио, электричество есть... А сады! А школа!..

Белое двухэтажное здание гордо сверкало на солнце десятками окон. Голубая железная решётка, отделяющая двор школы от улицы, увита зеленью с красными цветами.

— Особый сорт вьющихся роз, — пояснила тётя. — Красиво живём!.. А когда сюда приехали, в двадцать девятом году, так здесь ничегошеньки не было.

Тётя Катя остановилась и посмотрела на племянницу весёлыми карими глазами. На полных и свежих щеках женщины играли две милостивые ямочки.

— Представляешь, на сотни километров сухая, солопчаковая степь. Редкий полынок да ковыль... Ни реки, ни пруда. И девчонкой была, а сердце и у меня заболело...

На минуту её глаза стали грустными, ямочки на щеках исчезли. Но вот она осмотрелась кругом, взмахнула руками, словно курица крыльями, новые чувства встрепенули её.

— Ты подумай, что человек может сделать!

Лиза ничему не удивлялась, она сейчас жила в сказке, а в сказке всё возможно и постижимо.

Они вышли на площадь. Площадь была зелёная, уютная, её разрезала асфальтированная дорога. Улицы, уходившие отсюда на четыре стороны, были почти пусты. Только ребятшки кое-где резвились на траве.

На вопрос Лизы о том, где люди, тётя ответила:

— Это же колхозный посёлок! Народ теперь на покосе. А нынче к тому же начнём уборку озимой ржи и ранних сортов пшеницы.

В конце площади стояло каменное здание с колоннами. Из открытых окон его разносились звуки музыки, передаваемой по радио.

— Клуб, — ответила тётя Катя на немой вопрос девушки. — Там же библиотека и читальня. Красивое здание! После побываешь в нём, сейчас мне надо в контору.

Тётя Катя и её гостя пересекли площадь и по широким ступеням поднялись на крыльцо колхозной конторы. Из открытого окна слышалась звонкая дробь костяшек на счётах.

НА АЛТАЕ

Белоголовский колхозник Иван Ефимович Чуманов много лет подряд выращивает рекордные урожаи пшеницы. Труд знатного хлебороба отмечен пятью правительственными наградами.

Фото Н. Калинина.

В большой, светлой комнате, уставленной столами и шкапами, сидел только один счетовод. Завидя вошедших тётю Катю и Лизу, он встал и поклонился.

— Здравствуй, Василий! Тарас Харитонович был?

— В семь часов.

Счетовод держал палец на бумаге, очевидно, на цифре, которую не успел засчитать. На его лице сквозь почтительность пробивалось плохо скрытое нетерпение. Тётя Катя усмехнулась.

— Ну, не будем тебе мешать. — Повернувшись к Лизе, она указала рукой на дверь. — Пойдём, сад покажу...

Лиза никогда не видела такого сада. Стройными рядами стояли яблоневые, вишнёвые, грушевые и ещё какие-то деревья, образуя прямые, тенистые, посыпанные песком аллеи. В глубине сада сверкали стёкла оранжерей, а далеко за деревьями, как зеркало, блестел пруд.

— Садик у нас на двадцати гектарах. Одних яблонь двадцать восемь сортов. Миллион дохода получаем, — хвасталась тётя.

Миллионы Лизу не интересовали. Она любовалась, как на песчаных дорожках трепещут тени от листьев, как сверкает пруд, слушала, как жужжат пчёлы, лениво поёт в чаще какая-то птичка, вдыхала аромат незнакомых цветов, и на душе у неё было светло и радостно.

Вышли на крутой, заросший травой берег пруда. На другой стороне его правильными рядами кустится малина и смородина. Бледносинее небо с белыми редкими облачками отражается в пруде.

— Давно я здесь не была. Хорошо как! — Оглядывалась кругом тётя Катя. — Помню, как копали этот пруд... Трудновато было. — Словно отмахиваясь от воспоминаний, она вдруг тряхнула головой и сказала уже другим, деловым тоном: — Ну, хватит. Идём, а то некогда мне.

Когда возвращались обратно, на аллее встретился садовник. Звякая огромными ножницами, он остановился и почтительно поклонился тётке Кате.

Лиза присела на горячую ступеньку крыльца, а тётка зашла в контору. Девушка слышала, как она вызывала по телефону машину.

— Теперь ты, Лизутка, пойдёшь домой, а я в поле поеду. Надо посмотреть, не пора ли убирать пшеницу на моём участке, — сказала она, выйдя на крыльцо. — Да и вообще неудобно: все в поле, а я гуляю.

Приложив ладонь к глазам, она взглянула на солнце, потом на часы, блескшие у неё на руке.

— Тётя, возьми меня с собой, — взмолилась Лиза. — Мне интересно...

— Ну поедем, — не очень охотно согласилась тётка.

Через несколько минут к крыльцу подкатила новая легковая машина.

— На покос, — приказала тётка шофёру.

Лиза с наслаждением подставила лицо горячему ветру и с любопытством смотрела в бескрайнюю степь, разделённую на огромные прямоугольники полосками молодых деревьев.

— Полезащитные лесные полосы, — объясняла тётка. — Уже после войны мы посадили тополь, берёзу, сосну и сибирскую яблоню. Деревья хорошо принялись и предохраняют посевы от засухи, сохраняют влагу, задерживают снег.

Лиза жила в лесной местности, где на полях и так слишком много берёзовых рощ, поэтому для неё было ново, что деревья высаживают в поле.

На покосе, как муравьи на кочке, кишели люди. «Вот он где, парод-то», — подумала Лиза.

Стрекотали косилки. В другом месте конышми граблями сгребали сухое сено. Взрослые колхозники складывали его на волокуши, а мальчишки, сидя верхом на лошадях, везли волокуши к стогу.

Мужчины стоговали сено. На человека, работающего на вершине стога, было странно смотреть. Острая перхушка качалась. Казалось, вот-вот стогомёт упадёт оттуда вместе с сеном. Однако с поразительной ловкостью он укладывал сено себе под ноги. А рядом, внизу, начинали уже новый стог. Люди работали легко и весело.

Машина остановилась. Тётю Катю сразу же окружили колхозники. Лиза осталась в стороне одна и ей было неловко. Но тётка не забыла о ней.

— Знакомьтесь, — сказала она, подводя к девушке паренька в голубой майке. Лиза догадалась, что это её двоюродный брат.

— Здравствуйте, — сказал Сергей, подавая руку и улыбаясь.

— Ну вот, ещё на «вы» будете, — рассмеялась тётка и отошла к ожидавшим её колхозникам.

— Как... доехала? — спросил Сергей, несколько замямившись.

— Ничего, — ответила Лиза, краснея и не зная, что сказать ещё.

В эту минуту другой молодой человек, тоже в выцветшей майке, бросил на землю вилы и облегчённо сказал Сергею:

— Конечно! Дай закурить. Вся думка истомилась...

Прикуривая, пареньёк некоего поглядывал на Лизу.

— Знакомься. Моя двоюродная сестра, — весело подтолкнул его Сергей.

— Володька, — отрекомендовался парень и стиснул пальцы девушки так, что она вскрикнула.

— Ой, больно!

Владимир, извиняясь, улыбающимися глазами смотрел на Лизу. По его загорелой и сильной груди бежал пот, к телу прилипли сухие листочки сена. Чёрные воясы сверху порыжели, шея загорела так, что блестела, как начищенный сапог.

Лиза взглянула на него, и сердце её забилось чаще. Девушка была поражена красотой тонкого, изящного рисунка его лица, блеском чёрных глаз. Эта встреча показалась ей знаменательной. Лиза ступившая и, в сторону отводя взгляд, в замешательстве сказала первые пришедшие на ум слова:

— Какой стог большой сделали...

Молодые люди переглянулись, чуть заметно улыбаясь глазами.

— Принято говорить «сметали», — поправил Сергей, любясь смущением девушки.

— Это всё равно, — не сдаваясь, но ещё больше краснея, сказала она.

— Познакомились? — спросила тётя Катя и глазами показала племяннице на машину. — Поедем.

Пеловко повернувшись на высоких каблуках, Лиза оступилась в муравьиную кучу. Муравьи моментально облепили ногу и ожгли укусами. Девушка вскрикнула и стала смахивать их ладонью.

Уже сидя в машине, она украдкой оглянулась. Юноши, улыбаясь, смотрели ей вслед. И опять всё представилось ей сказкой.

Это чувство ещё более усилилось, когда машина остановилась в Сорочьем Логу. Собственно, никакого лога здесь не было, а простиралась чуть заметная низинка и по обе стороны узкой дороги стенами стояла пшеница. Лизу поразили колосья длиной в кисть руки, толстые, гранёные. Она никогда не видела таких колосьев.

— Вот моя пшеничка! — воскликнула тётя Катя, разминая на ладони колос. — Зерно на горох похоже!..

И Лизу тронула уже не столько величина зёрен, сколько выражение счастья, которое озарило лицо женщины, звучало в её голосе, вздыбило всю её фигуру. Тётя Катя стояла истинной волшебницей, которая на радость людям совершила невиданное чудо и счастлива этим.

— Это ты, тётя, вырастила такую пшеницу? — наивно спросила Лиза, не зная о чём заговорить.

— Вырастила, милая! Теперь надо во-время убрать. А то, быкает, много выраститишь, да ничего не получишь, — озабоченно сказала тётка. — Хотя и мягкая ещё, а надо косить. Не дай бог, ветры подуют или дождь прольёт, — поляжет пшеничка. Колос-то, смотри, какой!

— Да, колос... Такого я в жизнь свою не видел, — сказал шофёр. — А небо-то никак засинело. — Он с беспокойством указал на запад.

Тётя Катя стала серьёзной. Её чёрные брови сдвинулись, губы плотно сжались. На горизонте, в самом деле, появилась синяя полоска. Горячий степной ветер пробежал по пшенице. Она заволновалась, тяжёлые колосья наклонились к земле, тревожно зашептались.

— Хотя бы стороной пронесло, — сказала тётка и быстро пошла к машине.

— На полевой стан, — бросила она шоферу и больше за всю дорогу не проронила ни слова. Лизу охватила тревога, она боязливо поглядывала на растущую тучу.

Машина остановилась напротив полевого стана.

— Отвези Лизу, а я здесь останусь, — сказала тётка и быстрым шагом направилась к стогу сена.

Люди на сенокосе бегали, как потревоженные муравьи. Туча одним краем уже закрыла солнце. Горячий ветер набегал порывами. Он клонил к земле белесозелёные метёлки овса, крутил по дороге пыль.

Едва Лиза успела взбежать на крыльцо дома, как на ступеньки, на цветы и траву упали тяжёлые капли дождя. Под ветром деревья замахали ветвями, словно стремились оторваться от земли. На траву полетели яркие лепестки цветов. Сверкнула молния. Грохнул гром.

Лиза испуганно-радостными глазами смотрела с террасы. Она любила всякий бунт в природе: грозу, метель, бурю. Но где-то глубоко в душе у неё шевелилась тревога.

Через несколько минут девушка прошла в столовую и остановилась у окна. По стеклу бежали потоки, и полегшие на клумбах цветы казались чёрным ковром. Быстро темнело.

Из своей комнаты вышла бабушка Наталья Ивановна. Высокая, прямая, с чёрными волосами, закрученными в тяжёлый узел, она вовсе не была похожа на старуху, по крайней мере, на бабушку Лизы по отцу. Та, худенькая, сморщенная, согнувшаяся, всё вздыхала, как-нибудь жалела, плакала и горевала. Эта же молчалива и загадочна, молодо шагает по ковру, озирая столовую живыми чёрными глазами.

— Катерина теперь не придёт, — медленно сказала бабушка, ни к кому не обращаясь и прислушиваясь к шуму дождя. Она стояла среди комнаты и, уже глядя на Лизу, добавила: — Будем ужинать одни.

Наталья Ивановна подошла к буфету и зазвенела посудой. В эту минуту в кухонную дверь со двора нетерпеливо застучали.

— Кто ж это? — спросила себя бабушка и пошла открывать.

Через незатворённую дверь Лиза видела, что пришёл Сергей, мокрый и грязный. Подав ему полотенце и мыло, бабушка возвратилась в столовую и молча накрывала на стол.

Сергей вошёл чистенький, юный, в белой рубашке с открытым воротом и мокрыми волосами.

— Добрый вечер, — улыбнулся он, садясь за стол.

Ели молча. Наталья Ивановна задумчиво позвякивала в стакане ложечкой. Сергей, просматривая газету, жевал нехотя. Вскоре газета из-под локтя соскользнула на пол. Глядя в пространство, парень сказал:

— Ну и дождь! А главное — ветер...

— Всё главное, — строго отозвалась бабушка.

Сергей не ответил. Он был так захвачен какой-то мыслью, что вместо сливок налил себе в чай грибной подливки. Лиза наблюдала за ним, еле удерживаясь от смеха. Сергей отхлебнул глоток и сморщился. Девушка громко расхохоталась. Рассмеялся и Сергей. Озабоченность исчезла с его молодого лица.

— Фу, какая гадость! Чего это я выпил?

И они опять засмеялись, поглядывая друг на друга. Скупло улыбалась и бабушка.

Выйдя из-за стола, Сергей потребовал плащ.

— Пойду к матери: может, помочь нужно.

— Чем теперь поможешь? Участок у неё — не пять соток. Помнишь, когда ты ещё маленьким был, мы семенную пшеницу от града палатками закрывали. А двести гектаров подолом не закроешь. Надо было слушать старого человека, не сильно удобрять... Солома была бы пониже и потверже, в колос больше росла бы пшеничка.

— Колос уже такой, что расти больше некуда, — натягивая плащ, ответил Сергей. — Я всё-таки пойду; может, она что-нибудь придумала.

И он ушёл во тьму и дождь. Бабушка звенела посудой у буфета и бормотала:

— Мичурин прав... Нельзя ждать милостей от природы... Надо всё предвидеть...

Лиза слушала с жадным любопытством. Дома, ни от своей матери, ни от бабушки, она таких слов не слышала. И эта высокая старуха в длинном чёрном платье, с молодыми глазами и молодыми мыслями, воскресила в её памяти какого-то учёного-подвижника, о котором она где-то читала. От такого сравнения Лизе стало весело и опять всё показалось сказочным. Девушка была благодарна старой женщине.

Может быть, это чувство появилось у неё потому, что та, другая бабушка, чаще всего навевала на девушку глубокую грусть. Сидя на печи, подперев щеку рукой, бабка печально говорила: «Вот и прошла моя жизнь... Пора уж и умирать мне... А зачем жила? Что видела? Эх, жизнь! Пролетела ты, как птица залётная... И так начинало сосать у Лизы под ложечкой, так становилось жалко ей бабушку, себя и всех людей, что она не выдерживала, убегала в огород и там плакала.

А эта бабушка — другая, она не вызывает к себе жалости, от неё веет жизнью, молодой жизнью.

Ночью, лёжа в постели, Лиза сквозь сон слышала шум ветра, плеск дождя и грохот грома. Похоже было, что пришла другая туча. Позже девушку разбудили голоса, смех, звон посуды в столовой. Она узнала голос Владимира, и сердце её непривычно сладко замерло. Голос был мягкий, тёплый, Лиза приписала ему свойство обнимать и греть. Может быть, это был радостный, искрящийся сон...

Скрипнула дверь, и тётя Катя сказала весело:

— Однако, не по-нашему ты, девка, скроена. В колхозе одна ты эту ночь спала... Ну спи! Нынче воскресенье. А пшеница-то устояла, только шесть гектаров полегло.

И тётя радостно засмеялась, хлопнув Лизу по голому плечу.

Девушка открыла глаза. Весёлое, яркое солнце заливало комнату. Тётка распахнула окно, и из сада донёсся голос Владимира: — Спать в такое утро? Пойдём, Сергей, купаться!

Сергей ответил товарищу песенкой:

Любимый город может спать спокойно,
И видеть сны...

Лиза улыбнулась, закрыла глаза и ощутила, что лёгкий сон шовь пахнул на неё жарким дыханием.

2.

До этого дня Лизе не приходилось видеть комбайн в работе. Теперь перед ней ходят по полю сразу два «Сталинка». Девушка вспомнила вычитанное из газеты сравнение комбайна с кораблём и сочла его удачным. Белогривное ровное поле пшеницы, в самом деле, напоминает водное пространство, а комбайны будто плывут, мерно покачиваясь на спокойной поверхности вод. Недаром помощник комбайнёра называется штурвальным, вроде штурманом.

Штурвальным работает Владимир, а комбайнёром — Сергей. Вот корабли доплыли до дороги и остановились. Одна за другой подошли к ним автомашины. Зерно из бункеров ссыпали в кузова и увезли.

Тётя Катя со своим звеном вяжет снопы по другую сторону дороги, на том участке, где пшеница полетела и её скосили крюками. Лиза невольно любит тёткой. Гибкая, ловкая, помолодевшая за работой, она вяжет легко и быстро. Ни одна из девушек не может угнаться за тётей Катей. Как они ни спешили, как ни ногали, а звельевая впереди.

Лиза не вязала, она не умеет вязать. Тётка поручила ей готовить вязки. Но и эту несложную работу девушка выполняет медленно и плохо. Тётя Катя, принимая от неё вязки, сказала с лёгкой досадой:

— Не знаю, в кого ты, Лизутка, уродилась такая пеловкзя. Бабка у тебя была первой работницей на селе, отец в батраках вырос, мать молодые годы прожила в пяньках да кухарках. А ты будто не из крестьянской семьи вышла, барыней выросла. Не нравится мне твой воспитание. Вот смотри, как надо!

Ловкими, быстрыми руками она взяла из кучи горсть осокни, разделала её на две части и не успела Лиза глазом моргнуть, как была скручена крепкая, аккуратная вязка.

— А твои рвутся, тормозят работу, — недовольно сказала тётка и ушла.

Лиза обиделась до слёз. Впервые ей было стыдно за себя. Она привыкла считать, что главное её дело — учиться, и училась ло-

рошо. С первого до десятого класса шла отличницей. Её хвалили, ставили в пример другим, премировали.

Её мать целиком отдалась домашним делам, изо всех сил старалась, чтобы у единственной дочери детство и юность были светлыми и беспечными. Девочку наряжали, как куколку, ей отдавали лучший кусок, её постоянно старались освободить от труда. Иногда Лиза пыталась вымыть посуду или подмести пол, но мать останавливала её:

— Не трогай, сама сделаю. Ты только учись, а я во всём без тебя управляюсь.

Лиза росла избалованной, немного капризной, но доброй и чуткой. Она во всём всегда хотела быть и была первой. Хорошо одевалась. Отлично училась. С успехом рисовала. Немного пела, играла на гитаре, на мандолине, выступала на сцене. Что же ещё надо?

Но сегодня ей дали почувствовать, что она неполноценный человек. Это было неожиданно и очень горько. Осока беспощадно резала нежные руки. Вязки получались лохматыми и непрочными. Глаза застилал туман. Голова болела от непривычки долго находиться на солнце.

Прибежали наняться квасу Сергей и Владимир, к ним подошла тётка. Лиза отвернулась. Она боялась, как бы тётка не сказала о ней что-либо неслестное, как бы парни сами не подошли к ней и не увидели её работу.

— Ну как? — спросила тётка парней.

— Поздравляю, Екатерина Васильевна! — ответил Владимир. — Более шестидесяти центнеров с гектара загребаем!

Тётя Катя залилась звонким счастливым смехом.

Впервые в жизни Лизу охватило чувство зависти. Когда комбайнёры заспешили к агрегату, она оглянулась. Владимир тоже оглянулся. Взоры их встретились. Сердце у девушки забилося в такой радостной тревоге, словно что-то зазвенело внутри. Она поспешно отвернулась и наклонилась за осокой. Руки и ноги у неё ослабли, к лицу прилила горячая волна.

Работали до темна. Тётка осталась почевать в полевом стане. Не поехала в село и Лиза.

Полевой стан похож на маленький чистый посёлок. Несколько белых домиков, сарай для машин, за домами — крытый ток, омётты соломы, стога сена, по другую сторону — зерносушилка.

Столовая — прямо на воздухе, под навесом. Длинные столы застелены цветными клеёнками. Вокруг них тянутся скамьи. Тут не только едят, но и проводят собрания.

Ужинали поздно, при свете ламп и костра. Лиза сидела между Владимиром и Сергеем. От счастья у неё кружилась голова, хотелось без причины смеяться.

— Ты здорово сегодня загорела, — сказал Сергей, — теперь нос облупится, останешься красноносой.

Лизе пришло в голову, что рядом с Владимиром она выглядит, может быть, некрасивой. Но девушка отогнала эту мысль и весело засмеялась шутке Сергея.

После ужина молодёжь собралась возле костра. Ждали секретаря райкома, поэтому спать никто не ложился. Сергей принёс из красного уголка баян. Задорные торопливые звуки рассыпались в ночи. На круг первой вышла высокая, длиннокосая девушка. Звали её Клавой. Лиза уже знала, что Клава является звеньевой и соревнуется с тётей Катей. Пять лет назад Клава окончила десятилетку и стала работать в колхозе.

С лёгкостью ветра, то и дело отрываясь от земли, звеньевая понеслась по кругу. Вот она круто остановилась, топнула ногой, так же внезапно похлопала в ладоши и, как вихрь, закружилась на месте. Баян закатился радостной, захватывающей трелью. В такт ему Клава задала такую дробь, что из-под её рабочих ботинок поднялась пыль. Ноги выбивали дробь, а стан, плечи, грудь еле-еле вздрагивали. Голова гордо закинута, лицо красивое, чуть надменное, чёрные глаза с поволокой.

Наконец девушка остановилась перед Владимиром, топнула изо всех сил, вызывая парня на круг, и легко, грациозно отошла назад.

Владимир плясал небрежно, лениво, будто шутя. Зрители любовались не пляской, а плясуном, его замечательной, редкой красотой.

Глядя на Владимира и Клаву, Лиза подумала, какая это великолепная пара, как они походят друг на друга, и почему-то почувствовала себя несчастной. Она не могла больше оставаться в этой весёлой толпе и, отойдя в сторону, одиноко села на бревно.

Всюду над полями царствовала луна. Всё было залито её ласковым светом. Эта лунная летняя ночь куда-то звала, томилла, обещала счастье. А у девушки на глаза навёртывались слёзы.

Плясать перестали, сдвинулись кружком, и над столом поплыла разудалая, сибирская песня.

К Лизе подошёл Сергей и сел рядом.

— Что невесёлая? Спать захотела?

— Нет...

— Правильно. Разве можно спать в такую ночь? Посмотри! — Он указал рукой в степь и продолжал задумчиво: — Если бы можно было никогда не спать! Ведь сколько времени у человека пропадает даром. Просыпает человек треть своей жизни, а жизнь у него и так коротка.

Лиза вспомнила свою бабушку. Сергей продолжал разговор так взволнованно, что у Лизы учащённо забилось сердце. Она подняла голову и взглянула в его лицо, при луне казавшееся бледным.

— Когда стану учёным, добыю, что человек будет жить двести лет, все люди молодыми будут и на сон станут тратить по три-четыре часа в сутки. Вот будет здорово!..

Он засмеялся, скрывая своё волнение. Но Лиза поняла, что Сергей сказал о самом задушевном, о своей мечте. Опять на неё пахнуло чем-то прекрасно-сказочным.

— А ты будешь учёным? — задыхаясь от непонятного ей самой волнения, спросила Лиза.

— Да, обязательно.

— А как же ты сделаешь, что люди будут жить двести лет?

— Теперь я не представляю себе, но знаю, что обязательно сделаю.

Лиза тоже была уверена, что Сергей, такой настойчивый и сильный, добьётся своего, и ей горячо захотелось, чтобы бабушка дожила до того времени.

— А ты кем будешь? — спросил Сергей.

— Я решила посвятить себя... — быстро, как хорошо полученное правило, начала Лиза уже привычную фразу, но вдруг замолкла. До сознания девушки вдруг дошло, что её уже не так увлекает профессия инженера, что она хотела бы сделать в жизни что-нибудь похожее на то, что делают тётя Катя и звеньевая Клава. В то же время в её сердце почему-то родилась неприязнь к Клаве, и она спросила:

— Разве правильно, если человек окончил десятилетку и пошёл работать в колхоз?

— А почему же неправильно? — удивился Сергей. — Вот Клава окончила десятилетку, а сейчас работает звеньевой. В прошлом году она вырастила по сорок два центнера пшеницы с гектара, а ныне собирает по шестидесяти. Она Герой Социалистического Труда, дважды орденосеиц... Клава заочно учится на последнем курсе сельскохозяйственного института. Девушке двадцать четыре года, а она является знатным человеком Родины.

Лиза смотрела на брата с таким вниманием, словно видела его впервые.

— У нас в колхозе почти все с образованием, — продолжил Сергей. — Посмотри хотя бы на Тараса Харитоновича. Председателем колхоза его избрали двадцать лет ~~назад~~. В детстве Тарасу Харитоновичу удалось проучиться лишь две зимы, а в колхозе он окончил среднюю вечернюю школу, заочно прошёл сельскохозяйственный техникум, да побывал на различных курсах: трактористов, комбайнёров, садоводов...

Неподалёку, в кругу людей у костра, стоял мужчина с простым усатым лицом, в такт словам он размахивал длинными руками. Глядя на колхозного председателя, Лиза ничему не удивлялась. Здесь всё было возможно.

— Мамка моя тоже учится в институте, — говорит Сергей, — только бабушка отстала у нас, грамоте ей удалось выучиться в сорок лет. А ты заметила, какой она одарённый человек?

Лиза кивнула головой. Конечно, она заметила, что все эти люди чем-то лучше её. Это очень хорошо, но в душе у неё поднималось смутение.

— А Владимир? — чуть слышно спросила она.

— Владимир учится вместе со мной в медицинском институте. Мы вместе будем работать над одной проблемой... С Клавой у Володьки дружба с детства. Замечательная девушка эта Клава!

Лиза опустила голову, и Сергей внезапно замолчал. Он посмотрел на девушку и, кажется, догадался обо всём.

После долгого молчания парень заговорил осторожно и ласково:

— В жизни так много хорошего. В одном — неудача, в другом — счастье. Поэтому никакому горю не следует поддаваться...

Продолжить разговор им не пришлось. Легковая автомашинка, осветив фарами постройку, почти бесшумно влетела на стан.

— Секретарь райкома приехал, — сказал Сергей и встал.

Через несколько минут колхозники разместились за столами. Лиза осталась в стороне. Сначала она не слышала, о чём говорили на собрании. Потом до неё стал долетать страстный, гневный голос секретаря. Лиза прислушалась.

— Ещё страны Европы не оправились от ран, нанесённых войной, ещё не забыты ужасы Майданека и Бабьего Яра, ещё матери не вытерли слёз, пролитых о погибших сыновьях, а империалисты уже готовят новую кровавую бойню... Вспомните, товарищи, о миллионах солдат, отдавших свою жизнь в борьбе с фашизмом...

Лиза остановила взор на женском лице, искажённом страданием. Женщина смотрела в темень, мимо секретаря, и в глазах у неё была такая тоска, что Лизино сердце захолонуло.

«Мать», — подумала девушка и ей вспомнились стихи Некрасова, когда-то читанные на уроке:

...Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости, и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слёзы...
То слёзы бедных матерей.
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой шиве...

Лиза всмотрелась пристальнее, увидела на лицах других женщин всё ту же печаль, тоску и слёзы. «Матери! Они никогда не забудут своих детей»... Горло девушки изнутри заткнул какой-то комок. Чужое горе всегда вызывало в её сердце ответную боль.

— Вот почему нашему советскому народу, — горячо продолжал секретарь райкома, — дороги такие люди, как Екатерина Васильевна, Клава Зарубина, товарищ Грищенко. Стахановским своим трудом они создают счастье народа, борются за могущество нашей Родины! Советские люди не допустят новой кровавой бойни, они делают нашу страну такой мощной и сильной, что никто не посмеет навязать против нас войну...

Что-то жаркое поднялось в душе девушки. Так вот какие они, эти люди, создавшие сказочный мир! Она увидела их с новой стороны. Вот тётя Катя с ярким разгоревшимся лицом, блестящими глазами и гордо поднятой головой. Это она, смелая, властная, не допустит новой войны. Усатый Тарас Харитонович, также обычно

венный в своей сляпанной солдатской гимнастёрке, только с виду прост и обыденен. Длинными, сильными жилистыми руками он остановит войну, уничтожит все эти атомные бомбы, о которых сейчас говорят.

Но обаятельнее всех Лизе кажется длинноносая, смуглая Клава. Счастливица! Любимая учительница Ольга Павловна всегда говорила, что счастлив тот человек, который несёт счастье другим людям. Лиза жадно смотрит на девушку, которая несёт счастье людям, и образ Клавы кажется ей солнечно-светлым.

Лиза не может разобрать, о чём говорит тётя Катя. Тяжкое смятение всё сильнее волнует душу девушки. Как она смела хоть на одну минуту поставить себя рядом с Клавой? Что сделала Лиза для людей, для Родины? Ничего. Она даже никогда не мечтала ни о чём особенном, она далека от таких дел, за которые взялись Сергей и Владимир. Нет, на уроках Ольги Павловны Лиза мечтала о чём-то, но мечты её были смутны и расплывчаты. Она решила стать инженером. Но почему именно инженером? Этого она не знала...

Лиза встала и ушла за омёт. Там она села на солому, крепко обхватив колени руками. Луна смотрела на девушку печально, будто говорила: «Ты несчастная потому, что ничтожная и никому не нужная».

Лиза не заметила, сколько просидела в одиночестве. Она видела, как по дороге умчалась автомашина, освещая перед собой поля пшеницы и овса. Слышала, как с песнями уходили девушки на полосу. Видимо, колхозники решили работать ночью. Сергей и Владимир прошли совсем близко от Лизы. Весело разговаривая, торопясь к сцепу комбайнов, они не заметили её.

Девушка слышала гудение трактора, видела золотые огоньки, двигавшиеся по полю, до неё долетал властный голос председателя, отдававшего распоряжения. Степь вновь ожила. И в эти минуты у Лизы родилось властное, настойчивое желание влиться в бурный поток трудовой жизни хлеборобов.

Через два дня она стояла у окна вагона и прощалась со степью.

3.

Алексей Никитич Снегуров с удивлением посмотрел на дочь и откинулся на спинку стула. Он помолчал, подумал, и лицо его неожиданно прояснилось в улыбке.

— А ведь хорошо придумала! — обратился Алексей Никитич к Лизе. — Вступить тебе надо в «Волну», этот колхоз самый отсталый в районе. Надо уже хлеба жать, а он с сенокосом запурхался.

— Выдумал тоже! — с досадой сказала мать, подхватывая со сковороды блин и бросая его на тарелку. — Окончила десять классов, да в колхоз...

Лиза бойко вскинула голову.

— Мама! В колхозе «Заря» на поле работают люди, которые учатся в институтах и академии.

— Этого я не знаю... Может, они машинами только управляют.

— И машинами управляют, и так работают. Ведь тётя Катя тоже учится в институте.

— Тётя Катя — другое дело. Ей институт через работу достался, она к труду привычная. А ты стакана не вымоешь...

По лицу девушки пошли красные пятна, глаза её сузились, а ноздри побелели и задрожали. Еле сдерживаясь, она сказала:

— Ты же сама меня не приучила...

— Да ведь тебя жалеючи... А ты меня же попрекаешь...—Голос матери задрожал. — Тебя же берегла, лелеяла, вот и выростила...

Лиза прикусила губу и нахмурила брови.

— Будет вам из-за пустяков неприятности заводить, — примирительно сказал Алексей Никитич.

— Обидно, — уже всхлипнув, отозвалась мать, гремя сковородкой.

Лиза, стараясь рассматривать узоры клеёнки и не видя их, думала о том, почему мать так непохожа на тётю Катю; почему всё, что она говорит, как будто справедливо, но скучно и неприятно.

— Пусть потешится, — весело сказал отец, принимаясь за горячий блин.

Девушка вскинула на него строгие глаза, губы у неё дрогнули.

— Папа, ты коммунист, а так говоришь! Я хочу не потешаться, а быть полезной...

— Ну, ну, не обижайся. Сумеешь стать полезной, буду рад, — уже серьёзно сказал Алексей Никитич. — В «Волне» сейчас новый председатель, парень хороший. Надо ему помочь.

Он встал и, проходя мимо дочери, ласково провёл рукой по её волосам. Лиза прикрыла глаза. Тепло разлилось по всему её телу.

Когда отец скрылся за дверью, Лиза подошла к матери и, заглядывая ей в лицо серьёзными, доверчивыми глазами, тихо сказала:

— Прости меня, мама.

— Чего уж... — заплакала мать.

Лиза вышла вслед за отцом. Бабушка с печки сказала:

— Мотри, какая душевная девка растёт. Ты её, Татьяна, не брани. Пусть идёт в колхоз. Крестьянская в ней кровь сказывается, к земле тянет.

— Ты ещё выдумала: тя-янет... Никуда её не тянет. Блажит от безделья, — с досадой сказала Татьяна, смазывая шипящую сковороду.

Через день Лиза была уже в колхозе. Литовками в «Волне» всё ещё косили сено, а лобогрейкой начинали убирать рожь.

Лизе дали литовку, вместе с колхозниками она пошла на сенокос. Солнце палит нестерпимо, на небе — ни облачка. Ветерок не колыхнет, и тяжело на степи, словно в жарко натопленной бане. Мокрое от поту платье липнет к телу. Жужжат литовки, и высокая трава бессильно ложится на землю. Косари растянулись це-

почкой. За каждым из них остаётся чистый, широкий прокос. Лизе кажется, что все они работают легко и весело, только у неё прокос узенький и на нём остаётся примятая, пескошешная трава.

— Эй, районная, подкашивай ряд, а то привяжем, — насмешливо кричит бойкая колхозница Дарья.

— Новенькая, поторапливайся! — вторит ей Петька, паренёк лет шестнадцати. Он идёт вслед, и его литовка жужжит у самых Лизиных ног. Девушка торопится, но литовка то и дело втыкается в землю. Руки дрожат от напряжения. Пот заливает глаза. Во рту пересохло. Нестерпимо болят ладони, на которых за полдня Лиза ухитрилась набить кровавые мозоли. Паренёк смеётся.

— Что ты рубишь с плеча? Ты на пятку налегай!

Лиза не знает, как надо налегать на пятку. Она размахивается изо всех сил, и литовка вливается в муравьиную кучу. Перед глазами плывут огненные круги.

— Берегись, пятки подрежу! — кричит Петька и весело хохочет, глядя, как Лиза торопливо тычет литовкой куда попало.

— Ты чего задаёшься? Видишь, человек не умеет косить, а ты озоруешь, — вступает за Лизу проходящий мимо старик. — Ты стань на её прокос, а она пусть идёт сзади.

— Ну-ка, уйди! — Петька слегка отталкивает Лизу, а глаза у него плутовато блестят. Он становится на её прокос и через несколько минут уходит вперёд.

«Каким они грубые, жесткие», — думает Лиза и старается работать изо всех силёнок, но не косит, а рубит траву.

Бригадир останавливается неподалёку якобы поточить косу, а сам наблюдает за неумелыми движениями девушки. Под его взглядом Лиза косит ещё хуже. «Хоть бы ушёл», — мучительно думает она, но бригадир не уходит, стоит и смотрит.

— Дай-ка поточу, — наконец говорит бригадир и, взяв из рук девушки литовку, старательно ширкает по ней брусом.

— Ты много не забирай, трава густая, перестарела, а тебе и так без привычки тяжело. На пятку палегай, а руку заводи дальше назад. Вот, смотри как... — Он словно брест землю, срезая траву под самый корешок. Прокос становится широким и чистым, ни одна травинка на нём не остаётся.

— Литовочка лучше бритвы, только почаще точить надо, — хвалит бригадир, передавая Лизе литовку. — Батюшки мои! С руками-то что сделала! — восклицает он, увидев кровавые пузыри на ладонях девушки. — Ты литовку-то свободно держи, чтоб она у тебя в руках играла.

Он смотрит, как девушка с отчаянием, неумело размахивает литовкой, и сочувственно говорит:

— Без привычки не лёгок наш крестьянский труд. А ты почему это в колхоз-то пошла? Десять классов, говоришь, окончила, отец в районе видный работник... Какая нужда?

— Да так...

И у Лизы слёзы смешались с потом.

— Чудная ты... Другие молодые люди из колхоза уходят, в служащие норовят. Ну ничего, привыкнешь.

Бригадир уходит, бормоча что-то себе под нос. У Лизы откуда-то из глубины сознания встаёт вопрос: «Может быть, бросить всё?» Но тут же, кажется, всё её тело яростно протестует: «Трудностей испугалась! Тоже комсомолка!» Однако через минуту она вновь хватается за первую мысль, теперь уже более спокойно и рассудительно. «А ведь полезнее стать инженером, изобрести такую машину, которая заменила бы тяжёлый ручной труд... Далёкое стрекотанье лобогрейки напоминает ей, что машины уже изобретены. Дело, оказывается, не в этом. Машины изобретены, а люди всё ещё маются. Девушка останавливается и с тоской оглядывается кругом. Она не понимает, как поступить правильно. Мысли текут вялые и унылые.

Весь этот день оказался для Лизы злополучным.

Тут же, рядом с покосами, молодой колхозник лобогрейкой жал рожь. Каким-то уголком усталого сознания Лиза отметила, что рожь здесь чахлая, редкая, с тощим колосом, не та, что в «Заре».

Колхозник соскочил с сиденья лобогрейки и попросил Лизу:

— Слушай, поддержи лошадей, я сбегаю прикурить. Ей-богу с обеда не курил!

Он побежал догонять далеко ушедших косарей. Лиза нерешительно подошла к лошадям. Ей никогда не приходилось держать коней. Сначала они стояли, энергично отгоняя хвостами и головами слепней, потом пошли. Девушка попыталась схватить коренного под уздцы, но он взмахнул головой и вырвал повод. Лиза отскочила, побоялась, что лошади наступят ей на ногу, сомнут или укусят. В следующую минуту она сорвала стебель белоголовника, забежала вперёд и стала махать стеблем перед глазами коренного. Кони отвернули в сторону и понеслись. Лиза закричала и побежала за дребезжащей, прыгающей косилкой. Поняв, что ей не догнать, она остановилась и с ужасом смотрела, как взбесившиеся кони уносились всё дальше и дальше. Наперез им с криками бежали люди. Мимо девушки огромными прыжками пронёсся тот колхозник, что попросил её присмотреть за лошадьми. Он бросил ей очень грубое слово.

У Лизы кружилась голова, девушка в изнеможении опустилась на траву. Происшествие всех отвлекло от работы, и к винонице подошло сразу несколько колхозников.

— Эх ты, разиня!

— Теперь лошади серп порвут и машину исковеркают.

— Могут ноги себе посечь... Лучшие лошади!..

— Избави бог, жеребец попортится...

Эти слова Лизу поражали, как удары. Теперь она стояла бледная, с широко открытыми глазами, но ничего не видела ясно: всё качалось и куда-то уплывало. Колени у девушки дрожали.

— Растяпа, белоручка! Сидела бы лучше дома... Теперь из-за тебя уборка ржи остановится, — со злобой сказала тётка Матрёна и отвернулась.

— За что вы её ругаете? — неожиданно вступился Петька. — Может, она лошадей никогда не видела...

— Тоже мне заступщик выискался! — зло прикрикнула на него Матрёна. — В деревне выросла, а лошадей не видела?

Лиза молчала, испуганно смотрела на злые лица. Петька подвинулся к ней, попытался сказать ещё что-то, но Матрёна махнула рукой и властно сказала:

— Заткнись, Петруха, всё ясно... Идёмте косить!

И все ушли на свои прокосы, оставив Лизу одну. Девушка тоже взялась за литовку, но дело у неё теперь совсем не клеилось. Она видела, как пойманных лошадей увели на полевой стан, выпрягли, как кучей возлились колхозники у сломанной жатки.

Лизе казалось, что вечер никогда не наступит, что солнце, словно подпёртое вилами, навсегда остановилось на небе. Когда она потеряла всякую надежду дожидаться конца работы, неожиданно раздался окрик:

— Конча-ай!

Не заходя на полевой стан, Лиза одна отправилась домой. Вскоре она сошла с дороги, упала в густую траву и дала волю долго сдерживаемым слезам. Слезы несколько утешили её. Лиза встала и огляделась кругом. Заря уже потухла. Стало сыро, кричали один перепела. Девушка испугалась, как бы ей одной не пришлось почевать в поле, и заторопилась к дороге.

Забыв о всех неудачах, Лиза бежала. Однако вскоре она стала задыхаться, ноги начинали подкашиваться, и ей невольно пришлось пойти шагом.

Сзади затарахтела телега. Лиза, не оглядываясь, по звукам следила за её приближением, затем сошла с дороги. Но телега, поравнявшись с ней, остановилась. Лизу с ног до головы окатило жаром.

— Садись, довезу, — сказал Петька.

Лиза обрадовалась, но зачем-то сказала:

— А я дойду...

— Садись, до села далеко. Волки съедят.

Лиза торопливо залезла в телегу и уселась рядом с Петькой. Он ударил коня вожжой, и телега покатилась.

— Серп от лобогрейки в кузнию везу, — весело сообщил Петька, блеснув глазами. — Ну и наделала ты делов!

Лиза опустила голову.

— Ругают меня? — тихо спросила девушка через некоторое время.

— Не без того. В нашей бригаде одна лобогрейка. Теперь и та встала, да и лошади... — Он огорчённо поцокал языком.

Лиза боялась спросить, что случилось с лошадьми. Спутники долго молчали. Из-за недалёкого леса выплыла большая красная луна и зловещим светом залила степь.

— Небось завтра не придёшь? — спросил Петька.

— Не знаю, — безучастно прошептала Лиза. Она и в самом деле не знала, что ей делать. Состояние было такое, будто провалилась она в глубокую чёрную яму.

— А ты приходи, привыкнешь.

Не смея верить сочувствию, Лиза ещё ниже опустила голову. Петька, понужая лошадь, поцокал языком, передёрнул вожжи, и заговорил горячо и рассудительно:

— Плохо, если человек умеет что-нибудь одно. Человек должен всё знать, всё уметь: и науки, и всякую работу. Я вот, дурак, только пять классов кончил и бросил учиться. Шибко лошадей и машины люблю. Захотел коношом стать... Ну и научился, — с гордостью заключил он и опять ласково поцмокал на лошадь. — А школу упустил. Теперь прошусь у Андрея зимой на курсы поехать. Хорошо, когда всё знаешь и умеешь...

Лиза удивлённо смотрела на Петьку. Луна уже поднялась высоко и побледнела. Петькино лицо при лунном свете казалось тоже бледным и строгим. Лизе вдруг стало тепло. У неё родилась горячая симпатия к этому пареньку.

— А ты кем хочешь быть? — доверчиво спросила она.

— Я буду комбайнёром, да таким, чтобы как инженер, — дерзко блестя глазами, заявил Петька. Лиза понимающе кивнула головой.

— Ты комсомолка? — спросил он.

— Да.

— Я тоже комсомолец.

Впереди засветились огни, послышался собачий лай. Из села донеслись звуки гармошки и песни. Телега застучала по мосту. Внизу, в чёрной воде, отразилась спокойная полнолуная луна.

Когда въехали в село, Лиза указала на узкий переулок.

— Мне сюда...

Петька остановил лошадь, девушка вылезла из телеги.

— Придёшь завтра?

Лизой опять овладело тяжёлое чувство.

— Стыдно...

— Стыд не дым, глаза не ест, — солидно ответил Петька и робко, умоляюще попросил: — Приходи. Мало у нас молодёжи.

Лиза подала ему руку и тепло сказала:

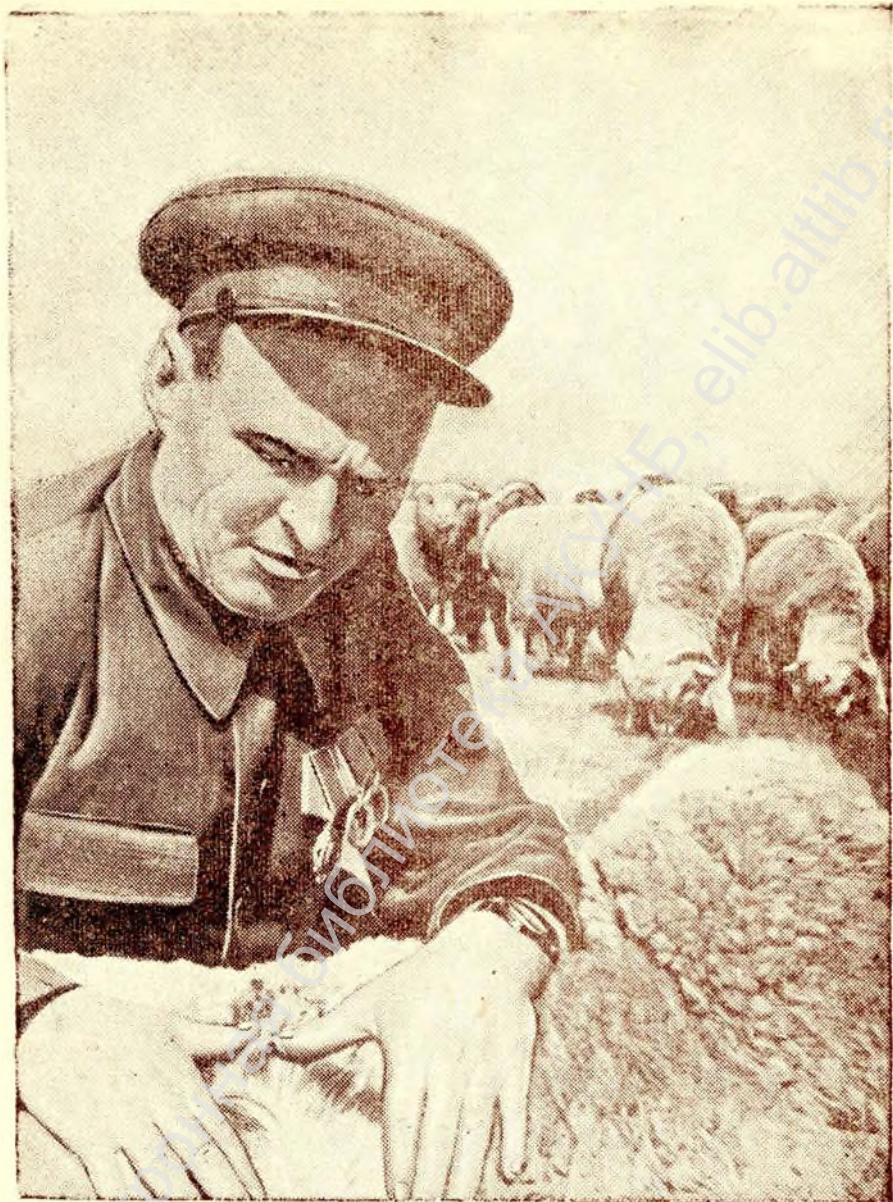
— До свиданья.

Петька бережно сжал её распухшую руку в шершавой мальчишеской ладони.

Дома стол был накрыт белой скатертью и уставлен едой. Мать ждала Лизу.

Переступив порог, Лиза всем телом почувствовала, как она устала. Невольно присев на табуретку у двери, она подумала о том, как велико счастье находиться дома и знать, что тебе никуда не нужно идти.

— Родная моя, умучилась-то как! — запричитала мать.

НА АЛТАЕ

В крае выведена новая высокопродуктивная порода овец «Алтайская тошкорунная». Большая заслуга в этом деле принадлежит ст. зоотехнику племенщесовхоза «Рубцовский» лауреату Сталинской премии Н. А. Васильеву.

Фото Н. Калинина.

У Лизы на глаза навернулись слёзы, она бы заплакала, но в эту минуту с печи послышался голос бабушки:

— Ох-хо-хо! Было поработано, было похожено. В России двенадцать годочков провела на поле барском. От зари до зари... Вот теперича рученьки-то и ноют и болят, покою не дают.

Но эти слова не разжалобили Лизу, а, наоборот, вселили в неё силу. Она встала, умылась и села за стол. Однако есть ей не хотелось.

— Затомилась, бедная! — горевала мать. — День-деньской на жаре. Какая уж тут еда!

Ночью Лизу мучили кошмарные сны. Множество лошадей неслось на неё. В страхе она просыпалась несколько раз. Светила луна. На полу чётко вырисовывался переплёт рам.

Утром Лиза встала, словно разбитая. Болел бок, саднило горячие руки. Раздавленная и засорённая мозоль нарывала. Вялость парализовала всё тело, голова казалась деревянной, и девушка долго лежала, обдумывая события прошлого дня. Вернуться в колхоз было стыдно и страшно. Не ходить, отступить было больно и горько. Как будто и жить ей теперь нечем.

После завтрака Лиза вновь ушла в свою чистенькую комнатку и одетая легла на неразобранную постель. Закинув руки за голову, она тупо смотрела в потолок. Невесёлые мысли гнездились в голове. Посоветоваться было не с кем. Отец уехал в командировку и неизвестно когда вернётся. Отвести бы душу с любимой подружкой Надей Сафроновой, но она гостит у сестры. Рассказать бы всё Ольге Павловне, но учительница — на летней сессии в пединституте. И девушка чувствовала себя одинокой и несчастной. Так она и забылась в тяжёлом сне, словно придавленная камнем.

Разбудил её знакомый голос. Она вскочила и прислушалась. Её спрашивал Петька. Лиза торопливо оправила волосы, платье, и вышла в кухню.

Петька, запялённый, с кнутом в руке, стоял у порога. Мать смотрела на него с неприязнью.

— А-а, Петька! — искренне обрадовалась Лиза. — Садись.

— А к нам комбайн пришёл, — похвалился Петька. Лиза не нашлась, что ответить, и несколько минут длилось молчание.

— Мне бы поговорить с тобой на один, — наконец, сказал Петька, и его смуглое лицо побурело под внимательным и строгим взглядом Лизиной матери. Лиза тоже почему-то смутилась и покраснела.

— Ну, проходи, — смущённо сказала она, чувствуя, как пылают её щёки, и не смея взглянуть на мать.

Петька неловко, боком, прошёл в комнату, робко присел на краешек стула и нахмурился.

— За машинным маслом послали. Ехал мимо тебя и зашёл, — смущённо заговорил он, решительно взглянув на Лизу. — А ты, значит, струсила?

— Болею, — сказала Лиза, опять краснея. Петька дукаво повёл глазами.

— С Андреем разговаривал. Он приказал звать тебя, нам нужны культурные люди.

— А кто это Андрей? — оправившись от смущения, с любопытством спросила Лиза.

— Андрей Иванович Крутов — наш новый председатель. Мировой мужик! — громко выпалил Петька. — Он зимой пришёл из армии. Тоже только пять классов кончил, но в армии его здорово подучили. «Мы, говорит, колхоз должны в корне перевернуть. Плохих колхозов не бывает»...

Петька говорил оживлённо, радостно, в его ореховых глазах мелькали искорки, а белые зубы сверкали.

— Андрей с молодёжью часто разговоры ведёт. Нам, говорит, нужна культурная молодёжь... Ну, так ты как, поедешь?

Лизе вдруг стало легко и весело, даже будто руки и спина перестали болеть. Она почувствовала себя нужным человеком, у неё явилось горячее желание сделать что-то большое и важное. А Петька, лукаво улыбаясь, продолжал:

— А что лошадей упустила, так это ничего. На всякого Ивашку бывает промашка, говорит Андрей.

— Хорошо, — прервала его Лиза. — Ты меня подожди за воротами, я сейчас переоденусь.

4.

Прошёл август. За этот месяц Лиза научилась в колхозе косить, вязать снопы, скирдовать, веять. Научилась запрягать лошадь и ездить верхом. Теперь она уже не боялась, что лошадь наступит ей на ногу.

Лиза крепко подружилась с Петькой и председателем колхоза Андреем Ивановичем. Крутов — сравнительно молодой человек, с тусклым белобрсым лицом, но с яркими и красивыми мечтами о новой жизни.

Колхозники полюбили Лизу за её жадное стремление сделать что-то хорошее, за настойчивость и трудолюбие, а особенно, кажется, за то, что она смело пошла в отсталый колхоз и делит с ними тяжёлый труд.

В середине августа Лиза проводила свою подругу Надю Сафронову в Новосибирск, держать экзамен в институт. С Надеей она послала своё заявление. Лизу, окончившую школу с золотой медалью, должны были принять без экзаменов. Теперь она ждала ответ из института и письмо от Нади.

Сегодня суббота, последний день августа, завтра — первое сентября. Раньше у Лизы это был радостный день — первый день занятий в школе. Он всегда проходил празднично. Теперь, стаскивая последние снопы в суслоны, Лиза почувствовала, что ей грустно. Отчего? Может быть оттого, что навсегда отошли школьные годы. Девушка положила сноп на суслон, выравняла его, посмотрела на свои исколотые, загорелые руки с затвердевшими мозолями, взглянула на оранжевое заходящее солнце и направилась к скирде.

Гимнастёрка на Андрее Ивановиче мокра от поту. Он только что кончил скирдовать и перепрягал лошадь из роспусков в ходок. Лиза знала, председатель собирается ехать в соседний колхоз просить молотилку и грузовую машину, чтобы ускорить вывозку хлеба на элеватор.

— Андрей Иванович, мне домой надо. Поди, извещение из института пришло.

Крутов, подтягивая подругу, бегом окинул девушку светлыми глазами, тусклое лицо его ничего не выразило. Он затянул подругу, ладонью похлопал коня по крупу и опять взглянул на Лизу.

— Беги, коли надо, а завтра... — Председатель тряхнул вожжой, вскочил в ходок и, не оглядываясь, крикнул: — Завтра приходи! Комсомольское собрание будет.

Тётка Матрёна, подгрёбавшая у скирды колосья, оторвалась от дела, поглядела ему вслед и сказала:

— Жалко ему отпускать тебя.

У Лизы вдруг сдавило горло. Девушка наклонилась, сорвала стебель полыни и переломила его.

— А ты всё-таки уедешь? — спросила женщина.

— Надо, тётя Мотя, — тихо ответила Лиза.

— Да, надо, — согласилась женщина. — А нам жалко, душевная ты, работающая...

Лиза молча поклонилась ей и по стерне пошла на дорогу. Она смотрела на поля, уставленные скирдами и суслонами, освещённые скупым светом зари, и ей становилось всё более грустно. Теперь она не боялась в сумерки возвращаться домой. И поля, и перелески, и колки стали родными, домашними.

Дома горел яркий свет. Лиза бегом влетела во двор. Приятно было возвращаться к семье после недельного отсутствия. Мать и бабушка встретили с радостным оживлением. В комнате на століке лежала стопка писем. Среди них отыскалось извещение о том, что Лиза без экзаменов принята в институт, что занятия начнутся с пятого сентября. Тёплой волной от сердца по всему телу прошла радость. Девушка выбрала и распечатала синий конверт, на котором узнала круглый детский почерк своей подруги. Надя беспорядочно, торопливо, словно захлёбываясь от волнения и радости, описывала город, институт, новых товарищей, кино, театр оперы и балета. Всё для неё было ново, интересно, сверкало яркими красками. Чувствовалось, что живёт она жадно, торопливо, горячо.

«Прости, писать больше некогда. Собираюсь с девчатами в кино, смотреть «Молодую гвардию». Приезжай скорей-скорей. Жду с нетерпением».

Лиза опустила руки на колени и задумалась. В ней проснулось что-то яркое, сверкающее, бурно-радостное, отчего захватывало дыхание и сильнее билось сердце.

«Скорей бы!» — прошептала она и взяла третье письмо. Оно было от Сергея и Владимира. Шутливое, весёлое письмо. Парни писали в вагоне по очереди, то один, то другой, рисовали, как бу-

дут ждать её в Новосибирске, брали её под своё покровительство и обещали проводить время весело и интересно. От этих строк опять пахнуло на девушку молодостью, радостью, жизнью. Влечение к Владимиру, которое всё это время таилось где-то в глубине, вспыхнуло с новой силой. По телу пробежал жаркий весёлый огонёк. Страстно захотелось узнать настоящую любовь, настоящую дружбу. Стать красивой, нарядной. Гулять в шумной толпе по ярко освещённым улицам, сидеть в театре. Всё это будет, и так скоро! Девушка закружилась по комнате, смеясь и разговаривая с собой. Радость рвалась наружу. Лиза подошла к зеркалу и стала рассматривать своё лицо, шею, волосы. И радость вдруг потускнела. Из зеркала смотрело на неё незнакомое, огрубевшее, загорелое, с остреньким подбородком, лицо. И без того некрасивый широкий нос покраснел и облупился, обветренные губы потрескались. Брови и волосы выгорели, шея грязная, ворот блузки тоже. Работа на поле с утра до вечера, а иногда и ночью, не оставляла ни сил, ни времени на то, чтобы следить за собой. Только большие серые глаза, смотревшие доверчиво и жадно, несколько красили лицо. Лиза с досадой отвернулась от зеркала.

Нехотя она открыла сундук, достала из-под кровати чемодан и стала укладываться. Вынимала одно за другим свои лучшие платья, шерстяные, шёлковые, маркизеговые. Долго держала в руках голубое крепдешинное платье, которое надевала только один раз, на выпускной вечер. И вот уже лето прошло. Ей стало досадно, что за всё лето ни разу не удалось хорошо одеться. «Ну, ничего, теперь всё пойдёт по другому»...

— Лиза, иди в баню, — позвала мать.

Мать, хоть и попрежнему ухаживала за дочерью, но губы у неё теперь обиженно опущены. Отец же, наоборот, всегда приветлив и весел с дочерью. У них появились общие интересы. Отец советовался с дочерью о колхозных делах, а когда приезжал в её бригаду, то нарадоваться не мог. Колхозники при отце хвалили Лизу, и она видела, что отец гордится ею. С отцом ей всегда было легко и свободно. Мать же казалась девушке одинокой и несчастной, и хотя, по мнению Лизы, мать была неправа, всё равно девушка чувствовала себя перед ней виноватой.

— Сейчас, мама! — поспешно ответила Лиза.

— Тут письма тебе, видела? — спросила мать.

— Читала...

— Кажись, из института есть? Что пишут?

Лицо у матери насторожённое. Лиза довольна, что может обрадовать мать.

— Приняли без экзаменов. Занятия начнутся с пятого сентября.

Лицо матери просветлело, но тут же приняло озабоченное выражение.

— Надо ведь собираться.

— Вот я и собираюсь.

— Когда же поедешь?

— Думаю, послезавтра.

— Понедельник — тяжёлый день... Да и подорожники не успем постряпать.

Теперь матери стало грустно от мысли, что придётся надолго расстаться с дочерью.

Лиза взяла лучшее бельё и пошла в баню. Она долго и тщательно мылась. Потом долго стояла перед зеркалом и мазала лицо, руки, даже шею вазелином и кремом. Потом пила чай с булочками. А затем лежала в постели и перечитывала письма. Ощущение чистоты, свежести тела и белья, тепло, свет, красивая обстановка, покой — всё было приятно. Строки, написанные рукой Владимира, вызвали сладкое волнение. И грёзы о красивой, яркой, волнующей жизни проносились в её полусонном, затуманенном сознании.

На другой день Лиза проснулась в лёгком, свежем настроении. Она вышла на крыльцо. Небо синее, солнце ярко, но уже чувствуется приближение осени. Воздух чист и крепок. Трава чуть-чуть побурела. Первое сентября! Первый школьный весёлый день.

По улице прошла машина, доверху насыпанная зерном. Тонкая золотистая струйка лилась из кузова на дорогу. Лиза проводила глазами машину и с досадой подумала: «Рассеивают хлеб. Надо сказать Андрею Ивановичу». Она догадалась, что председатель выпросил у соседней артсели машину, но мешков, как видно, не оказалось в колхозе. Андрей Иванович не доглядел, и вот зерно рассылают.

Через полчаса Лиза шагала по полевой дороге, направляясь в бригаду. Везде виднелись суслоны, скирды, стога сена. В бригаде колхоза «Страна Советов» гудел трактор, молотили хлеб. По другую сторону дороги тянулись поля «Волны». Издали девушка увидела, что колхозники скирдуют пшеницу. Сам Андрей Иванович подавал снопы, Петька попрежнему подвозил. На другой полосе, близ колка, скирдовали овёс. Лиза, прищурив глаза, посмотрела вдаль. Далеко, насколько хватал глаз, раскинулась ширь полей. И всюду суслоны, без счёта суслоны... Их надо собрать, свезти, сложить в скирды, обмолотить. А там ещё просо не всё убрано, конопля, картошка, свёкла. Как много ещё работы! Девушку охватило беспокойство, она побежала, перепрыгивая через кусты полыни.

— Пришла? — спросил Андрей Иванович, взглянув на неё светлыми, как родниковая вода, глазами.

— Молотилку не дали?

— Нет. Сами молотят.

— А собрание будет?

— В обеденный перерыв.

— Андрей Иванович, машина соседей наш хлеб возит?

— Наш. А что?

— Пшеница в щель сыплется, сеют по дороге.

— Ну? — Председатель спрыгнул с телеги. — Ты повози снопы, чтоб лошади не стояла, а я пойду на ток. Скоро придёт машина.

И он ушёл. Подъехал Петька.

— Здорово почевала? Как дела?

Лиза, стоя на пустой телеге, широко расставив ноги и подобрав вожжи, ответила:

— Из института извещение пришло. Завтра уезжаю.

Лиза видела, что Петька побледнел, на секунду замер, приподнявшись на колени. Но в ответ он ничего не сказал. Бросив на спину лошади вожжи, парнишка принялся яростно метать снопы на скирду. Девушка немного подождала и ударила вожжей по лошади. Телега, мягко поскрипывая, покатила по жнивью.

Лизе было приятно, что Петька страдает при мысли о разлуке с ней, в то же время она жалела его. Он помогал ей в трудное время, учил её работе, нередко выполнял за неё тяжёлый труд, ободрял в минуты неудач. Она платила ему чистой девической привязанностью, приносила читать книжки, рассказывала содержание книг, какие ему не пришлось прочесть.

Как-то по-новому смотрела Лиза на всё. Это щетинистое поле, далёкие колки и перелески, чуть тронутые желтизной, просторные, голубые дали — всё было ей мило, дорого. Вспомнились некра-совские стихи:

Чтоб вечно любить это скудное поле,

Чтоб вечно вам милым казалось оно.

Нет же, оно вовсе не скудное! Оно величественное, прекрасное... Разве есть что-нибудь красивее этих бесконечных голубых далей? В воображении вспыхнула картина городской жизни, как она её представляла себе вчера: блеск, шум, сверканье. Это бурная, увлекающая красота, от которой сильнее бьётся сердце и кипит кровь. А здесь зато всё бесконечно дорого и мило сердцу.

Петька с грохотом обогнал её и остановился у суслонов. Сначала наложили снопами Лизину телегу, потом Петькину. Петька был то лихорадочно возбуждён и не в меру разговорчив, то внезапно умолкал и становился грустным. Лизе тоже было немножко грустно. Но грусть эта была лёгкая, светлая.

В обеденный перерыв в бригаду приехал Алексей Никитич. Как только Лиза увидела его, ей сразу стало весело.

— Здравствуй, папа! — потянулась она к отцу, спрыгивая с телеги.

— Здравствуй, Лиза! Поздравляю тебя с юношеским днём.

— Спасибо!

После обеда комсомольцы остались за столом. Их было всего шесть человек. Собрание открыл Петька, недавно избранный секретарём первичной организации.

Алексей Никитич сделал доклад. Говорил он просто, убедительно, и ребята слушали его с увлечением. После него взял слово Андрей Крутов. Речь его была, как всегда, простой, вначале немножко вялой:

— Алексей Никитич правильно сказал, что комсомольцы всегда и везде были впереди: в науке и в технике, в труде и на войне. Но если существует такой отсталый колхоз, как наша «Волна»,

то это позор для комсомольцев, потому что тут они никак не впереди, а неизвестно где. Урожай у нас — пять-шесть центнеров с гектара. Вообще скучное дело...

Он помолчал, глядя куда-то вдаль. Лицо у него было усталое, серое, только глаза оживились.

— Муторно говорить о том, что мы упустили. Надо говорить, что должно у нас быть. Знаете, ребята, мне часто снится, что вот здесь, — он сделал широкий жест рукой и заблестевшими глазами осмотрел родные поля, — растёт пшеница с чудо-колосом. Слышали о ветвистой пшенице, когда на одном стебле несколько колосьев? И чтоб с гектара собирать не пять центнеров, а двадцать пять, пятьдесят, сто! Кто нам укажет предел? Кто нас остановит!

Лиза смотрела на Крутова удивлённо, широко открытыми глазами. Таким Андрея она никогда не видела. В глубине его прозрачных глаз, как на дне ручья, сияло солнце. Лиза, словно освещённая этим солнцем, преобразилась. «Да он красивый, совсем красивый», — подумала она.

А Андрей страстно говорил о том, каким станет колхоз в недалёком будущем, что предстоит сделать комсомольцам завтра, через неделю, через месяц.

— Машины! Всё делать машинами, электричеством. При каждой усадьбе — сад. Тут у нас, на Чумыше, могут расти яблоки, груши, вишни, а, может, и виноград. Мичуринцы доказали это.

Женщины, собравшиеся вокруг комсомольцев, радостно улыбались. А Лизе казалось, что Андрей стремительно идёт куда-то, может быть, в сказочное царство, и она спешит за ним. Яркие, буйные мысли закружились в её голове. Она увидела здесь поля с такой же пшеницей, как у тёти Кати. Девушке представился лунный вечер в полевом стане, когда одиноко сидела она за ометом соломы. Тут же ей вспомнился Владимир и сердце обожгло желание встретиться с ним. Потом, как в вихре, закружились события, мечты, желания. Яркой, прекрасной встала перед ней новая, близкая жизнь в большом, шумном городе. Лиза плохо слышала, что говорил Петька. Она отряхнулась от мыслей, когда после него девушки загадели все сразу.

— Правильно!

— Надо зveno высокого урожая!

— А то в газетах пишут, везде звенья, везде высокие урожаи, а мы, как на острове.

Когда гаддѣ стих, тётя Мотя отделилась от кучки женщин и подошла к столу.

— Нам бы звеньеную знающую, — сказала она.

— Где ж её взять, купить что-ли...

Женщина отмахнулась от смеющегося Петьки.

— А вот Лиза, она десятилетку прошла.

Все замолчали и посмотрели на Лизу. А Лиза ничего не понимала, чувствуя, что у неё пылают щёки и уши, горят глаза.

— Ну, как, согласна, Лиза? — спросил Андрей, заглядывая ей в лицо.

— Да ведь она уезжает учиться, — недовольно сказала одна из девушек.

И вдруг словно луч солнца осветил всё тёплым мягким светом. Лиза увидела перед собой чудную пшеницу, о которой говорил Андрей и которую вырастила она, Лиза, со своим звеном. Девушка поняла, что именно к этому она стремилась с той самой лунной ночи; ради этого она поторопилась вернуться сюда из «Зари», ради этого целый месяц трудилась вот на этих полях. И ради этого она отказывается от той жизни, о которой мечтала вчера и сегодня, отказывается даже от встречи с Владимиром. Ах, нет, от встречи она не откажется, а только отложит её. И всё это не жертва. Нет. В колхозном труде заключается её счастье.

Она встала и сказала прерывающимся звонким голосом:

— Я не поеду...

Петька громко вздохнул. В жарких быстрых глазах его заиграли огоньки. Лицо осветилось озорной мальчишеской улыбкой.

— Ну и хорошо. Будешь у нас звеньевой. Идёт? — поспешно спросил он.

— Буду! — ответила девушка, и пощри у неё затрепетали от бурного дыхания.

Опять все замолчали и посмотрели на неё. Каждый понял, что с Лизой происходит что-то особенное.

Налетел порыв ветра, подхватил и унёс со стола газету, зашестел соломой, погнался по току мякину.

— Эге! Кажись тучка надвинулась! — сказал Андрей и оглянулся. Где-то глухо проворчал гром. Все зашевелились.

— Вот тебе раз, гром в сентябре!

— Осень будет длинная, — заключила тётка Матрёна.

— Значит, вопрос решён. Организуем звено высокого урожая. Звеньевая Лиза Снегурова. Собрание считаю закрытым! — весело прокричал Петька и выскочил из-за стола.

Когда отец собирался уезжать, Лиза подошла к машине.

— Папа, ты на меня не сердись?

— Это за что же? Ты поступила, как надо.

— А мама?

— И мама вскоре поймёт. Но учиться не забывай. Не будешь учиться, и в труде не скоро победы добьёшься.

— А я зячю поступлю в институт.

Опять, теперь уже не遠далеке, проворчал гром.

— Эй, ребята! — крикнул бригадир. — Скорей скирдовать!

Колхозники заторопились. Сильный, но тёплый ветер гнал по земле солому, сухую траву, первые опавшие листья. Перекачиполе, как ёж, пробиралось по жнивью, то цепляясь за него, то опять срываясь. Лизу бодрил этот тёплый, пахнущий весной и счастьем ветер.

А Г Р О Н О М

Там, где пашни в дымные поёмы
Волнами ребристыми сопли,
Он, вдыхая запах чернозёма,
Миёт в ладони сдобный ком земли.

И с таким внимаьем и любовью
Он глядит на бархатный тот ком,
Будто яркой, незнакомой новью —
Для него пахучий чернозём.

Кажется ему: он держит колос,
Колос, полный светлого зерна,
А земля без края распростёрлась,
И пшеницей рослою полна.

В радости лицо его искрится,
И в улыбке щурятся глаза
Оттого, что длинной вереницей
В элеватор побегут воза.

Видит он: в просторах океана,
Далеко от дома, от земли,
Обжигая вымпелом туманы,
Ходят китобои — корабли.

Хлещут волны. Шторм бунует лютой,
Льдины скалят острые клыки..
На обед в просторную каюту
С палубы приходят моряки.

Тёплый хлеб по блюдам разложили,
Вспоминая о родных краях,
Все паперебой заговорили
Об Отчизне милой, о друзьях.

— Да, у нас могло и так случиться, —
Ломтик взял обветренный моряк, —

Что для хлеба этого пшеницу
Мне в Алтае вырастил земляк!..

С думами про славную работу
Вдаль глядит колхозный агроном.
Замечтавшись, как живое что-то,
Гладит он ладонью чернозём.

Д Е Д

Плещет в ноги травяным прибоем,
Пахнет мёдом травянистый луг.
У берёз, склоняясь над отбоем,
Дед стучит, не покладая рук.

Дед загружен важною работой
На покосе, в пойме луговой.
Он, с лица стирая капли пота,
По привычке, говорит с собой.

--- Прожил век, а не слышал такого,
И к такому слову не привык.
Нет сказать, мол, помоги немного!
Только слышишь: «Отдыхай, старик»!

Что мне отдых, коли всем народом
Сталину обет великий дан:
Раньше срока, за четыре года,
Пятилетний выработать план!

Сталин верит в трудовое слово!
Как же я со всеми не пойду,
Как же я его, отца родного,
Обнадёжив словом, подведу?

Воп вокруг гремит какое дело...
Так неужто я не пригожусь?
Нет, покамест поги несут тело,
Я с другими вместе потружусь!..

И опять уверенно и ловко
Дед стучит, не покладая рук,
И горит огнём в руках литовка,
Звонкой дробью осылая луг.

СОЛОВУШКА

Если делать больше нечего,
Хорошо, мои друзья,
Золотистым майским вечером
Слушать песни соловья!

Так и Надя Сухомлинова
В час досуга золотой
Слушать песни соловьиные
Ходит в садик за рекой.

Только странно получается,
Не придумаешь чудней:
Надя в сад едва спускается —
Замолкает соловей.

И до времени рассветного
Тот соловушка молчит,
Но из садика заветного
Надя к дому не спешит.

Не простой, видать, соловушка
С тем садочком подружил,
Что Надюшину головушку
Закружил — заморозил.

Говорила Фрося-вдовушка,
От реки идя с водой,
Что Надюшиным соловушкой
Оказался звеньевой.

Может быть... Нам знать не дадено.
Подождём, мои друзья,
Скоро мы на свадьбе Надвиной
Все увидим соловья!

В Е Ч Е Р

Речкою, ручьями издалече
Протекла заря по небесам.
Синим тюлем опустился вечер
На поля, на рощи, на леса.

По-над садом голосистым эхом
Прокатился через тёмный дол,

И девичьим задумчивым смехом
К деревенской площади пришёл.

Радостью встречая тёплый вечер,
Ни любви, ни страсти не тая,
Из проулка девушкам навстречу
Заспешил залиvistый баян.

И дышавье затаив, деревья
Простирают ветви к небесам,
Слушают, как новая деревня
Радостно поёт по вечерам.

НА ОХОТЕ

Рассказ

Я не отношусь к таким охотникам, о которых жёны скорбно говорят: «Пропавший для семьи человек». Но страсть охотничья во мне есть. Собственно, интересует меня больше не добыча, а сама охота. Может быть, поэтому я и врать не умею, далёк от тех, которые, стремясь показать себя удачливыми и искусными охотниками, наговаривают вам семь коробов. Каких только чудес с ними не приключается: и утки живьём в ягдтаци падают, и зайцев величиной с медведя убивают, и косачи сами на мушку садятся. У меня подобных случаев никогда не было и, думаю, не будет. А то чудесное, о чём я хочу рассказать, никакого отношения к самой охоте не имеет, только узнал я его через охоту.

Событие это относится к тем дням, когда пришёл я из армии, с войны. А на фронте, все знают, думать об утках или зайцах не приходилось. Только на Украине пустил я разок автоматную очередь по летевшим дудакам. Птицы, конечно, не убил, а от взводного крепко влетело мне. Когда же окончилась война, и двинулся я из Берлина на родной Алтай, вспомнилась мне охота. Лежу на верхней полке вагона и под весёлый перестук колёс мечтаю: «Заявлюсь домой, как снег на голову. Жена обрадуется, а сынишка, наверняка, не узнает. На второй день, думаю, попроведаю родных и знакомых, ну а на третий — ружьишко в руки и — за утками!..» Очень хотелось мне побродить по родным полям, полюбоваться рекой, посидеть где-нибудь в скраде. Кто не испытал, тот не представляет, как это приятно, тем более, человеку, который четыре года не видал родных мест, четыре года находился около смерти.

Так я и сделал. В первый же день, когда жена, подавая полнёшенький стакан московской, глядела на меня, как замороженная, не утерпелось мне спросить о ружье.

— Куда же оно денется? Всё сберегла, — с затаённой гордостью ответила Вера. — И патроны, как были тобой заряжены, так и лежат.

Я полез на печку и снял с гвоздя свою бескурковку. Снаружи она покрылась пылью, ну а когда заглянул я внутрь, то остался очень доволен: ни ржавчины, ни царапинки!

В намеченный день я долго не решался сказать жене об охоте. Знал, что обидится. Так оно и вышло. Заслышав разговор об охоте, она выронила из рук нож и рыбу, которую чистила. Этим не преминул воспользоваться ког. Он схватил карасишку и, урча, уволок под стол. В больших серых глазах жены было и удивление и обида.

— Ты, Алёша, здоров ли? — дерзко спросила она, но тут же переменяла тон, добавила примирительно: — Видагь, отвык от меня совсем...

Пришлось мне употребить всё сержантское красноречие. Договорились. С Верой всегда можно договориться, душевная она у меня, дай бог каждому такую жену.

Наложила она мне в вещевой мешок продуктов столько, что за неделю не с'есть. Даже поллитра засунула.

Водочку я прихватил для встречи с давнишним дружкой своим — Артёмом Ивановичем Хомяковым, — с которым не виделся с мая сорок первого. Живёт он в деревне Мосиха, что в пятнадцати километрах от города. Надо сказать, чудесный старик, этот Артём Иванович! Умная голова и душа большая. Природу любит, кажется, сильнее, чем свою старуху, Матрёну Петровну. И не просто любит, а наблюдает за ней, как хороший доктор за больным. По корявым записям в чёрной клеёнчатой тетради старик может рассказать вам о морозах, снегопадах, инеях и туманах за много лет назад. А если увидит в вас любопытного слушателя, то достанет из сундука другие тетради — так и за десятки лет всё растолкует. Наблюдает старик и за прилётом птиц, и за поведением рыбы в реке, и за первым громом, и за дождями. Занимается этим не скуки ради. На основе наблюдений Артём Иванович предвидит предстоящее лето, предсказывает урожай. Делает он это, кажется, удачно. По крайней мере, даже сам председатель мосихинского колхоза часто навещается к Артёму Ивановичу, чтобы узнать погоду на ближайшие дни, посоветоваться о посевной или уборочной.

Интересуется старик и растениями. Идётся, бывало, с ним на охоту, он вдруг остановится, взглянется под ноги, присядет на корточки.

— Стало быть, как ты сюда попала? Никак не думал... — Поднимется и показывает на чёрстой ладони травинку какую-либо. — От простуды наипервейшее средство. Две-три чашки завару выпить и — в постель, а наутро, как рукой, снимет хворобу.

Навещал я Артёма Ивановича часто. Тянуло меня к старику, словно к интересной книжке. И, надо сказать, не зря. Многое я от него узнал и, наверное, от него научился природу любить и понимать, как живое существо.

Охота с Артёмом Ивановичем была всегда удачной. Знал он, где найти дичь, а, самое главное, повадки её были знакомы ему.

В августе и сентябре мы чаще всего ходили на Комариные болота. От дома Артёма Ивановича до этих болот километра не будет. Мы старались попасть туда на заходе солида. Проверёмся

сквозь заросли шиповника и волчьей ягоды к берегу, разумея, засучим штаны и — на островок. Искусно замаскируемся, ждём. Сидеть было интересно, только проклятые комары дожимали. Комаров на болоте видимо-невидимо. Висели они над нами серым облаком, противно ныли, настойчиво лезли в уши и даже в глаза. Комары хотели нашей крови. Иные из них пытались добывать её даже через одежду.

Когда начинало темнеть, и утки, набравшись на жнивье зерна, летели на воду, мы забывали обо всём на свете, даже о комарах.

Вот и теперь, идя берегом Оби, я думал о Комариных болотах, и всё больше и больше прибавлял шаг, радостно поглядывая по сторонам. Поляны, хотя и робко, но уже гуляла осень. Она представилась мне почему-то в виде маляра с огромной кистью и банками краски. Вот подошёл маляр к колку и начал мазать листву. Он торопится, тычет кистью то в жёлтую краску, то в оранжевую, то в красную, и мажет, мажет. Потом оглянулся и размашисто выплеснул краски по косогору.

На душе у меня было то тихо и спокойно, то в нахлынувшей радости сердце начинало вдруг колотиться буйно, и мне хотелось петь, кричать:

— Вот, они, поля мои, родина моя! Вы хотели тут хозяйничать? — Это я к немецким и японским фашистам обращался. — Чорта с два! Не удалось и никогда не удастся. Мы хозяева здесь. Мы любимся полями, нас они кормят, одевают и обувают!

Когда я поднялся на увал и увидел внизу крыши Мосихи, то всецело отдался встрече с Артёмом Ивановичем. Я представил себе, как с замирающим сердцем постою у крылечка на маленьком, чисто подметённом, дворике, быстро войду в избу, пропитанную запахами трав, громко поздороваюсь со стариками...

А в самом деле всё получилось иначе.

Ещё издали я заметил, что избёнка стариков наглухо заколочена досками, а ворота обвисли, перекосились. «Что же это такое?» — подумал я, и сердце тревожно ворохнулось.

Торкнулся я в калитку — забита. Волнуясь, припал к щелочке в воротах. Курчавая трава-муружник расстелилась зелёным руном от забора до крыльца. Только серая полоска тропинки от калитки к дому наискось пересекает двор. Упрямая трава всеми силами, видать, стремилась одолеть и тропинку. Зелёные волны набегали на тропинку с обеих сторон и местами почти соприкасались. Через другую щель мне удалось увидеть на двери большой ржавый замок. Тяжело вздыхая, опустился я на завалину и начал ругать себя: «Дурак, дурак, бежал, радовался, как мальчишка, а не подумал о том, что старикам ещё до войны лет по шестьдесят было, а в войну трудности всякие, сын на фронте... Вот и свернулись!».

Слепил я цыгарку, прикуривать начал, и вдруг увидел, как на коленку одна за другой закапали слёзы. Вот тебе и на! За четыре года чего только перенести не пришлось, а никогда не плакал. За скрипишь, бывало, зубами, и всё. «А может они живы, может, пе-

реехали куда?» — утешая себя, подумал я и пошёл в соседний двор.

На крылечке бабка вязала чулок. Три сереньких пушистых котёнка бегали около её ног, забавляясь клубком. Невдалеке стоял петух, красный, будто пламенем охваченный. Петух с любопытством косился на котят. Завидя меня, он вытянул шею и закричал скороговоркой на весь двор:

— Кто ты тако-о-ой?

— Здравствуйте, бабушка.

— Все в поле, родимый, все. Андрей-то, сын мой, неделю, как с войны вернулся, и то понче ушёл. «Куда тебе, говорю, отдыхал бы после такой бойни», а он только рукой махнул и ушёл...

— А где ваши соседи?

Старуха вытерла ладонью морщинистые, точно сухая сыромятина, губы и продолжала: — Оно, конечно, поспешать надо. Теперь время такое: понче ведро, а завтра полить может, дело-то к тому идёт...

Я понял, что вести разговор со старухой всё равно, что с пнём в лесу. Никакой крик не пробьёт её глухоту.

Опять сидел я на знакомой завалине, курил и с тоской глядел на широкую безлюдную улицу. Солнце коснулось зубчатой ленты бора, и густые тени домов достигли пыльной дороги. «Пойду-ка я на Комариные болота, отзарюю, а потом вернусь, узнаю про стариков». Я поправил за плечами вещевой мешок, ружьё и двинулся. За деревней, увидя зелёные кусты болот, зашагал к ним напрямик, по стерне. Мысль о стариках не покидала меня всю дорогу. Жалел я о них, как об отце с матерью. «Неужели умерли?» — думал я, глядя себе под ноги.

Когда сапоги заскользили по траве, и меня охватил прохладный сырой воздух, я поднял голову и увидел глубокую канаву, а за ней — блеклые кусты малинника и ровные шеренги яблонь. «Что за притча?» — думал я, крутя головой и невольно любуясь яблонями. В белых юбочках, стройные, весёлые, они чем-то напоминали девочек-подростков.

Подойдя ближе, я заметил около одной из яблонь согнутую спину человека в сером пиджаке.

— Товарищ! — крикнул я, и только хотел добавить: «где тут Комариные болота?», как человек, выпрямляясь, шустро повернулся ко мне. Какой-то дикий звук вырвался у меня из горла. Я не помню, как перемахнул через канаву и кусты малины.

— Стало быть, жив-здоров? — спрашивал Артём Иванович, отступая назад и оглядывая меня с ног до головы. — Молодец! — Старик хлопнул меня по плечу и притянул к себе. — Пойдём старухе показываться.

Я схватил Артёма Ивановича за рукав.

— Ты скажи, где Комариные болота, как я обмишулился?

— Стало быть, это и есть Комариные болота. Пойдём, дома всё расскажу...

НА АЛТАЕ

Степной орёл — беркут. Будучи приручённым, беркут оказывает человеку помощь в охоте на зайцев, лис и даже волков.

Фото А. Калабухова.

Вскоре мы сидели в саду, около новой избушки Артёма Ивановича. Поллитровку на столе окружали тарелки с огурцами и помидорами, с малиновым вареньем и мёдом, с коржиками и пирожками. Артём Иванович рассказывал, а Матрёна Петровна, подперев ладонью щеку, корректировала его рассказ.

— Стало быть, напала лихорадка на деревню. И малого и старого валит. Думал я, думал и решился болота осушить, в речку спустить... Колхозники поддержали. Ну, а когда осушили, земля мне очень по душе пришлась. А о саде я давно мечту носил, даже с Лисавенкой переписку имел по этому поводу, Мичурина почитывал. Стало быть, и тут колхозники поддержали меня.

— Не сразу, — заметила Матрёна Петровна.

— Ну да, не сразу... Споров было много. И не вступись секретарь партийной организации, не согласились бы, пожалуй. Ишь, говорят, чего затеял, в войну-то. И без того, говорят, работы по горло. Даже председатель колхоза заартачился. Сад — дело хорошее, говорит, но подождать конца войны надо. Придут мужики, тогда... А секретарь партийной организации — Никон Сергеевич — сказал им: «У советских людей нет времени ждать. Надо и воевать, и жизнь строить. Сад беспрерывно нужен, он будет подарком нашим фронтовикам».

Слушая старика, я смотрел на запад. Там, над зубчатым бором, бушевало пламя зари. Оно разлилось по небу, зажгло, как лист бумаги, маленькое облачко. Я думал о том, что не только на фронтах, но и в глубоком тылу скромные, простые советские люди творили в эти грозные годы небывалые чудеса, дерзали. Разве не знаменательно, что вот здесь, где мы сидим, было болото, а теперь — молодой, прекрасный сад.

— Выпьем, Артём Иванович, за сад!

— Что ж, можно...

Над головой, посвистывая крыльями, летели утки, но я в этот вечер не обращал на них никакого внимания.

ИЗЫСКАТЕЛЬ

На север, на север плывут облака...
Угрюмая, сонная ширь...
Иртыш река. Ангара река.
Таёжная даль. Сибирь.
Земля холодна. И ночь холодна,
А ветер качает сосну...
Над падыо багряной плывёт луна.
И человек уснул.
Тревожные думы приходят во сне,
А ночь бесконечно длинна...
Полгода он писем не слал жене,
Наверное, ждёт жена...
Сейчас бы домой. К семье невзначай.
В тепло. В обжитой уют.
Помыться бы в бане. Квартира. Чай.
А в доме щеглы поют.
Хотя бы на время забыть тайгу,
Болота, где рысь не пройдёт,
Где холод, где часто цынга в дугу
Тебя безжалостно гнёт.
Но есть у жизни иной закон,
И он за него пойдёт
На север, в метели. Забудет дом,
Тоску по семье снесёт.
В кипучем раскате полярных бурь
Помчится сквозь ветер и снег.
И тундровый житель — раскосый каюр —
Укажет ему ночлег.
А утром — в дороге, опять находу,
На карту свой путь нанесёт,

В отчёте расскажет, где взять руду,
А сам на восток уйдёт.
И там, где ступит его нога,
Где будет отыскан клад,
К урочищам дальним отпрянет тайга
И улицы встанут в ряд.
Пусть ночь холодна, погас костёр,
И ветер качает сосну, —
Упрямя изыскатель, и в северный бор
С собой приведёт весну.

В Т А Й Г Е

Тайга сняла свой чегедэк.
Слюдой стянуло лужицы.
А на гольцах — всё снег, да снег,
То падает, то кружится...
Трещат сороки на суку
На перебой с кедровками:
— Пора кончать бурундуку
С орехозаготовками!
И бурундук спешит успеть,
Чыряя под валёжины...
Идёт берложиться медведь
Чащобою таёжною.
Идёт опушкой лысою,
По каменной оголи,
Прощается он с лисами,
Здоровается с сободем.

А у сосны зелёной той,
Где ветер не шумит,
Где месяц самый золотой
Сережкою висит, —
Портянки сушит у костра
Охотник-следопыт.
Мурлычет чайник сам не свой
На смолевом огне.
Ведёт беседу зверобой
С собой наедине:
— Мне это всё бывалое,
Охотничье, привычное...

Окрасив небо в алое,
Встаёт заря брусничная.
И с первым проблеском зари
Вперёд — по следу лисьему...
Охотнику не говори,
Он знает, что написано
На каменной оголи
И за опушкой лысою.
Не увернуться соболу!
Быть зверобою с лисами!

В О Г О Р О Д Е

Босиком по белым тропам дня
Тихо бродит Август у плетня.

В огороде — сладкая теплынь.
Солнце греет спины жёлтых дынь.

На широкой грядке буйный лук
Поднял кверху сотни тонких рук.

Свесив голову через плетень,
Тыква от себя бросает тень.

И подсолнух грузный, налитой
Впереди стоит, как часовой.

Лишь калитку ветер распахнёт,
Зашумит колхозный огород.

Дыня, развалившись на спине,
Думает: «Довольно греться мне».

Заколышется зелёный лук:
«Обо мне бы не забыли вдруг».

Выйдет на крылечко звеньевой,
И кивнёт подсолнух головой.

Скажет звеньевой: «Хороший год!»
И пройдёт с улыбкой в огород.

МАРГАРИТА ВАСИЛЬЕВНА

Повесть

1.

Заведующая учебной частью Чернореченской семилетки, высокая, сухая женщина, с ярко-красными губами и погтями, придвинула к директору развёрнутый журнал пятого «А» класса.

— Полюбуйтесь, Роман Макарович, сколько двоек за четверть понаставила новая русачка.

Директор надел очки, взглянул в журнал и покачал белой, словно осыпанной снегом, головой. Столбик оценок наполовину состоял из двоек.

Новую учительницу русского языка в пятых классах, Маргариту Васильевну, дети полюбили с первого урока. На переменках она играла с ними, пела под баян песни, плясала. Со знанием дела, с творческой активностью принималась она за всякую работу. И вдруг — такие у неё итоги!..

— Где же вы-то были, Софья Ивановна?

Она ожидала этого вопроса. Да. Она не раз предупреждала Маргариту Васильевну: слишком строга, не учитывает индивидуальных особенностей детей, стрижёт всех под одну гребёнку. Маргарита Васильевна — особа заносчивая, с пагубным самомнением, завуча ставит ни во что, а директора, имеющего только среднее образование, и подавно. С Маргаритой Васильевной работать трудно. Очень трудно!

— Всё это так, — говорит Роман Макарович. — Но меня удивляет вот что: в течение всей учебной четверти она была у вас на хорошем счету...

Лицо завуча стало кислым. Софья Ивановна потупилась. Да, это правда: она хвалила Маргариту Васильевну. Действительно, Маргарита Васильевна проводила уроки живо и интересно. Но можно ли было предположить, что она выведет за четверть такую уйму двоек? Двоек вначале было много и по другим предметам. Например, по ботанике. Валентина Петровна, ботаник, щедро раздавала их направо и налево. Но потом она сама же все их исправила. В итоге четверти по ботанике двоек нет. Всё хорошо, всё в

порядке. Но у Маргариты Васильевны отвратительный, несговорчивый характер.

Присутствие Ефимовны, подставшей пол, удержало директора. Следовало бы дать завучу нахлобучку немедленно. Этой красавице нельзя доверять ни капельки, ни на йоту. Надо было самому лучше присмотреться к новой учительнице.

Сколько труда вложил Роман Макарович в эту школу! Он сделал её лучшей. А теперь из-за такого вот завуча придётся на старости лет краснеть перед всем районом.

Из шестидесяти лет тридцать пять Роман Макарович отдал школе. Сюда, в Черноречье, он приехал в 1933 году. Эта школа была тогда начальной. Роман Макарович принял заведывание ею. Размещалась школа в трёх бывших кулацких домах, в классах было тесно, за партами сидели по-трое. А Черноречье к тому времени стало уже крупным селом. И новый заведующий начал хлопотать. Одержимый идеей во что бы то ни стало построить школу, он стучался в двери районных и краевых организаций, а добившись разрешения, не спал ночами, помогая строителям, мобилизуя на помощь всё село. Чернореченцы увидели умелого хозяина в этом белоголовом Романа Макаровиче.

1 сентября 1937 года школьники Черноречья, после митинга, на цыпочках вошли в светлое двухэтажное здание, пахнущее свежей краской и сосной. В каждом этаже школы было четыре класса и зал, внизу — кабинет директора и комната для сторожики, вверху — учительская и библиотека. Чернореченская школа стала семилетней. Роман Макарович назывался теперь не заведующим, а директором.

До войны у Романа Макаровича был прекрасный завуч — Геннадий Семёнович. На фронте он погиб под Яссами. Письмо Геннадия Семёновича, отправленное накануне рокового боя, Роман Макарович хранит до сих пор, читает, когда становится ему тяжело. Детей у Романа Макаровича не было. Геннадий Семёнович замечал ему сына.

На место Геннадия Семёновича прислали Софью Ивановну. В хвалебных статьях о Чернореченской семилетке районная газета в годы войны значительное место отводила ей, завучу. «Лучший завуч в районе» — провозгласил однажды на районном учительском совещании школьный инспектор. Она ходила быстро на высоких каблучках — топ, топ, топ... Всюду слышался её нежный нравоучительный голосок. Всегда жаловалась, что страшно устаёт, что у неё все нервы поистерпались с молодыми учителями. Ах, зачем навязали ей это завучество! Как спокойно было работать рядовым преподавателем! Нет, нет! На тот год она откажется от завучества. Обязательно откажется!

Но не отказывалась. Забывала.

Предложив завучу сесть, Роман Макарович углубился в изучение классного журнала. Текущих оценок у Маргариты Васильевны было достаточно. Но двойки и здесь составляли у неё почти поло-

вину всех оценок. Что же делала всю четверть эта попрыгунья-стрекоза?

— А в другом пятом как у неё?

— Так же, — мрачно ответила Софья Ивановна, разглядывая маникюр на своих длинных, тонких пальцах.

— Смейтесь вы что ли, в самом-то деле! Нас повесят за такую успеваемость! — Роман Макарович набил трубку махоркой и, задымив, заговорил вдруг простодушно, поглядывая на губы и ногти завуча. — Вот уже который год смотрю я на вас, Софья Ивановна, и не могу понять, что вы за человек. Шум, треск, дым, блеск, а на деле — одна видимость, сплошной маникюр! — Он засмеялся и закашлялся.

Софья Ивановна поджала губы. Директор смеётся над ней, но что он понимает в учебном процессе!

— Роман Макарович, я предупреждала вас, что эта особа, Маргарита Васильевна, это такая особа... Я говорила, что она, хотя и стремится работать хорошо, но слишком слабо подкована методически. Вы не помните?

— Нет, не помню.

— Очень жаль, что вы не помните, но это факт. Маргарита Васильевна очаровала всех своей общественной работой. Но что из того, что она только хорошая общественница? Было бы чудесно, если бы, наряду с этим, она была и хорошим преподавателем. Не зря она решила прежде всего завоевать авторитет у руководителей села. Это уж традиционный приём подобного рода педагогов: в школе не выходит, так хоть на селе прославиться!

— Тоже, стало быть, одна видимость? — улыбнулся Роман Макарович. — Ну, вот что, Софья Ивановна: так не пойдёт! — Он постучал пальцами по испещрённой двойками странице журнала. — Давайте её сюда!

— Ефимовна-а! — Прищурился глаза, Софья Ивановна полуобернулась к сторожихе, смотревшей на часы. — Во-первых, уже пора звонить. Это одно. Так? Во-вторых, найдите Маргариту Васильевну и позовите её сюда. К Роману Макаровичу. Понятно?

— Понятно, — солидно пропела Ефимовна, плотная пожилая женщина в телогрейке и пимах. Сторожиха нажала кнопку. За дверью с потолка в зал посыпались резкие, звонкие трели.

— Звонок! — закричали дети во дворе, и школа загудела, «заходила ходуном», как говорит Ефимовна. Некоторое время были слышны голоса детей, топот, хлопанье дверей, и вдруг всё стихло. Начался последний урок первой смены. Ефимовна отправилась искать «русачку».

2.

Ждали сына, а родилась дочь. Ей даже имени заранее не подобрали — были уверены, что родится Олег.

«Ух ты, бомбочка», — трогал отец пухлые щёчки дочурки. Придя из школы, он подолгу нянчился с ней, купал её, укачивал.

Когда появились другие дети, Рита для всех была нянькой. Стирала пелёнки, мыла полы, готовила обед, во всём помогала матери.

— Какая у вас прекрасная помощница! — говорили соседи. — Умница!

— Круглая отличница, — с гордостью отвечала мать, ласково теребя дочку за длинные косы. — И в школе, и дома — везде успеваем.

Рита росла девчонкой-сорванцом с красным галстуком на шее. Играла больше с мальчиками. Будучи шестиклассницей, втёрлась в детскую футбольную команду вратарём. В лыжном костюме, с перчатками на руках, она металась вдоль сетки, как щука.

Прекрасные длинные косы срезала.

— У физкультурниц не бывает, — ответила удивлённой матери.

Позднее, в седьмом классе, увлеклась прыжками с шестом в высоту, с вышки в воду.

— Мама, я сегодня прыгнула с вышки вниз головой.

— С парашютом?

— Нет, без парашюта. В Обь!

— Ох, — вздыхала мать.

Однажды летом Рита исчезла. Мать с ног сбилась в поисках. Ни в школе, ни у соседей — нигде не могла допытаться, куда делась дочь. Отец заявил в милицию. Ни слуху, ни духу! Как в воду канула. Может быть, и в самом деле утонула?

Через месяц Рита явилась сияющая, загоревшая, выросшая.

— Где ты была?

— На Телецком озере.

— С кем?

Выяснилось, что Рита увязалась в туристский поход с ребятами из соседней школы.

Став комсомолкой, подряд все вечера проводила в школе.

— Ритуська, садись покушай.

— После мамочка. Я тороплюсь. У меня же сбор сегодня!

И так всё время: «У меня сбор. У меня лыжная вылазка. У меня кино. У меня театр». А теперь вот новая вылазка: Черно-речье.

В тяжёлые годы войны вся семья старой учительницы Глафиры Ивановны Синициной продолжала учиться. Рита видела, чего это стоит родителям. Старики заметно осунулись. Поэтому теперь, окончив учительский институт, она решительно заявила:

— Иду работать. Дальше буду учиться заочно.

Старики были уверены, что дочка останется в Барнауле, быть может, в одной с ними школе. Возможности были. Но Рита, не колеблясь, приняла предложение крайОНО поехать в далёкое село Черно-речье, «к чорту на кулички», как выразилась её сокурсница Соня Ботина.

— Ритуська, Ритуська! — сокрушалась мать. — Как же это ты вдруг...

— Я комсомолка, — твердила Рита, собираясь в дорогу.

— В такое захолустье! — вздыхала мать, рассматривая карту Алтайского края.

— На передовую линию, мама! — бойко отвечала дочь, перетряхивая вещи. — Наш лозунг: «Только вперед, только на линию огня!»

Возбуждённая, она, как птица, порхала по комнате, спешила, точно и в самом деле собиралась на передовую линию фронта по боевой тревоге.

— В городе учителей полно, а там ждут меня.

Глафира Ивановна смотрела через очки на высокую, стройную фигуру дочери, на её крепкое тело, свежее, румяное лицо, с которого Рита то и дело отбрасывала русые, выщипанные пряди волос. Вот и пришло расставанье... Уезжает старшенькая... Что её ожидает там?.. А как было бы славно жить и работать вместе!..

— Может быть, передумашь, Ритуся? — безнадёжно спросила мать.

Брат встал с дивана, отложил в сторону «Декамерона». Олег окончил десятилетку, как и сестра, с золотой медалью и на-днях отправил заявление с документами в Московский университет.

— Сонька Ботина, на что уж замухрышка, — сказал он, опустив руки в карманы и поддёргнув брюки, — и то устроилась в городе, в вечерней школе. Комсомолка же...

— Сонька Ботина! — Рита резко остановилась перед братом, глядя на него сверху, как на преступника. — Ну и пусть! Она думает, что счастье только в городе. Что она понимает в счастье? — И так же резко отвернулась от брата.

Олег сел на диван, раскрыл книгу, но, размышляя, смотрел в пространство.

— А в чём же, по-твоему, счастье?

— Счастье в борьбе.

На круглом лице Олега появилась саркастическая улыбка.

— В борьбе с чем? С ученическими ошибками? — И он расхохотался, вскочил с дивана, заходил по комнате. — Героика!

Стоя перед раскрытым чемоданом, Рита молча листала учебник педагогики.

— Сознайся, — сказал он, подойдя к сестре, — просто оригинальничашь! — Отошёл к дивану, не дождавшись ответа, возвратился вновь. — Счастье — в славе! Нет человека, который не мечтал бы о славе. А ты... чем ты прославишь себя? Всю жизнь, как мать, будешь корпеть над тетрадками? Не высок же у тебя взлёт!..

Из книги, которую продолжала перелистывать Рита, выскользнула открытка с портретом поэта. Подняв открытку и любуясь поэтом, она торжественно продекламировала:

Мне наплевать на бронзы многопудье,
Мне наплевать на мраморную слезь.
Сочтёмся славю! Ведь мы своя же люди!

Олег усмехнулся и взялся за «Декамерона». Мать молча наблюдала за их словесным поединком. Рита подошла к ней, взяла её голову в свои руки, поцеловала в морщинистый лоб, сказала шопотом, как тайну:

— Родненькая... Ведь комсомольский билет у меня не только в кармане, а и в... себе.

И мать ответила так же тихо и серьёзно, как будто уже прощалась в эту минуту:

— Счастливой работы, Ритуся.

3.

На окраине районного центра, посреди дороги, стояла высокая девушка в лёгком тёмном пальто и чёрном берете. Шофёр остановил машину, едва не наехав на большой, обшитый мешковиной, чемодан. Открыл дверцу кабины, снисходительно спросил:

— В чём дело, красавица?

Девушка подошла, взялась правой рукой за дверцу.

— Мне в Черноречье.

— Не могу. — Шофёр кивнул головой назад и вверх: — Видите — полный кузов. Уберите ваши вещи с дороги.

Не снимая руки с дверцы, она весело посмотрела на кузов.

— Не могу, — категорически повторил шофёр.

— Вы обязаны взять меня.

— А кто вы такая?

— Учительница.

Шофёр недоуменно поднял брови, сложил в трубочку обветренные губы.

— Не задерживайте машину, гражданочка.

Сергей выпрыгнул из кузова, подошёл к учительнице.

— Вы литератор?

Она посмотрела на него удивлённо.

— Да-а...

— Мы ждём вас! Слушай, дружище, — обратился он к шофёру. — К нам в школу едет. Надо взять.

— Ладно, — сдался шофёр. — Только быстрее садитесь.

— Лезьте, а я подам. — Сергей взял её за левый локоть, намереваясь помочь.

— Не беспокойтесь. — Она легонько высвободила руку. — Я сама.

Взялась за борт, поставила ногу на колесо, другую перебросила в кузов.

— Сперва узел давайте.

Сергей подал узел.

— Так. — Она поискала место узлу. — Товарищ, привстаньте чуточку, подсуну под вас мягкое сиденье. Отлично! Прошу чемодан. Чуточку потеснитесь, товарищи. Вот так. Отлично! Благодарю вас. Присаживайтесь, — указала она Сергею место на чемодане рядом с собой.

— Не раздавим?

— Не беспокойтесь. — Сняв берет, стала причёсывать тёмные, с рыжеватым отливом, волосы. — Он фанерный и набит очень туго. Книжки!

Машина тронулась.

— Так так... — Сергей весело и лукаво смотрел в разгорячённое лицо соседки. — Значит, в нашем полку прибыло?

Она изучающе посмотрела на него.

— Вы тоже учитель?

— Так точно, преподаватель истории. — Протянул широкую крепкую руку. — Будем знакомы: Орехов.

Подала руку и назвала свою фамилию.

— Из института? — допытывался он.

— Да. Из учительского. А вы?

— Из педагогического. С госэкзаменов еду. Заочник.

— Как успехи?

— Сдал.

— Счастливчик! — Она вздохнула. — Намерена последовать вашему примеру.

— Правильно. Лиха беда — начало. Заочно даже интереснее. Сидишь дома, готовишься. Потом едешь сдавать и думаешь: «Наверно, отстал от жизни...» И вдруг — пятёрка! Так бы и расцеловал всех встречных-поперечных.

— А когда двойка?

— А когда двойка — сбежал бы куда-нибудь. Точно тебя голым пустили по улице.

Засмеялись.

Сосновый бор, играя красками, наступал на машину с обеих сторон дороги. Сосны... Высокие, стройные, дремучие, с застрявшей в ветвях сизой дымкой, с одинокими, безмолвными сороками.

Шофёр ведёт машину смело, даже отчаянно. Дорога виляет то вправо, то влево, то убегает под уклон, то снова выползает на пригорок, покрытый бархатом яркой зелени. Но вот машина вырывается на простор с редкими берёзками и устремляется вниз, под гору, к мостику над речкой. Берёзки кружатся в весёлом хороводе. Дух захватывает, как на качелях. У павалившихся на кабину пареньков рубахи вздулись пузырями. Ветер свистит в ушах.

Машина, резко затормозив, подкрадывается к мостику, слегка подпрыгивает на жердях. Мостик пружинит. Женщина с бидоном испуганно цепляется за брюки соседа — чернобородого, с обветренным лицом. Но мостик уже позади. Все облегчённо вздыхают.

Из горлышка радиатора фонтанит пар. Остановив машину, шофёр достаёт ведро и бежит к речке. Пассажиры из кузова словно кто вытряхнул: одни, с бутылками и кружками, побежали к воде, другие — в кусты.

Цепляясь за ветки, Сергей сошёл к речке. Открыл портфель, напился из голубой эмалированной кружки. Вымыл лицо и голову.

Сверху зашуршали чьи-то шаги.

— Товарищ Орехов, давайте купаться!

Сергей оглянулся. Кожаные тапочки с вылощенной подошвой скользили вниз. Держась за ветку берёзки, Рита высматривала среди боярышника какой-нибудь неколючий куст. Выющиеся волосы выбились из-под беретки на выпуклый белый лоб. Пальто распахнуто. Под голубым джемпером набрякли тугие, готовые вырваться наружу, груди.

С полотенцем на шее Сергей поспешил на помощь. Взбежав до берёзки, взялся одной рукой за тонкий ствол дерева, другой — заменил Рите ветку. Девушка легко спрыгнула с обрывчика, присела и пружинисто выпрямилась.

— Благодарю. — Тряхнула бортами пальто. — Ух, жарко!

— Вы серьёзно надумали купаться?

— Конечно. Что за вопрос! — Она поморщилась, увидев дно речки. Налево, под мостиком, тоже было мелко. В правой стороне речка делала крутой поворот, упираясь в песчаный обрыв и образуя широкий плёс.

— У нас после Ильина дня никто не купается.

— Я в бога не верю, — засмеялась Рита. — Там, под обрывом, омут, да?

— Оставил бы вам компанию, но ждать нас не захотят.

Пассажиры уже сновали у машины.

— Жаль. — Рита спрыгнула, подошла к портфелю. — Тогда разрешите вашей кружечки.

Присев на корточки, дважды зачерпнула по целой кружке.

— Давно пить хочу. Пять машин до вас пропустила. Не берут, окаянные!

Поблагодарила за кружку и стала карабкаться наверх.

Сергей сложил вещи в портфель, щёлкнул замком, полез вслед за ней. Подставил под её скользнувшую ногу свою — в ботинке. Рита оперлась левой рукой о его плечо. Сергей взял её за руку, сорвался, бритой щекой прикоснулся к её мягкой руке. Рита засмеялась, а он прыжками быстро опередил и рывком выдернул её наверх.

— Ах! — со стоном присела она, поджимая руку, словно кошка отдавленную лапку.

— Простите!

— Силища у вас... — Она раскраснелась, из глаз вот-вот брызнут слёзы.

Над горою сияет лазоревое небо. В нём неподвижно висит белое, как аптечная вата, облачко. «Глаза у неё, как это небо...»

— По коням! — кричит шофёр, размахивая заводной ручкой. Пассажиры побежали к машине.

Сергей и Рита вновь сели на чемодан. Их стиснули плотно. Дверца кабины захлопнулась, машина фыркнула и, сердито урча, поползла на гору.

Зелёными фонтанами вздымаются на полянах сиротки-берёзки. Одна из таких сироток согнулась дугой до самой земли, видимо, во время бури; она потеряла зелёный наряд, но не поддалась, не сломилась: брызнула кверху тремя фонтанчиками, белоствольными и зелёнокудрыми. «Молодец!» — похвалила Рита.

Машина преодолела подъём и мчится «с ветерком» навстречу берёзкам и ослепительно белому упругому облачку.

Дорога вторгается в оранжевое море пшеницы. По морю плывут комбайны, машут крыльями самосброски. Снуют по жнивью колхозницы в белых платках и кофтах. Страда в разгаре. Бородастый пассажир сообщает:

— За вторую пятидневку августа Черноречье занимает в районе первое место.

— Слышите? — Сергей тихо коснулся щекой плеча соседки.

— Вы вообще молодцы, — улыбнулась Рита. — Зав. райОНО сказал мне, что Чернореченская школа — лучшая в районе. Это правда?

Сергей ответил уклончиво:

— Коли зав. райОНО сказал, значит, правда.

— Чем же вы отличились? — спросила она, не глядя на Сергея.

— Не знаю.

— Как же так?

Сергей, помолчав, отшутился:

— Я ведь не зав. райОНО и не инспектор, в других школах не бываю, поэтому и не знаю, чем наша лучше.

Рита не ответила. Сергеем показалось, что она обиделась.

— У вас никого в Черноречье нет?

Взглянула на него недоуменно.

— С квартирами у нас неважно. Свободных учительских квартир нет.

— А частные?

— Частных сколько угодно! Частную я помогу вам найти.

— Не надо, — возразила она. — Я сама.

— Вот и Черноречье, — объявил один из пассажиров.

Вначале Рита увидела стадо гусей, идущих к речке. Потом показались огороды с яркожёлтыми подсолнухами, за ними — дома под ветлами и рябинами. Окружённое березником, село раскинулось на большом пространстве. Река делит его пополам. В центре села — берёзовая роща. В окружении крупных зданий дымит высокая чёрная труба. По всему селу разбросаны жёлтые пятна строящихся или уже отстроенных домов.

— А где школа? — нетерпеливо тронула Рита соседа за плечо.

— За рощицей. Сейчас увидите.

Машина лихо мчится по опушке рощи, подступающей к селу с севера. Ветки берёз висят над кузовом. «Берегись!» Свежий после вчерашнего дождя ветерок овеивает лицо. Пыли нет, солнце не успело ещё высушить дорогу. Дышится легко.

— Вот и школа. Видите? С флагом над железной крышей.

— Вижу. — Сердце учительницы забилось радостно.

4.

За обедом Ефимовна рассказывала:

— Одних только лошадок — пять штук. Каждый год сколь пресы, сколь овса сеем, сколь овощей сажаем! В других школах, посмотришь, нет никого, а у нас и баян, и радио, и рояль. Беспрерывно горячие завтраки. Нет, Маргарита Васильевна, вы не прогадали, что поехали к нам. И школа хорошая, и директор добрый. — Она вздохнула и добавила тихо, как бы мимоходом: — Зауча, правду сказать, не шибко хвалят...

— Вы, Ефимовна, кушайте рыбу. Что вы модничаете? Я же ем у вас всё...

От чугуна с картошкой поднимается пар. По бокам — большие блюда с огурцами и полуспелыми помидорами.

Черноглазый мальчик осторожно, держа обеими руками, вносит пузатую запотевшую крынку.

— Вот и молоко. — Шмыгнув носом, он поставил крынку на стол. — Холодное, прямо с погреба. Вот сдачи... — Шура протянул учительнице измятые рубли.

— Возьми себе на кино, — отмахнулась учительница. — Садись кушать.

— Он у меня совсем было загоревал. — Ефимовна любовно погладила вихрастую головку сына. — Вдруг да не пришлют, говорит, по русскому, вдруг да не пришлют. Как в прошлом году: учиться пачали, а преподавателя по физике нету. Месяц нету, другой нету, край, это самое, ОНО, и не чешется. Так всю первую четверть и учили без физики. Прислали только после Октябрьской революции. Мыслимо ли дело!

— А что завуч? — вспомнила Рита.

— Зауч-то? — Ефимовна опасливо взглянула на сына. — Кто её знает. Мы не больно пошмаем. От учителей да вот от этих пострелят слухом пользуемся. Они все знают, пострелята эти.

— Верно, Шура? — улыбнулась учительница.

— Ага, — качнул головой Шура, сразу что-то вспомнив и просяв чёрными глазами. — Нас в прошлом году Иван Павлыч учил, вот был чудак-то! Он сейчас уехал насовсем из нашей школы.

— Чудак, говоришь?

— Ага, — продолжал Шура, проглотив помидорку. — Придёт в клуб на танцы, с планшеткой, руки в брюки, и стоит, а сам не танцует.

— Почему?

— А не знаю. Нога, говорит, раненая. А завклуб один раз говорит ему: «Врёшь ты, Иван Павлыч, что нога у тебя раненая». А Иван Павлыч сроду не сердился, а тут рассердился, достал из планшетки справку из госпиталя и военную карту и показал то место, где он, значит, был раненый. И там, на карте, крестик стоит возле деревни Водосья. А кто-то не расслышал да говорит: Федосья. Так его и прозвали: Федосья Павловна.

Ефимовна строго посмотрела на сына. Учительница улыбнулась, подмигнула сторожихе, дескать, не мешай.

— Ну и как он учил вас?

— Да так: придёт в класс и по книге рассказывает. Шум, крик, а ему хоть бы хны: бубонит и бубонит. — Шмыгнув носом, мальчик взял кусок хлеба с маслом. Добавил деловито: — Двоек зато не ставил.

— Почему?

— Добрый был. Хоть ври, хоть правду говори — всё равно тройка. Проверит домашнее задание и говорит: «Теперь поедем дальше. Откройте страницу десятую или там двадцатую и читайте». А сам смотрит в окно и семечки лущает. Ему кричишь: «Я расскажу», а он своё: «Читайте, читайте». А кому охота сто раз читать?

Ефимовна толкнула сына в бок. Шура понимающе замолчал.

Возвратившись к ранее прерванному разговору, Ефимовна сказала:

— Одинокой, знамо дело, частную и надо. Горница у них просторная, светлая. Хозяин с хозяйкой дома бывают мало, всё на работе, а домовничают дочь да старуха. Старуха вам и готовить будет. Вы сейчас хотите пойти?

— Сейчас, Ефимовна.

Рита осталась очень довольна уютной и светлой горницей, расположилась в ней, как дома.

В тот же день она успела познакомиться с учительницей ботаники Валентиной Петровной, девушкой с большими чёрными косами. Вечером они вместе пошли в клуб.

В кружке около баяниста Рита увидела Сергея. Он был теперь в отличном костюме и начищенных до зеркального блеска ботинках. Рита украдкой взглянула на свои не очень изящные туфли. Сергей увидел новую учительницу, заулыбался и подошёл к ней. Он бесцеремонно отнял Риту у Валентины Петровны под тем предлогом, что играют его любимый вальс.

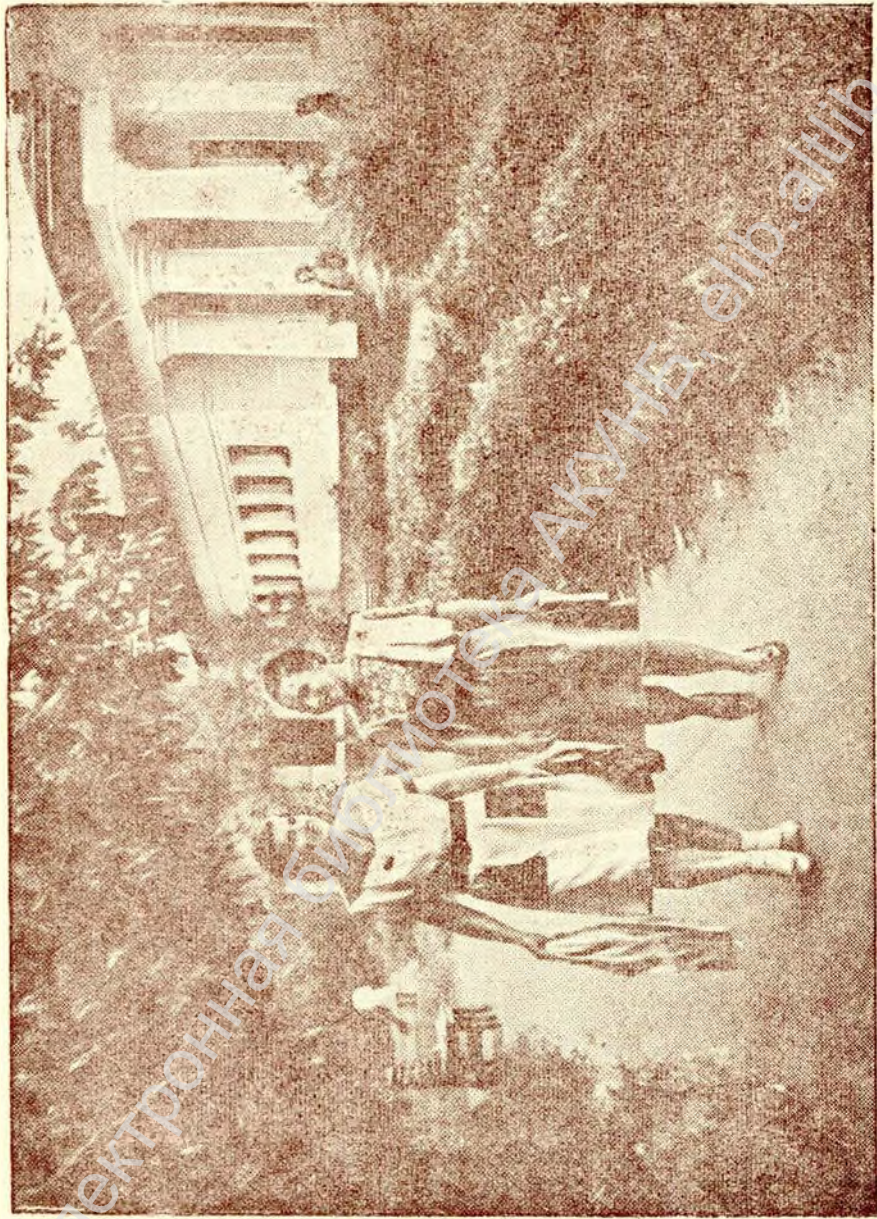
В перерыве между вальсами Валентина Петровна подошла к Рите.

— Вы, Маргарита Васильевна, действуете слишком агрессивно. Только сегодня приехали и уже отбили у нас одного кавалера.

— Неужели? — искренне испугалась Рита. — У кого же?

— А вот смотрите. — Валентина Петровна повела головой по залу. — Вон у той, беленькой, в белом беретике. Видите?

— Она учительница?

НА АЛТАЕ

«Белокурица» — один из лучших курортов Сибири, отсюда же соли рабочих, колхозников, интеллигентов.

Ежегодно здесь

фото Н. Калинин

— Нет, Сейчас она, кажется, нигде не работает. Лиля Курасова. Дочка директора мельзавода. Историк наш писал ей всю войну. Когда вернулся, все ожидали свадьбу, но он сказал, что прежде должен окончить институт. И до сего дня почти не появлялся в клубе. А сегодня пришёл и... танцует только с вами.

— Без вины виновата, — сказала о себе Рита. — Давайте танцевать с вами?

— Давайте. Вам водить.

Из клуба Валентина Петровна проводила Риту до дому. Открывать вышла старуха, мать хозяйки.

— Кто? — строго и сонно прохрипела она.

— Это я. Откройте, Федора Тарасовна.

— Вы не нашей артели, вас черти вертели! — гремя задвижкой, захохотала Федора Тарасовна. Открыв, спросила запросто:— Что мало?

— Хватит, бабушка.

— Обожди, хахаля заведёшь, ночи пропадать будешь.

— Что вы, бабуся! У меня хахаля не будет.

— Э, милая, зарекалась попадья пить от воскресенья до поднесенья, — снова затряслась в глухом нутряном смехе Федора Тарасовна.

5.

Председателем Чернореченского сельсовета и одновременно секретарём территориальной парторганизации был Климентий Самсонович Барсуков, человек с монгольским разрезом глаз. Перегнувшись через стол, он подал руку, отрекомендовался, добродушно улыбаясь, сказал:

— Обождите минуточку, закончу с товарищами, тогда с вами займусь.

В кабинете находились председатель одного из трёх чернореченских колхозов Алтынцев и женщина-депутат сельсовета.

Рита села на деревянный диван, огляделась. В простенке, над столом председателя, — большой портрет Сталина за письменным столом. Сталин в белом кителе с золотой звёздочкой на груди. Через широкое окно в голубой дымке занимающегося утра видна кремлёвская башня с часами. Под портретом — выдержка из речи Молотова, начинающаяся словами. «Это наше счастье...» На другой стене плакат «Клятва вождя». Сталин над гробом Ленина. Правая рука Сталина — за бортом френча. Лицо опечалено... Это было давно-давно, за четыре года до рождения Риты.

В большой рамке — текст Сталинской Конституции. Рита помнит тот день, когда её принимали. Она училась тогда в первом классе и всё спрашивала маму, кто такая Конституция.

И ещё один плакат — Москва в день Победы: над Кремлём тысячи ярких огней салюта.

Рита вновь перевела взгляд на портрет. Сталин что-то пишет. За окном — раннее утро. «Это наше счастье» — говорит Молотов. «Когда мне доведётся увидеть Москву?» — думает Рита...

— Я задержал вас немного, извините, — сказал Климентий Самсонович и, расспросив, хорошо ли устроилась с квартирой, сразу запросто приступил к делу, словно был знаком с Ритой с давних пор. — Задумал я, товарищ Сеницына, одно мероприятие, да всё человека подыскать не могу. Сегодня услышал про вас. Боевая, говорят, девушка. Я и сам вижу, что боевая. — Он улыбнулся, почти закрыв глаза. — Дело вот какое. Есть у нас при клубе драмкружок, есть агитбригада. Всё это хорошо. Но вот на заводе, где я работал до войны, была замечательная живая газета.

— Понимаю.

— Так вот я и решил просить вас возглавить это дело. Будете, так сказать, режиссёр что ли этой самой живой газеты. Как вы смотрите на это?

— Не возражаю. Даже очень польщена доверием. Работа мне знакомая.

— Вот и отлично. Вечером объявите в клубе всей молодёжи, что создаётся, мол, живая газета. Кто хочет принять участие — пожалуйста, записывайтесь. И начинайте разворачиваться. Не обижаетесь, что вот, мол, не успела оглянуться, как уже и запрягли...

— Что вы, товарищ Барсуков! Наоборот: я рада.

— Видите ли, сейчас самый разгар страды. Мы идём в районе первыми. Надо удержать первенство. Поэтому всё, что, так сказать, может этому делу способствовать, надо мобилизовать. Пока занятий в школе нет, вы помогите нам, а потом, когда дело пойдёт по проторённой, так сказать, дорожке, кто-нибудь вас и заметит. Верно?

— Конечно, — согласилась Рита.

— На будущей неделе в колхозе «Путь к социализму» заседает выездной исполком. В полевом стане проведём наше заседание, вручим красное знамя. Намечена также лекция о странах новой демократии и художественная часть. Вот бы и выступить живой газете, если успеете сколотить молодёжь.

— Постараюсь, — ответила Рита, а Климентий Самсонович, довольный, опять прищурился, собрав лучистые морщинки у глаз.

— Отлично. Дадите свою первую гастроль прямо в поле. В случае успеха всем живгазетчикам — по сто грамм! — Он лихо подмигнул учительнице и многозначительно кивнул стриженной головой в сторону Алтынцева.

— С кого? — скручивая цыгарку, насторожился Алтынцев, высокий, большеголовый мужчина, с очень крупными чертами лица. Лохматые чёрные брови придавали ему вид угрюмый и нелюдимый. Рита подумала, что, наверно, Алтынцев смотрит на неё как на несерьёзную девчонку-белоручку. Доказать бы ему, что она может всё, даже вязать снопы.

Алтынцев посмотрел на Климентия Самсоновича, как кот на ежа.

— Вы, слышите, товарищи? — смеялся Климентий Самсонович. — Алтынцев спрашивает: с кого? Кому знамя, с того и маргарыч, так по-моему! Верно? — Рита и женщина-депутат одобительно улыбулись. — Вот видишь!

Алтынцев, шебарша коробком спичек, сомнительно покачал головой. Климентий Самсонович взял у него спички и, показав на стену с табличкой «Не курить», возвратил. Алтынцев вынул цыгарку изо рта.

Желая поддержать Алтынцева, Рита сказала:

— Я думаю, что большинство будут девушки, сто грамм их не заинтересуют. Лучше по сто граммов конфет: и девушкам приятнее, и председателю будет менее накладно.

Алтынцев грозно глянул из-под лохматых бровей, точно говоря: «Что ты понимаешь, сорока! Молчала бы!»

— Нет, — несогласно качнул головой Климентий Самсонович. — Конфеты конфетами, они само собой, а сто грамм надо. Для поднятия, так сказать, боевого духа. Верно, товарищ Атаманова?

— Верно, Клим Самсоныч, — ответила депутатка.

— И потом, — продолжал Барсуков, — не думайте, что мы бедно живём: не только девушек, у нас и ребят неплохих найдётся достаточно.

— А кто будет читать лекцию? — поинтересовалась Рита.

— Орехов. Историк ваш. Знаете?

Климентий Самсонович и Атаманова посмотрели на Риту.

— Знаю, — ответила Рита. Испугавшись, что краснеет, она покраснела ещё сильнее и поспешила заговорить. — Вот и его можно привлечь к участию в живой газете.

— Правильно, — одобрил Климентий Самсонович, — пусть помогает.

6.

Грузчик мельзавода Мартын Сивоконь записался в живую газету первым. Волосы у него ярко-оранжевые, лицо густо усеяно веснушками, будто кто обрызгал его шоколадной жижей. Мартын всегда улыбается, его страсть — смешить людей. Кажется, для Сивоконя не существует ничего серьёзного. Таская мешки с мукой, он не упускает случая посмеяться рабочих.

Записался учитель начальных классов, сельский поэт Яша Цветков. За Яшей пошла его «товарочка» — колхозный счетовод Фрося Супруненко. Валентина Петровна тоже записалась.

Орехов пришёл «посмотреть» на первую же репетицию. Рита включила его в список и поставила в строй. Сергей был очень доволен.

На вторую репетицию пришла Лиля Курасова. Превозмогая чувство неприязни к «молоденькой учительнице», Лиля спросила, стараясь улыбаться: «Товарищ Сяницына, а меня примете?»

— Что за вопрос? — удивилась Рита. — Конечно!

Народ собирався на репетиции активно, брався за дело горячо. Первое выступление обещало быть интересным.

Сергей, избегая Лилю, каждый вечер порывался проводить Риту из клуба.

— Кажется, кое в чём у вас «лёгкость в мыслях необыкновенная», — однажды сказала Рита Орехову.

— Напрасно вы так думаете, Маргарита Васильевна, — ответил он.

Рита промолчала и поспешила присоединиться к Валентине Петровне, спускавшейся с крыльца. Сергей пошёл за ними. Перешёптываясь, подруги ускорили шаг. «Не уйдёте!» — весело подумал Сергей, стараясь не отставать. Но девушки вдруг остановились и повернулись в его сторону. Он ослепил их ярким лучом карманного фонарика.

— Разрешите к вам присоединиться.

Они молчали, глядя друг на друга. Сергей почувствовал себя неловко. Молчать было неудобно и он сказал наигранно-весело:

— Ну, пошли, красавицы.

— Мы постоим, — ответила Валентина Петровна и повернулась к нему спиной. — Лиля ждёт вас. — В голосе Валентины Петровны прозвучала насмешка. Сергей осветил её косы фонариком. Расчёсанные на концах, они висели, как змеи. Валентина Петровна оглянулась и ладонью прикрыла глаза.

— Не хулиганьте, Сергей Петрович!

Сергей положил фонарик в карман, взял девушек под руки.

— Слушайте, товарищ Орехов! — Рита попробовала высвободить руку. — Лиля будет обижаться на нас.

— Пусть! — Он старался быть весёлым и шутливым. — Что она мне, жена?

— Будущая.

Сергей засмеялся.

Поровнялись с медленно идущей парочкой. Паренёк и девушка молча шли в обнимку, голова к голове.

— Будущая! — иронически повторил Сергей.

Прогуливаясь, возвратились к клубу. Сергей фонариком осветил крыльцо: пусто. В двухстах метрах шумела плотина электростанции. Мельзавод сиял огнями многочисленных лампочек.

Повернув обратно, шли медленно. Разговор о сельских девушках, затеянный Валентиной Петровной, не интересовал Сергея. «Когда эта прилипучка свернёт во-свояси?» Там, где это должно было произойти, остановились. Сергей с облегчением освободил её руку. Но Валентина Петровна не уходила. Рита сделала движение занятой рукой. Сергей удержал её. А Валентина Петровна ещё стояла. Сергей едва сдержал желание поторопить её. Наконец, простившись, она пошла, тряхнув косами.

Теперь они шли вдвоём. «А всё-таки, она сегодня не ускользнула», — подумал Сергей о Рите.

— Знаете что, Маргарита Васильевна, — начал он мягко и нежно, — надо привлечь в живгазету нашего физрука с баяном.

Как председатель культурно-бытовой комиссии сельсовета, он должен помогать нам. Верно? Жена у него, правда, очень ревнива.

— Вот видите.

— Да, — вздохнул Сергей, — это, как правило: на хорошего парня обязательно повесится какая-нибудь дура, и, наоборот, забудыга отхватит умницу. Как редки, между прочим, счастливые пары!

Рита дипломатично молчала. Сергей понял, что слишком далеко для начала забросил удочку.

— Как вам понравилась школа, директор? — поторопился он сменить тему разговора.

Она оживилась.

— Школа, конечно, понравилась. Директор...

— Фактически, только первоклассный завхоз, — поторопился охарактеризовать директора Сергей.

— А завуч?

— Знания у неё есть... Вначале я был ею даже очарован. Недаром, думаю, гремит на весь район. Краснел, когда она приходила на мои уроки. А потом...

— Директор плохой, завуч плохой, — засмеялась Рита, — а школа на первом месте. Как же так?

— Хороший ярлык наклеить легче всего, — ответил Сергей. — Внешне наша школа, действительно, блесит, как Софья Ивановна... А впрочем, возможно, я ошибаюсь. Откровенно говоря, я знаю только свой предмет и заочное обучение. Убеждён только в одном: в нашей школе, при наших условиях, работу можно поставить гораздо лучше.

Подошли к ярко освещённым окнам.

— Ну, вот я и дома.

Остановившись, Сергей поднял руку и взглянул на часы.

— Только ещё без пяти одиннадцать!

Она не торопилась, терпеливо ждала, когда он о чём-либо заговорит, но Сергей точно языка лишился. Рита выручила его.

— Вы напоминаете мне Бориса Тенина.

— Да что вы? — вдвойне обрадовался он: концу молчания и сходству. — А вам нравится этот артист? — спросил шопотом, лукаво.

— Конечно. — Она посмотрела на его стриженую голову. — Он очень хорошо играет.

— А вообще... Как человек?

Рита засмеялась.

— Как человека я его не знаю.

Он хотел спросить ещё о чём-то, но только беспомощно развёл руками. Она звонко расхохоталась, потом спохватившись, взглянула на окно своей горницы: хозяйская дочь Катя сидела за её столом и читала книгу.

— Ну, мне пора, — сказала Рита, звякнув щеколдой казитки.

Сергей нехотя протянул ей руку.

— Сильно жмёт! — задорно смеясь, напомнила она.

— Сейчас я тихонько...

Рита подала не всю руку, только пальчики. Сергей сдвинул их. Она ойкнула, вырвалась и убежала.

«...Ты скажешь, когда же я подойду к самому главному — как устроилась с квартирой? Неплохо, мама. Ближе от школы. Хозяева хорошие люди. У них есть дочка Катя (будет учиться у меня) и бабушка. Удивительная бабушка, весёлая и разговорчивая. К каждому слову у неё — поговорка или присказка в рифму. Вчера иду из школы, а она сидит в сених и перебирает калину. Что, говорю, бабушка, — калина? Да, говорит, калина, и начала приговаривать. Словно кружево вяжет, а сама любит, хохочет: «Калина, глаза, как у налима, хвост, как у сыча...» Ей уж восемьдесят два, а ходит она во весь рост, с большой суковатой палкой.

Пишу, пишу, а конца-краю не видно. Вот расписалась! У меня такое настроение, будто я накануне свадьбы. А может быть, и в самом деле накануне? Во мне всё кипит, хочется прыгать, петь, работать, словом, жить! Сделала турник у себя во дворе, и теперь Федора Тарасовна будит меня по утрам: «Васильевна! Пора опрокидывать сахарницу!».

Сегодня у меня была репетиция живой газеты. Вот, как будто бы, и все новости. С учителями ещё не со всеми познакомилась. Есть прекрасные товарищи.

Завуч в отпуске и куда-то уехала. С директором уже разговаривала. «Надеюсь, не замараете авторитет нашей школы». Постараюсь, говорю.

Жду не дождусь, когда начнутся занятия. Не провалюсь ли на первом же уроке? «Прыгать-то ты мастерица, скажут, а вот учиться и не умеешь».

Рита посмотрела на себя в зеркало, поправила волосы и вновь склонилась над столом.

7.

Сергей взял Риту под руку при выходе из клуба. Валентина Петровна, увидев это, тряхнула косами и быстро ушла вперёд. Сзади, от клуба, долетел до них голос Лили:

А ты гуляй, гуляй, метель,
Гуляй, гуляй, метелица!
А не довольно ль тебе, милый,
С двумя каштальцами!

Рита взглянула на Сергея, сказала:

— Ведь правду поёт?

— Провокация, — с досадой отрезал Сергей, не оглядываясь.

Ночь была светлая, лунная. На военной гимнастёрке Сергея сияли и вызванивали ордена и медали. Рита искоса и не без зависти поглядывала на это богатство.

— Рассказали бы хоть, когда и за что получили награды...

— Что ж тут рассказывать? Воевал, вот и всё.

— Не скромничайте: три ордена не так-то просто получить. Расскажите.

— Один — за Вислу, другой в Германии за бой с «тиграми» под городом Арнсвальде, третий — за Берлин.

Рита засмеялась.

— Коротко и неясно! Нет, серьёзно, товарищ Орехов, расскажите подробнее. Вы не представляете, как это интересно мне, не видевшей фронта.

— Орехов, Орехов. Когда же я буду у вас хотя бы Сергеем Петровичем?

— Простите, Сергей Петрович.

— То-то.

Шумела вода близ мельзавода, где-то за рекой лаяла собака. В берёзовой роще играла гармонь, пела молодёжь. Было безветренно и тепло.

Сергей вздохнул.

— В такую ночь рассказывать о войне? Давайте о чём-либо другом потолкуем. — Он остановился и посмотрел в её белое лицо. — А о войне и о себе я расскажу вам — знаете когда? — Девятнадцатого ноября, в День артиллерии, когда вы придёте ко мне на вечер. Приглашаю заранее.

— Спасибо. — Она остановилась перед освещёнными окнами своей квартиры. — Ну, вот, видите, я уже и дома.

— Быстро, — вздохнул Сергей.

Рита посмотрела в окно горницы. Как и вчера, за её столом сидела Катя. Сегодня она выполняла задание Риты по русскому языку.

— Мне пора, Сергей Петрович.

Сергей, не выпуская её руки, взглянул на часы.

— Ещё минут пяток, Маргарита Васильевна. Время детское: без пяти одиннадцать.

— Вы забываете, что я живу на квартире. Видите — Катя ожидает меня. Неудобно.

— Я задержу вас только до одиннадцати.

— До одиннадцати можно. — Протянув руку в полосу света из окна, она посмотрела на свои часы-прямоугольничек. — Я пошла, уже одиннадцать. Смотрите...

Сергей наклонился, чтобы взглянуть на её часы и ощутил её горячее дыхание на своём лице.

— У вас торопятся. Мои артиллерийские, с секундомером. Сегодня проверял по радио. Кстати, у вас ведь нет радио?

— Нет.

— Разрешите мне установить вам? У меня два приёмника и оба исправны.

— Что за вопрос! — Засмеялась она. — Пожалуйста. Буду благодарна.

— Во! Завтра же поставлю.

— Я шучу, Сергей Петрович. С чего ради?..

— А что ж тут такого? У меня же лишний приёмник! Припесу завтра. Считайте, что я вам подарил на время.

— Пока я свой не заведу, да? Согласна. Спасибо. — Она притянула руку и взглянула на его часы. — Уже и на ваших одиннадцать. — Высвободила руку и прислонилась спиной к калитке.

— Да, одиннадцать, — с сожалением подтвердил Сергей. — Очень жаль, конечно. Я готов стоять с вами до утра.

— Неужели?

— Вы прекрасно об этом знаете, Рита. — Он впервые назвал её так: Рита.

— Ничего я не знаю. — Рита звякнула железной щеколдой калитки. Он схватил её за руки, притянул к себе.

— Не знаете?

Она испугалась.

— Сергей Петрович!..

Он хотел поцеловать её, однако девушка оказала такое отчаянное и сильное сопротивление, что Сергей не совладал с нею. Тогда он припал губами к её рукам.

— Оставьте... Что вы? Сергей Петрович!..

Горячими поцелуями осыпал он её мягкие, холодноватые руки.

— Риточка...

Она локтем придавила рукоятку щеколды, и калитка открылась. Рита попятилась во двор, пытаясь высвободить руки. Он цепко держал её. Резкий, сильный рывок — и она бросилась через двор к крыльцу. Он догнал её, обнял за талию.

— Риточка...

Борясь, они оказались в полосе света из бокового окна горницы.

— Товарищ Орехов... Вы с ума сошли!

Она покраснела от напряжения, одной рукой лихорадочно старалась пригладить волосы, не замечая, что с головы слетел берет. Оба горячо и часто дышали в лицо друг другу. Несколько раз он коснулся губами её пылающих щёк...

— Пустите... Нельзя... Ну, поймите же! — Отчаяние и слёзы слышались в её голосе. Он отпустил её. Рита вбежала на крыльцо.

Сергей наклонился за беретом и вместе с ним поднял с земли медаль. Посмотрел на грудь: остальные на месте. Подошёл к свету, увидел: «За взятие Берлина». Положил в карман гимнастёрки, застегнул пуговицу. Аккуратно отряхнул берет, подошёл к крыльцу.

— Ваш беретик. Не обижайтесь. Я не хотел вас обидеть, правда?

— Это варварство. Больше я с вами не пойду.

— Ну, простите, дайте руку...

— Идите так. Опять обманете...

— Не обману.

— Ну вас.

— Честное слово!

Она подала руку. Сергей тихо попрощался и пошёл. С улицы заглянул в окно горницы, видел, как девочка побежала открывать двери.

Катя открыла, не спросив, кто пришёл. Рита тихо прошла в горницу.

— Вот молоко и шаньги на столе, — сказала Катя, собирая тетрадки.

— Закончила? — спросила Рита.

— Немножечко осталось.

— Заканчивай. Ты не помешаешь мне. Я лягу и буду читать. Кушать не хочу.

Задёрнула шторы на окнах. Разделась, легла в кровать, всё ещё чувствуя на руках следы горячих поцелуев. Попробовала читать, но через минуту положила книгу обратно на стол. Закинула полные, загоревшие, с белизной на внутренней стороне, руки за голову, смотрела в потолок.

— Вы заболели, Маргарита Васильевна?

Рита удивлённо посмотрела на девочку. В карих глазах Кати искрилось лукавство.

— Почему ты так думаешь?

— Щёки у вас горят, как в жару.

— На улице свежо, поэтому, — тихо и скупно ответила Рита.

Катя приглушенно хихикнула. Учительница с испугом и удивлением посмотрела на неё.

— Я ведь всё слышала!

— Что ты слышала?

— Как вы целовались.

Рита улыбнулась, стараясь скрыть ещё не улегшееся волнение.

— Что же тут смешного? Я ведь взрослая... Мне не запрещено.

— А зачем не давались тогда?

— А ты подсматривала?

— Ой, нет, Маргарита Васильевна, не подсматривала! Даже не знаю, с кем вы были. Я сидела и писала. Через окно у нас всё слышно.

— А мама с папой давно уснули?

— Давно.

Федора Тарасовна завозилась на печи. Рита представила, как посмеётся старуха, когда узнает, что квартирантка всё-таки завела «хахалю». Что подумают о ней хозяева? Ужас! «Нет, больше я с ним не пойду!» — решила Рита.

— А зачем целуются, Маргарита Васильевна?

Что скажешь ей? Нельзя же увильнуть, коли попалась!

— Любят, вот и целуются.

— А как это любят?

— Маму любишь?

— Люблю.

— А спрашиваешь! Ведь знаешь?

Катя погрозила пальчиком.

— Рассказывайте! Кавалеров не так любят.

— А как?

— Не знаю.

— Я тоже не знаю, Катя. Когда узнаю, расскажу. Ладно?

— Ладно.

— Заканчивай упражнение.

Катя склонилась над тетрадкой. Рита лежала недовольная собой. Она не знала, правильно ли отвечала Кате. «А сколько подобных вопросов задаст Катя ещё?»

Девочка собралась, наконец, уходить.

— А кто это был с вами, Маргарита Васильевна?

— Сергей Петрович.

— Сергей Петрович? — обрадованно переспросила Катя.

— Да. А что?

— Мы его тоже любим.

— За что?

— Он хороший.

— Чем?

— Всем. Он капитан. Его в Берлине пулей прострелили насквозь.

— Откуда ты знаешь?

— Мы все знаем.

— Ну ладно, Катюша, иди спать...

Катя пожелала спокойной ночи и, выключив свет, ушла.

Рита не спала долго. Вспомнила Барнаул, школу, институт... В кавалерах у неё не было недостатка. В школе её звали ещё «Ритой-бритой», там любовь была детская, как игра в кошки-мышки. Шла война, всё свободное время Рита отдавала помощи матери, урокам, пионерам. Любить было некогда. Лишь однажды... Это случилось летом. Ученики соседней школы поехали на Телецкое озеро. Она присоединилась к ним. Там был Виктор Грибков, девятиклассник, художник. У него были красивые карие глаза. Иногда он провожал её из школы до дому. Она познакомилась с ним случайно, на катке. Раза два или три ходила с ним в кино, один раз были даже в театре. На Телецком озере Виктор рисовал в её альбом красивые видочки. Там же он насильно поцеловал её и сказал, что очень любит и готов для неё на всё. Она ответила дерзко:

— Докажи, что готов на всё.

— Пожалуйста. Чем?

— Брось мечту об институте, поезжай на фронт и возвратись героем.

— Хорошо, — сказал он, — брошу и поеду. Но если вернусь с Золотой звездой и без ног? Пойдёшь за меня?

— Конечно, что за вопрос!

Он окончил десятилетку и уехал... в институт. Она сожгла все его рисунки. Ни на одно из его писем не ответила.

В институте ухаживать за ней пытались многие студенты. Рита каждому показывала от ворот поворот. Все были уверены, что она уже любит кого-то. Чудаки! Что сказали бы они сейчас, узнав, что она «закрутила» впервые в жизни?

«У него чистая, светлая улыбка... Но она больше не будет ходить с ним... до самой калитки. На сто метров, не меньше...»

Государственные комиссии уже составляли акты готовности школ к учебному году. Чернореченская школа получила отличную оценку. Роман Макарович в вышитой косоворотке, опоясанной белым витым поясом с распущенными концами, в скрипучих жёлтых полуботинках, удовлетворённо побрякивая, разгуливал по классам. Вновь покрашенные полы и мебель сверкали бликами, голубизной отливали побелённые с медным купоросом стены, в носу щекотал густой запах олифы. А над крышей красным крылом трепыхал новенький флаг, такой же яркий, как сама крыша после покраски.

Физрук Пётр Саввич уехал в район за учебниками и тетрадями.

Софья Ивановна возвратилась из экскурсии в Москву. Рита познакомилась с завучем в клубе, на киносеансе. Их свёл Орехов, и сидели они рядом. Софья Ивановна была в голубом клеёнчатом плаще и красной фетровой шляпке, из-под которой выглядывали непомерно мясистые мочки ушей, портившие красивенькое личико завуча. Особенно понравились Рите её светлокариые глаза. Софья Ивановна — бездетная вдова. Муж её, до войны работавший заведующим райОНО, без вести пропал на фронте.

В ожидании начала сеанса завуч успела поделиться с Ритой и Сергеем частью своих столичных впечатлений.

— Везде побывала, всё высмотрела: была в музеях, в Третьяковке, даже в зоопарке. Представьте себе, видела чудесного маленького бегемотика-детёныша!.. В столице уйма интересного, только много времени у нас отнимали на посещение школ. И знаете, что я вам скажу: я несколько была разочарована. Да, да. Я ожидала увидеть что-то бесподобное, но, оказывается, мы не так уж далеки от московских школ.

Софья Ивановна произвела на Риту хорошее впечатление. Немножечко морщила Рита нос от слишком частого и подчас неуместного употребления завучем эпитетов «чудесный», «позумительный», «восхитительный», «прекрасный», но, по мнению Риты, это было простительно.

Картина началась, и Софья Ивановна замолчала. Сергей осторожно положил свою руку на руку Риты. Рука девушки дрогнула, но осталась на месте.

Районное учительское совещание открылось 26 августа в полдень.

Доклад заведующего райОНО об итогах минувшего и задачах нового учебного года был построен довольно интересно, особенно в разделе, касавшемся северных школ. О школах южной части района он говорил скупо и казённо. О Чернореченской школе сказал лишь, что она является лучшей в районе, и в похвалу её директору зачитал несколько строчек из акта государственной комиссии.

— Который? Который? — спрашивали учителя-новички, вытянув шеи, и, найдя, восхищённо смотрели на серебряную голову Романа Макаровича, украшавшую президиум.

После перерыва начались прения. Председатель объявил: «Слово имеет товарищ Агапова, заведующая учебной частью Чернореченской школы». Из задних рядов быстро поднялась и через весь зал шумно пронеслась на крыльях голубого плаща Софья Ивановна. Взойдя на трибуну, она улыбочиво, как давно всем знакомая, оглядела зал.

— Товарищи! Всего неделю тому назад я была в нашей слазной, кипучей, могучей и шикем непобедимой, любимой нашей матушке-Москве!

Учителя дружно захлопали в ладоши. Выждав тишину, сияя улыбкой, Софья Ивановна звонко бросила в зал:

— Из далёкой Москвы я привезла вам, товарищи, горячий, пламенный столичный привет!

Раздались более громкие рукоплескания.

Кратко поделившись впечатлениями о Москве, Софья Ивановна рассказала о том, как надо болеть за своё дело, за свои школы, и для подкрепления мысли привела случай, как на её глазах поседел преподаватель одной из московских школ, когда в его физическом кабинете государственная комиссия не обнаружила портрета первого русского физика. С таинственной расстановкой прошелестели в устоявшейся тишине зала её многозначительные слова:

— И когда он увидел, что в его изумительном, чудесном кабинете, где не было только, как говорится, птичьего молока, отсутствует, по его же недосмотру, портрет первого русского физика, он, прекрасный мастер-педагог, тут же, на моих глазах, поседел.

Софья Ивановна, вновь выжидая тишину, пила воду. Зал гудел. Некоторые из старых учителей, переглядываясь, сомнительно улыбались. «Врёт и сама себе верит, — думал Роман Макарович. — Но на сей раз она загнула колесо слишком великое».

Софья Ивановна заговорила о своей школе. Вначале она красочно описала её внешний вид, качество ремонта, не забыв похвально упомянуть Романа Макаровича, потом перешла к учебно-воспитательной работе.

— Проведено за год двадцать педагогических совещаний, срок методических объединений, посещено завучем двести уроков, дано учителями двести десять показательных уроков, работало двенадцать кружков, которые в общей сложности провели шестьсот занятий. Всеобуч мы осуществили, как всегда, на все сто процентов, целиком и полностью...

Время истекло, председатель нетерпеливо постукивал карандашом по графину, наконец, встал, показывая оратору часы.

— Ещё одну единственную минутку. — Раздумываясь Софья Ивановна глотнула из стакана воды. Зал покровительственно загудел:

— Пусть говорит!

— Пусть делится опытом!

— Дать лучшей школе!

И Софья Ивановна, кокетливо передёрнувшись, продолжала:

— Товарищи! Чернореченская школа вот уже десять лет подряд пользуется славой лучшей школы в районе. Случайно ли это? Разумеется, нет! За всеми этими сухими цифрами, приведёнными мною, кроются живые дела наших учителей, их неустойное беспокойство, их страстное желание работать изо дня в день, из года в год всё лучше и лучше... Я уверена, что в новом учебном году учителя Черноречья сделают всё для того, чтобы поднять учебно-воспитательную работу ещё на более высокую ступень и... (в зале кто-то преждевременно зааплодировал)... и удержать украшающий их заслуженный венок славы!

Как Обь во время весеннего ледолома, забушевал зал: Софья Ивановна пошептала о чём-то с президиумом и неторопливо сошла со сцены. Кто-то поймал её за плащ, и она села в первом ряду.

— Какой у вас дивный слог, Софья Ивановна! Бесподобно!

Роман Макарович для выступления в прениях не записался, он сильно шепелявил и избегал публичных речей. Сергей подал в президиум записку после выступления Софьи Ивановны, однако опоздал, очередь до него не дошла. Записавшиеся не все успели высказаться, прения прекратили.

— А о чём вы хотели говорить, Сергей Петрович? — спросила Рита.

— О качестве, — кратко ответил Сергей.

9.

Живгазетчиков, посланных в колхоз «Правда», возглавил Сивоконь. На подходе к стапу он распределил силы:

— Виктор — на ток, Андрей — на комбайн, Лора высмотрит всё в столовой и в амбарах, а мы с Мусей направимся к трактористам. Учтите, что колхоз отстающий. Беседуйте больше с рядовыми, до начальства не касайтесь.

Пятёрка разошлась в разные стороны.

Отдыхавшие в омете соломы трактористы ещё издали слышали бойкую частушку:

Мой милёнок спозаранку
Крутит тракторну баранку.
Успевает и пахать,
И к товарочке порхать.

Один из трактористов поднял голову и разулыбался:

— Чарли Чаплин идёт. С девахой.

— Зачем это они сюда? — приподнялись остальные.

— Мир вашему дому! — Сивоконь снял шляпу, набросил её на трость и низко поклонился. Высоко над его палевой головой, на тросточке вращалась шляпа. — Здравия желаю, дорогие! А ну,

сознавайся, кто расплавил подшпнники? Прошу по-серьёзному, мы живгазетчики.

— Кто?

— Живгазетчики. Это, если сказать по-восиному, глаза и уши.

— Понятно.

Сивоконь достал из кармана блокнот и самопишущую ручку.

— Подшпнники целы, — торопливо говорил бригадир. — Ожидаем автол. Запчастями и горючим МТС снабжает сносно, а вот смазочным — с большими перебоями.

Сивоконь присел, чтобы удобнее было записывать.

— Выкладывайте всё начистоту, не озираясь на лица. Почему вы валяетесь здесь?

— Как весной вагончик сгорел, так новый досе и не выстроили...

— Ещё что? — торопливо записывал Сивоконь. — Не только у вас, а и вообще, по колхозу.

— Сказал бы я, да только по секрету, — заявил один из трактористов.

— Давайте. — Сивоконь отошёл в сторонку.

— Болезнь такая есть, — вполголоса сообщил тракторист, — расширение эрачков на колхозную собственность. Это я про бригадира животноводческой бригады Ефрема Попова. Киномеханику дал два га колхозного покосу, Галине Тараниной — сколько-то, Дзюбе, Колесову, а может и ещё кому — не знаю. А про этих я знаю лично. Я написал об этом куда следует, но пока суть да дело, продёрнуть не мешает. Была бы его воля, он бы за литровку весь колхоз продал. Говорю это по секрету, потому что Ефрем Попов и механик — наша родня...

— Всё будет покрыто мраком неизвестности, — улыбается живгазетчик.

Около столовой на полевом стане колхоза «Путь к социализму» собирался народ. Уже разнеслось — будут вручать переходящее знамя, будет лекция и живая газета.

Догадливый председатель правления сельпо, краснолицый Аким Иванович организовал буфет на свежем воздухе. Из ящиков устроили прилавок. Заодно с закусками были выставлены здесь разные другие товары: и мыло, и мануфактура, и одеколоны. Несколько пареньков скатывали с автомашины бочёнок с бражкой. Аким Иванович наблюдал за развёртыванием торговли, Климентий Самсонович хлопнул его по широкой спине.

— Однако, весь магазин вывез сюда, Аким Иваныч?

— Ну, — засмеялся кооператор, сверкая золотым зубом, — что ты, Клим Самсоныч! Для всего магазина в Черноречье машин нехватит. Ты знаешь, какой у меня оборот теперь, — миллион! В районной газетке про наше сельпо пропечатали. Читал?

— Читал, — равнодушно повёл носом Климентий Самсонович. — Это ещё не резон, уважаемый. Дела-то у тебя не так уж блестящи, как тебе кажется. Миллион, миллион, а что толку в твоём миллионе! Воровины для колхозов у тебя нету, бечёвки нету, ламп

керосиновых и стекол к ним тоже нету. Вот в «Правде» до сих пор со свечками, как в храме божьем, на стане сидят. Куда годится? Ты, Аким Иванович, не ересься, что стал хорошим из худших. Ты знаешь, что наш райпотребсоюз худший в крае?

— Нет, не слышал.

— То-то. А я знаю.

«Вот всегда так, — думает Аким Иванович, — ожидаешь, что председатель Совета, наконец-то, похвалит тебя за твою прилежность, а он наколупает ворох недостатков и укорит тебя ими. Глазки маленькие, как у воробья, а видит далеко».

Стало совсем темно. При двух семилинейных лампах продавцы трёхрублёвую бумажку уже не отличают от пятёрки. Барсуков подсказал шофёру осветить торговлю фарами автомашины. Продавцы сначала жмурились, потом привыкли, и торговля вновь пошла бойко.

Школьный физрук Пётр Саввич вынес из столовой табуретку, сел на неё и растянул баян. Девушки-колхозницы взвизгнули от восторга. Народ прихлынул к баянисту.

В красном уголке за столом сидели Рита и Яша Цветков. Яша изгрыз половину карандаша, подбирая рифму к слову «конюшня».

— Конюшня — душно... Какой чорт душно, когда в ней сплошная вентиляция! Конюшня — люшня... Есть такое слово?

— Люшня? Нету. А что?

— Что-что! Не выходит — вот что! Нету рифмы для конюшня! Рита снисходительно улыбнулась.

— Ну и брось её, конюшню. Берись за другую частушку. Конюшню после осилим сообща. Давай дальше. Торопись, Яшенька, скоро Орехов и Сивокопь придут.

— Орехов припрёт материалу целый воз. Злой он сегодня.

— Почему?

— Как будто не знаешь? А Лилю кто ему всучил?

— Его царённая...

— Была! — с сердцем выпалил Яша, всё ещё негодуя на нерифмующуюся конюшню.

— А теперь?

— Теперь у него... другая.

— Глупости!

— Вижу, хотя и в очках. А ты, Рита, остра: парочно решила столкнуть их лбами, чтобы они окончательно разлетелись.— Дверь скрипнула. — Вот и они!

Вошли обе бригады, проверявшие другие колхозы. Лили с ними не оказалось. Орехов и Сивокопь, оба весёлые, потрясали блокнотами.

Выездной исполком открылся около десяти вечера, когда приехали председатели и бригадиры из двух других колхозов. Столовая была переполнена. Рита примостилась у раскрытого окна.

Сергей был в гимнастёрке, при всех орденах и медалях. Это гармонировало со складным и смелым началом лекции. Он приво-

дил много подробностей о жизни стран новой демократии. Рита многое из этого не знала. Эрудиция Сергея превзошла все её ожидания. Она осмотрела переполненную столовую. Лилю не было. «Куда делась? Наверное, Яша прав: они объяснились. Он любит меня... А я его? Нравится, как нравился Виктор. А, может, так-ва она и есть любовь?..»

— Вот это лекция! — улоённо прогудел Алтынцев, поднимаясь с первой скамейки, когда Климентий Самсонович объявил перерыв.

После перерыва Сергею пришлось полчаса отвечать на вопросы. Рита заранее записала в блокнот вопрос, ей хотелось показать, что она не пешка в политике, как, может быть, думает о ней Сергей. Однако, сообразив, что вопрос, возможно, застигнет лектора врасплох, она промолчала.

Выйдя из душной, задымлённой столовой, Рита поискала глазами Лилю, но ни у буфета, ни в кругу около баяниста не нашла её. Сергей что-то покупал в буфете, ещё ни разу не взглянув на неё после лекции. Она чуть было не обиделась, ей очень хотелось потанцевать с ним вот именно в этот момент, и даже отвернулась, как вдруг он тронул её за локоть. Рита чуть вздрогнула. Сергей улыбнулся чистой белозубой улыбкой. «Какие у него прекрасные зубы», — подумала она.

Климентий Самсонович призывал заходить. Сергей взял Риту под руку и так вошёл с ней в столовую.

Председатели колхозов доложили о ходе хлебоуборки и хлебодачи. После кратких перекрестных вопросов Климентий Самсонович колко и хлётко раскритиковал председателя колхоза «Правда» и вручил переходящее знамя Алтынцеву — вожаку артели «Путь к социализму».

Ответная речь Алтынцева была краткой.

— Товарищи! — как труба, загудел он. — Я беру это знамя крепко, вот так, смотрите (он потряс мощной рукой со знаменем), и от имени правления и всех наших колхозников заверяю членов исполкома и всех присутствующих, что это знамя будет жить у нас до конца хлебозаготовок. О чём и прошу записать в протокол...

Живгазетчикам пришлось выступать почти в двенадцать ночи. Несмотря на позднее время, никто не ушёл спать — узнали, что будут «продёргивать». А когда стали «продёргивать», колхозники ойкали, девашки взвизгивали от удовольствия.

— Ой, мамовьки!

— Ловко!

— В аккурат чешет!

Частушки о Ефреме Попове спел Сивоконь. Он вышел в чьём-то замусоленном картузе, низко сдвинутом на глаза, как у Ефрема Попова, который, как нарочно, с бичом в руках сидел на самой первой скамейке. Увидев у Сивоконя бич, бригадир животноводов посмотрел на свой, крякнул и сдвинул картуз на затылок. Сиво-

НА АЛТАЕ

В степных районах широко развито бахчеводство. Колхозники сельхозартелей Кулунды и Рубцовой степи каждую осень собирают богатый урожай арбузов.

Фото А. Калабухова.

конь крикнул и тоже сдвинул картуз на затылок. Пётр Саввич проиграл перебор, и Сивоконь чуть хриповатым голосом запел:

А теперь слою я вам
Новенькую тему:
Как живётся хорошо
Дядюшке Ефрему.

Многие в селе звали Ефрема Попова «дядюшкой Ефремом», они зашутукались, захихикали, разыскивая его в зале. А Ефрем Попов—кругленький, розовенький, как дитя, мужичок средних лет, услышав своё имя, вздрогнул, оглянулся по сторонам, уставился на Сивоконя маленькими, заплывшими глазками, растерянно теребя клинышек сизой бородёнки. Баянист проиграл перебор, и все, раскрыв рты и предвкушая удовольствие, насторожились.

Он, колхозный бригадир,
Блюл скотинку радостно,
Но случилась с ним беда
От сорокоградусной.

В столовой грянул такой дружный хохот, будто снаряд разорвался. Языки пламени в семилинейках дрогнули. Сивоконь вдруг извлёк из кармана поллитровую бутылку, рукою мастерски вышиб пробку и дважды потянул из горлышка, раскорячась и запрокинув голову. Хохот и взвизгиванья заглушили баян. Дядюшка Ефрем опустил голову. Сивоконь облизал губы и провёл под носом всей рукою, от локтя до кисти, вызвав новый взрыв хохота: именно так делает Ефрем Попов.

Тувядец не горюй,
Колн нету сена:
С поллитровкой смело дуй
К дядюшке Ефрему.

Столовая опять затрещала от безудержного хохота.

— Ой, мамоньки, больше не могу!

Сивоконь играл бутылкой, как мартышка очками: встряхивая, смотрел, как пузырится водка. Сзади народ стал взбираться выше, скамейка хряснула, девушки с визгом посыпались на пол. Со всех сторон на них зацыкали, и виновницы притаились, давясь смехом.

Ефрем Попов старался смотреть в пол, дрожащими ногами выбивал мелкую дробь. Уйти бы, да разве через эту толпу пробьёшься!

Сивоконь кивнул баянисту, чтобы заканчивал перебор, и, тряхнув бичом, понёс на полтона выше:

Он, смелся, тряхнёт бичом,
Форса не уронят:
За поллитра с сургучом
Весь колхоз загонит!

Ефрем Попов, не выдержав, вскочил, махнул рукою и решительно стал пробираться к выходу, работая локтями.

Разбушевавшееся веселье, с визгом, выкриками и топотом, на-верняка, было слышно в соседних полевых станах.

После концерта Климентий Самсонович подошёл к живгазетчикам.

— Сверх всяких ожиданий! Запосите столы. На первое блю-до — сто грамм, на второе — щи с бараниной, на третье — чай с конфетами, а на четвёртое — благодарность!

— Качать председателя! — озорно крикнула Рита.

Климентия Самсоновича выволокли на двор, и он, как блесня, засверкал на руках живгазетчиков в полосе света от фар автома-шины.

10.

Свежее ясное утро.

В центре школьного двора, на табуретке, сидит Пётр Саввич в расшитой узбекской тюбетейке. В руках у него баян. Вокруг козлятками взбрыкивают малыши, поют и пляшут старшеклас-ники.

На дверях школы — большой красочный лозунг: «Добро пожа-ловать».

Первое сентября...

Софье Ивановне и учителям первых классов много хлопот с детьми-семилетками. В августе подворным обходом в селе было учтено 107 первачей, а нахлынуло 148.

— Понаросли, как грибы, — сияя на солнце очками, развёл руками Яша Цветков. — Народились за две недели!

Стали выкликать по списку — половины не оказалось: многие с испугу забыли свои фамилии. Старшеклассники выручают, пока-зывая пальцами:

— Вот он, Иван Рожков. Ты что ж молчишь, Ванёк?

Иван Рожков, пугливо глядя во все глаза на знакомого стар-шекласника, нехотя выходит из строя к своему учителю.

Без вести пропал Юра Крылов. Пионеры вмиг слетали за ним домой, но бабушка ответила, что Юра ушёл в школу чуть свет, даже шанег горячих не дождался. Начали искать Юру в строю. Опять нету! Снова пионеры бегут к Юре на дом. Бабушка не вы-терпела, опираясь на палку, пошла в школу.

— Вот он стоит, Юра наш, — показала она костлявой рукой на мальчика, стоявшего около учительницы в группе прошедших перекличку.

— Так это же Юров! — сказала учительница, глядя в список и на школьника. — Мальчик, ты Юров, да?

— Не Юров, а Юра. Крылов Юра — скажи. — Бабушка гла-дит внука по стриженной головке, смеётся. — Проводить бы на-до, а некому, отец с матерью на работе, а мне не под силу, кое-как дошла вот. Морока же вам с имя тут! И куды это учить таких пискарей. Он вот, наш-то, о прошлом лете токо-токо соску забро-сил. Господи!

«Кто же Юров?» — шутят завуч и учительница. С помощью пионеров находят Юров Костя, уписывая рыбный пирог, скачет себе около Петра Саввича.

Вадик Кириклица не растерялся. Когда Софья Ивановна выкликнула его имя и фамилию, он героически отхватил:

— Вот он я, в красных сапожках!

Все посмотрели на Вадика и убедились, что он прав: на ногах у него новенькие сапожки из красного хрома. Это папаша, шутки ради, научил Вадика так ответить. Идя в школу, Вадик не сомневался, что все обязаны докладывать, кто в чём пришёл. Он вот и имя своё не забыл, и фамилию свою замысловатую упомянул, и даже сказал, в каких сапожках явился. Но все почему-то смеются над ним. Отцу — шутки, а Вадика — слёзы. Никуда не пойдёт он из строя!..

Яша Цветков взял мальчика на руки и понёс к баяну, чтобы развеселить.

Рита ежеминутно взглядывает то на часы, то на конспект. Покусывает губы.

— Не волнуйтесь, — участливо поддерживает её Сергей.— Всё будет хорошо. Только не заглядывайте часто в конспект, он собьёт вас с толку. Сама обстановка на уроке подскажет, как действовать и что говорить.

Гуляет по школьному двору свежий ветерок, колышет флаг над крышей. А Рите жарко.

Звонок возвещает начало учебного года.

Рита чувствует, как горят её уши и щёки. Что она, в самом деле, так волнуется? Ведь работала же три года с пионерами в школе? Разве здесь не такие же дети? Ах, конечно, не такие, что за вопрос! А какие? Нет, не в детях дело. Вот так же дрожали у неё колени, когда шла к столу экзаменационной комиссии в институте.

Вот и табличка на двери: «5-й «А». В дверях — почти полкласса. Все уже знают её по клубу, по живой газете. Но разве не интересно смотреть на учительницу, впервые идущую к ним на урок?

Захлопнув дверь перед самым носом учительницы, Шура Атаманов последним мчится на заднюю парту.

Рита входит в класс. Все шумно встают. Она улыбается, ученики тоже. В каждой паре глаз, кроме любопытства, — восхищение и уважение. Учительница в белой кофточке с короткими широкими рукавами. Стройная, высокая, красивая. От неё веет приятными духами, здоровьем и силой, весной.

«Конечно, всё будет хорошо, — думает Рита. — Напрасно я так волновалась». Она подходит к столу, кладёт на него книги, классный журнал, большую белую трубу — свёрток с плакатами, портретами, картинами. Выпрямляется. Бодро, с улыбкой, с огоньком в голубых глазах, бросает:

— Здравствуйте, ребята!

Голос звонкий, как команда, и одновременно трогательно-нежный, как ласка матери. Ученики отвечают хором, с радостью.

— Здравствуйте, Маргарита Васильевна!

Рита пробегает глазами по рядам. Как под солнечным зайчиком, дети жмурятся под её взглядом. Смущаются. Некоторые опускают глаза.

Учительница говорит серьёзно:

— Мальчикам сегодня же остричься. Девочкам — носить приличные причёски, в классе сидеть без платков. В школу всем приходиться чистыми, опрятными. Садитесь.

Садятся как можно тише. Не знают, куда девать руки. В прошлом году у Пивы Ермолаевны сидели как попало. Смотрят друг на друга. Учительница села, положила руки на стол, выпрямилась. Смотрит на них повелительно. И они все положили руки на парты. Сидят прямо, серьёзно. Молодцы! Понимают с первого взгляда.

Они признали в ней свою учительницу! Хороший класс. Все празднично приодеты. На многих — красные галстуки. Смена смене идёт!

Маргарита Васильевна раскрыла журнал. Поставила карандашом точку рядом с первой фамилией.

— Теперь будем знакомиться. Вы меня уже знаете. А я со многими из вас не знакома. Вот сейчас узнаю и постараюсь всех запомнить. Атаманов Шура!

С задней парты нехотя поднимается черноглазый, вихрастый мальчуган. Глаза у него жуликоватые, ехидные. Учительница пишет в свою тетрадь: «Атаманов Шура. Часто бывает в клубе среди взрослых, курит и сквернословит». Она смотрит на него полусерьёзно, он на неё — надменно. «Сильная личность», — заключает Маргарита Васильевна и пробует ещё раз заставить его почувствовать её силу: смотрит на него серьёзно. Шура, не моргнув, выдерживает поединок. «Силён!» — думает учительница.

Ученики следят, смотрят то на него, то на неё. На передней парте Петя Куренков, весь в веснушках, поднимает руку.

— Я знаю, — говорит он.

— Что ты знаешь? — спрашивает учительница.

— Он курит!

Шура Атаманов пренебрежительно ухмыляется. «Ну и что ж, курю» — говорит вся его фигура.

Скользнув взглядом по конспекту, Маргарита Васильевна несколько секунд думает над решением возникшей педагогической задачи. Очень важно сейчас, на первом уроке, решить её тактически правильно. Нельзя уступить Атаманову. Но нельзя и обидеть его. Вдохновение подсказывает ей верный шаг.

— Шура курит? — Она страшно удивлена и категорически, серьёзно заявляет: — Не может быть!

— Правда! — Петя Куренков горячится, жестикулирует рукой. — Вы сами видели его с папироской около клуба. Один раз вы спросили: «Ты ученик?», а он вам ответил: «А тебе то чо?» и убежал. Это он за дверью кукарекал, когда у вас репетиция была. Он!

Шура Атаманов ногтём ковыряет парту.

— Ты, Петя, ошибся, — говорит учительница убеждённо. — Это не он. Это был кто-то другой. Ты, Петя, обознался.

— Он, он! — загудел класс. Петя от натуги краснеет: как так — обознался?

Шура ещё более гнётся, лица его совсем не видно, одни вихры торчат.

— Он хулиган, — сообщила Галя Алтынцева.

Сдвинув брови, Шура зло сверкнул глазами на Галю.

— Его исключали в прошлом году! — крикнула Вера Лагашина.

— Он безотцовщина! — позорит мальчугана Шура Гололобов с задней парты.

И кто-то тихо, защитительно сообщает:

— Отец у него на войне погиб. Танкистом.

Маргарита Васильевна дрогнула. Она подходит к Шуре. Кладёт руку на его вихры. Говорит ласково:

— Ребята, так было, но так больше не будет. С этого дня Шура станет другим. Я помогу ему в этом. Я уверена, что мы с ним будем самыми хорошими друзьями. Я всё тебе прощаю, Шура. Садись.

Шура закрыл лицо руками. Он побеждён. А Маргарита Васильевна почувствовала, что она для них не только учительница, не только вожатая. Мать!

— Дети, я продолжаю. Алтынцева Галя!

Круглое личико, аккуратно причёсанная головка. На голубом платье — белый фартучек. Красный галстук. Пионерочка. Давно ли она сама была такою? А теперь — Маргарита Васильевна. Учительница. Из них тоже должны вырасти строители коммунизма. Это доверено ей. Народом. Партией. Правительством. Тем великим вождём, о котором она сегодня будет рассказывать. Без конспекта.

— Вот мы и познакомились! — Закончив переключку, учительница весело посмотрела на детей. — Теперь мы друзья. Чем больше хороших друзей, тем лучше. Недаром русская пословица говорит: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». У меня друзей гораздо больше ста. Вот сейчас прибавилось сразу тридцать пять. И все хорошие. Ни одного нет плохого.

Она встала.

— Теперь начнём урок. Я буду учить вас русскому языку. Что такое русский язык?

Маргарита Васильевна шагнула назад, приподняла голову. Мечтательно глядя поверх детских головок куда-то вдаль, начала тихо, задумчиво:

Как-то раз перед толлою
Соплеменных гор
У Казбека с Шат-горою
Был великий спор.

Атаманов Шура поднял голову, украдкой, из-за руки, стал смотреть на учительницу. Он читал про Кавказ. Про Жилина и про Костылина. А по истории в прошлом году учили про Шамиля. Он, Шамиль, ничего не боялся, был очень сильный и ловкий. И хорошо боролся за свободу.

...Не боюсь я Востока! —

Отпечал Казбек...

Но Шамиля одолел не Восток, а русский царь. Двадцать пять лет героически боролись горцы под руководством Шамиля с царскими войсками. У Шамиля была армия в тридцать тысяч человек. И были пушки. Но гораздо больше войск имелось у царя.

...Стал считать Казбек угрюмый

И не счёл врагов.

Грустным взором он окинул

Племя гор своих.

Шапку на брови надвинул.

И навек затих.

Тишина. Слышно, как гудит высоко пролетающий над селом далёкий самолёт.

— Как хорошо! — в один голос сказали ученики.

— Владимир Владимирович Маяковский, наш лучший советский поэт, говорит, что если бы он был даже старым негром, он выучил бы русский язык только за то, что им разговаривал Ленин. Вот как он сказал:

Да будь я и негром преклошних годов

И то — без унынья и лени —

Я русский бы выучил только за то,

Что им разговаривал Ленин!

— Ребята! Русский язык — это язык нашего народа, язык Ленина и Сталина. Я очень люблю русский язык. Вы тоже его любите. Кто будет стараться, тот научится у меня хорошо декламировать, выразительно читать, умело сочинять и писать грамотно, без ошибок.

Галя Алтынцева подняла руку.

— Что, Галя?

Девочка встала.

— Я буду стараться...

Галю перебили другие.

— И я!

— И я!

Учительница покачала головой. В классе воцарилась тишина.

— Я не разрешала вам говорить. Учтите, что я очень строгая. Кроме того, я уверена, что вы все будете учиться так же хорошо, как учился Владимир Ильич Ленин. О Володе Ульянове вы читали в четвёртом классе. Сейчас я расскажу вам о лучшем ученике Владимира Ильича, о том, кто вырастил нас «на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил».

Маргарита Васильевна посмотрела на портрет, висевший в классе. Она развязала шнурок на свёртке, разгладила на столе заранее уложенные в нужном порядке плакаты, портреты, картины и сказала:

— Слушайте!

...Терзаемый царями да помещиками и жандармами, веками стонал русский народ.

Вдаль на Волгу, — чей стои раздаётся?

Вот они, репинские бурлаки. Смотрите, как режет жесткий канат задубевшее от солнца и волжских ветров, еле прикрытое лохмотьями, могучее бурлацкое тело.

А вот строители царской железной дороги:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках.
Вечно в воде по колено стоявшие,
Ноги опухли. Колтун в волосах.
Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...

Жестокоей эксплуатации подвергались не только взрослые, но и дети. Вот слушайте взывающий о помощи голос крестьянских детей, изнурённых непосильным трудом на фабрике:

...Только нам гулять не довелось
По полям, по нивам золотым.
Целый день на фабрике колёса
Мы вертим, вертим, вертим, вертим!
Колесо чугунное вертится,
И гудит и петром обдаёт.
Голова пылает и кружится,
Сердце бьётся, всё кругом плёт...

Вот, смотрите, перовская «Тройка» — дети везут на салазках, как бурлаки, огромную тяжёлую бочку с водой. А здесь мать пришла на побывку к сыну, отданному в ученики к сапожнику. Мальчик напоминает горемычного Вацьку Жукова...

Ужасно тяжело жилось народу при царе, при помещиках и капиталистах. Как хищные коршуны, терзали они тело народа. Царская Россия была тюрьмой народов.

Не раз поднимался народ против своих палачей. Вот стоит Степан Разин на Лобном месте, смотрит через море людских голов в сторону далёкого вольного Дона, думает последнюю думку свою:

Не придётся Стеньке крикнуть
Клич казацкой гольтыбе
И призвать её на помощь
С Дона вольного к себе.

Не мог народ одолеть своих эксплуататоров, своих кровожадных палачей. Почему? Потому, что не было тогда ещё рабочего класса в России, не было партии рабочего класса.

Новая учительница ведёт рассказ о том, как появились в России фабрики и заводы, шахты и железные дороги, как рос рабочий класс — могильщик буржуазии. Просто и увлекательно рассказывает Маргарита Васильевна. Словно в кино, встаёт перед детьми живая картина далёких лет: в симбирских степях орёл молодой расправляет окрепшие крылья и устремляется в Петербург, в гущу пролетариата, в горнило революционной борьбы, организуя вокруг себя рабочий люд на борьбу с царизмом.

— А на другом конце матушки-Руси, где когда-то храбро сражался за свободу Шамиль, на Кавказе, рос и мужал другой орёл, горный орёл — Иосиф Виссарионович Сталин. С пятнадцати лет он вступает в революционную борьбу с врагами народа. За революционную пропаганду его исключают из духовной семинарии, где он учился. Он поступает работать в тифлисскую физическую обсерваторию, но и там царские ищейки не дают ему покоя. Он вынужден бросить работу и скрываться. Он много читает, становится образованным революционером-профессионалом, поднимает народы Кавказа на борьбу с самодержавием. Сталин учится у рабочего класса, у народа, учится у Маркса и Энгельса, учится у Ленина. «Я во что бы то ни стало должен увидеть его» — решает Сталин, прочтя произведения Ленина. В 1905 году Ленин и Сталин встретились. С тех пор они навечно стали друзьями.

Революционеры день и ночь преследовали царские ищейки, царь томил их в тюрьмах, ссылал в Сибирь. Но вожди пролетариата знали, что их дело правое, что за ними — народ, и продолжали борьбу.

И вот грянул гром Октября. Загрохотали пушки революционной «Авроры» по Зимнему дворцу. Трудящиеся, во главе с большевистской партией, с великими вождями Лениным и Сталиным, победили. Установилась Советская власть.

Недолго, однако, пришлось Ильичу дышать очищенным революционной грозой воздухом родной матушки-России.

Не кипучий смерч землетрясенный
Мир хлестнул неудержимым шквалом.
Это весть о том, что умер Ленин,
Весть о том, что Ленина не стало.

Ленин умер, но дело его живёт.

Вечно будет ленинское сердце
Клокотать у революции в груди!

Вот.. Ленин в гробу. Опечаленный Сталик сѳоч над гробом. Не падать духом! — говорит он. — Сильнее всего в свете народ и правда.

Народ верит Сталину, народ и правда — за Сталища. «Веди нас, — говорит Сталину народ, — ты вернейший ученик и соратник Ленина, ты и достойнейший его преемник».

И Сталин клянется над гробом Ленина выполнить его заветы, привести советский народ к счастливой, радостной жизни.

Засучив рукава, первыполняет народ сталинские пятилетние планы, сметая с пути всех врагов, пританцовавших внутри страны. Растёт не по дням, а по часам, как сказочный богатырь, Советский Союз. За два десятка лет отсталую Россию, рабочий класс и колхозное крестьянство, под руководством партии большевиков, под водительством Сталина, превратили в могучую, непобедимую индустриально-колхозную державу.

Счастливо и радостно зажил наш народ, из могучей груди на весь мир полилась его песня:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой стакой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Страна пришла к изобилию, стало вволю всего: хлеба, мяса, масла, сахару, одежды, обуви. Ни в чём не было недостатка. Росла неуклонно зарплата рабочих и служащих, повышались доходы колхозников. Советские люди зажили культурно и богато, все труженики были счастливы. Сталин выполнил клятву, он привёл Родину к социализму.

От злобы на свободную страну бешеные глазница капиталистов всех стран наливались кровью. Они мечтали, как бы покрепче ухватить нас за горло. Особенно неистово брызгали ядовитой слюной германские фашисты во главе с людоедом Гитлером.

Сталин зорек, как горный орёл. Он укрепляет Красную Армию, он предупреждает всех нас о грозящей опасности, велит держать порох сухим.

Не выдержал людоед Гитлер, словно стало ему поперёк горла наше счастье, будто сел на его дикошарые глаза бельмом Советский Союз. Очертя голову, бросился Гитлер в свою последнюю авантюру, напал по-бандитски, из-за угла. Бесчисленные табуны фашистского зверья опоганили священную землю нашей Родины.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой...

Тяжело пришлось нашему народу. Тяжесть войны легла и на маленькие плечи детей, на ваши плечи. Но советский народ верил в победу. Сталин сказал, что победа придёт. Как сказал Сталин — так и будет!

Храбро сражается Шамиль с царём. Но мир не видел такого героизма, какой показали советские люди, защищая своё свободное отечество от фашистского зверья. Сколько славных подвигов, сколько героев родила Великая Отечественная война! Вот они, наши герои. Вот Доватор, Панфилов, Ватутин, Черняховский. Это славные генералы. Они погибли. А вот юности и девушки — красодонцы, молодая гвардия, гордость наша! Они отдали свои жизни за нас, за наше с вами счастье. Разве забыть это можно?

Сталин привёл нас к победе. С ним победим мы и в борьбе за коммунизм.

Сталин — это Ленин сегодня.

Сталин — наше счастье.

..Огнём полыхнул плакат, и видят дети: в белом кителе за письменным столом сидит Сталин, а за окном, в голубой дымке занимающегося утра, — кремлёвская башня с часами.

Никто ни разу не шелохнулся. Словно в классе было пусто. Лишь голос учительницы то снижался до шопота, то возвышался до торжественного дрожания.

Когда Маргарита Васильевна умолкла, глаза детей сняли. Все готовы были расцеловать учительницу за такой урок.

Звонок ворвался в класс неожиданно и, как показалось детям, преждевременно.

Ученики окружили Маргариту Васильевну. С нарушенной причёской, разгорячённая и счастливая, она стояла среди них, как самый большой цветок букета.

Через несколько минут в классе остались двое: Атамалов Шура и дежурный Петя Куренков. Шура достал из парты сильно потрепанную книгу «Три мушкетёра» и, открыв её в том месте, где была заложена соломинка, подперев голову руками, углубился в чтение.

Дежурный тронул его за плечо.

— Выходи из класса.

— Отстань, не вязни!

— Ну и ладно. А я скажу.

— Кому?

— Маргарите Васильевне.

Шура засунул книгу в парту и покорно удалился.

Дежурный подошёл к чисто вытертой классной доске, взял мел и старательно, красиво вывел: *Маргарита Васильевна*.

11.

В конце первой учебной недели Рита провела контрольный диктант. Придя домой, она сразу же села за проверку тетрадей. Пятиклассники писали: «Ахота на утак. Аднажды оснью я пошол с ружом на озиро... хотел прицелится... запутаешся и невыплывеш... летить... крякаить».

Первую работу, не закончив проверять, она с досадным удовольствием жирно перечеркнула красными чернилами. Та же участь постигла вторую. Зачеркнув третью, Рита, лихорадочно листая тетради, стала искать работы без ошибок или с нормальным количеством ошибок. Не найдя, швырнула стопку тетрадей на стол, опрокинув чернильницу-непроливашку. Ломая пальцы, стала ходить по горнице.

Вначале гнев её сосредоточился на непосредственных виновниках—учениках. Как можно не замечать таких ошибок! Потом она вспомнила, какая напряжённая тишина стояла в классе, когда она

диктовала, какими серьезными, сосредоточенными выглядели дети. Нельзя было сказать, что ученики не старались. Нет, вероятно, причина в том, что она быстро диктовала.

Рита вновь села за диктанта, стала искать в них пропуски слов. Но и этого не было. Значит, диктовала она не быстро, нормально. Скорее всего, диктант оказался очень трудным. Она не воспользовалась книжным текстом, а составила свой, связный, понятный, но, очевидно, очень трудный. Но ведь текст диктанта согласован с опытным литератором школы — с Евдокией Яковлевной! Старушка одобрила его без колебаний.

Набравшись терпения, Рита проверила все диктанты. В глазах стояла красная рябь от ошибок, голова гудела, как чугунная.

— Кто их учил?

Набросив жакетку, она вышла из комнаты. На кухне дорогу ей загородила Катя. Девочка заносчиво и смущенно улыбалась.

— Маргарита Васильевна, что мне поставили?

— Тебе... — Учительница почесала выпуклый лоб, вспоминая.

— Кол? — предположила Катя худшее.

— Крест, — отрезала учительница и хлопнула дверью.

У крыльца Рита увидела толпу пятиклассников.

— Вы чего здесь?

Жмутся на холодном ветру, швыряют носами.

— Вы что здесь, ребятки? — повторила Рита ласковее, видя, как дети виновато улыбаются.

Вера Лагашина просительно пропела:

— Маргарита Васильевна, скажите нам оценки.

— Завтра, в классе.

— Ой, жалко уж!..

Учительница молча удалялась. Ребята несмело пошли за ней.

— А много двоек, Маргарита Васильевна?

— Много, — безнадежно отмахнулась учительница.

— А сколь?

— Полсотни.

— Вот и неправда! Сорок шесть только!

Точный ответ останавливает учительницу.

— Вы двадцать пять раз улыбнулись, а всего тетрадей семьдесят одна, — рассеяла её недоумение Катя, догнавшая одноклассников.

Учительница, укоризненно качая головой, засмеялась. Пятиклассники окружили её, повторяя настойчивую просьбу — объявить оценки. Она уступила. Перебирая одну тетрадь за другой, подвергла двоичников беспощадному разгрому. Как можно учиться в пятом классе и писать так безграмотно! А почерк!.. Слово курица лапой водила! Безобразие!

Двоичники невесело посмеивались. Петя Куренков, получивший тройку, язвительно хохотал над «закомуристыми» ошибками товарищей.

«Чертенята, — обиженно думала Рита. — Им и горя мало. А тут сердце разрывается».

Придя в учительскую, Маргарита Васильевна положила стопу тетрадей на стол завуча.

— Вот, полюбуйте, Софья Ивановна. — Быстро развёртывая одну тетрадь за другой, подсовывала их завучу. — Прошлогодня продукция...

— Что вы хотите этим сказать? — Софья Ивановна отвернулась от подсунутых ей тетрадей.

— Я хочу сказать: почему вы перевели таких безграмотных? — Глаза Маргариты Васильевны блеснули не то слезами, не то гневом.

— Во-первых, срезать можно кого угодно, — спокойно ответила Софья Ивановна. Рита даже опешила: так хладнокровен ответ завуча! — А во-вторых, за лето дети многое забыли. Вот втянутся, дайте срок, и направятся.

— Срезать я их не думала! Евдокия Яковлевна может подтвердить: диктовка дана средней трудности. — Рита собрала развёрнутые тетради и положила на колени отдохавшей на диване Евдокии Яковлевны. — Посмотрите, как настряпали. — И снова повернулась к завучу. — А насчёт лета — сама училась и знаю: что прочно положено в голову, за лето не забудешь.

Гневно шевеля губами, Софья Ивановна встала.

— Можете думать, как угодно, товарищ Синицына. Экзаменационные работы сразу же весной были отправлены в райпедкабинет, и ни один работник райОНО не укорил меня за них, а вы... Я работаю двадцать лет, а вы...

Рита вышла, захватив с собой тетради. Спустилась в нижний этаж. Постучав, вошла в кабинет директора.

Роман Макарович стоял у окна. Яша Цветков умолял его:

— Ну, прошу вас, Роман Макарович, обменяйте! Ну, честное слово, я ничему не научу их, ни читать, ни писать. Глупы, как куропатки. Учю: проситесь на двор, а они просятся по-домашнему. Гоша Барсуков, сын Климентия Самсоновича, вчера захотел на двор, вышел из-за парты и пустил дугу прямо до самой двери. Что ты, говорю, делаешь? Разве можно здесь, Гошенька? Надо на улицу. «Мне, отвечает, на улицу идти шибко далеко». Ну что ему скажешь?.. Дайте мне хоть четвёртый, но только не первый... Я с ними не справлюсь.

— Вы педучилище кончали?

— Кончал, Роман Макарович, — уныло подтвердил Яша.

— Вас чему там учили? Только с тремя старшими классами заниматься, а с первым — нет?

Яша молчал, пальцами поправляя сползшие на нос очки.

— Идите и больше с такими глупыми заявлениями ко мне не являйтесь.

Цветков вышел, безнадежно махнув рукой.

— У вас что? — Роман Макарович сел в мягкое кресло, и скрип его прокуренного, застарелого баса слился со скрипом кресла. «Попала под запал», — подумала Рита, подходя к столу.

Выслушав её, Роман Макарович не стал даже смотреть тетради.

— Молодёжь! — Жестяной банкой с табаком он хлопнул по настольному стеклу. — Не бегайте, а работайте!

Рита вышла из кабинета красная от стыда и обиды.

12.

Сергей Орехов сидел в учительской, просматривая подшивки центральных газет. По поручению партийной организации он готовил доклад для колхозников о международном положении. Вошла девушка-почтальон со свежими газетами.

— Как нельзя кстати! — обрадовался Сергей.

— И вот письмо вам. — Девушка подала треугольник.

«От кого бы?» — подумал Сергей и, взглянув на обратный адрес, взмахнул руками, подпрыгнул от восторга.

— Ты понимаешь, Аля, — бегал он по учительской, читая письмо, — почти пять лет ни слуху, ни духу! И вот нашёлся, словно из мёртвых воскрес!

Почтальонша стояла, улыбаясь, радуясь вместе с ним.

— Во! — восклицал Сергей. — Председатель колхоза, а сам без рук! Насилу, говорит, нашёл тебя...

Аля ушла, а Сергей всё восклицал:

— Сам пишешь! Протезы новейшей конструкции... Спасибо тебе, товарищ Гаман! — Сергей вертел в руках треугольник письма, разглядывая его так, будто это был сам Гаман. — Ай, молодец!

Гаман был политруком роты автоматчиков, в которой служил Сергей до первого ранения. Политрук сразу заметил Сергея, часто беседовал с ним, выспрашивал. Позже Гаман стал доверять ему, как преподавателю истории, политинформации и беседы с бойцами. Сергей готовился к беседам старательно, как к урокам. Бойцы слушали его, затаив дыхание. Рядовой Орехов явно затмевал политрука своей начитанностью, знаниями. А политрук не только не обижался, но был искренне рад Сергею, как драгоценной находке.

Однажды, когда Сергей дневал по роте, после отбоя возвратился из города политрук. Сергей строевым шагом подошёл к нему с докладом. Политрук махнул рукой:

— Вольно. — Сел на лавку у столика дневального, пригласил присесть Сергея, достал из кармана кисет. — Давай закурим, Орехов.

— Не курю, товарищ политрук, вы знаете.

— И дальше думаешь продолжать так же?

— Думаю.

Мусоля цыгарку, политрук сомнительно покачал головой.

— Не утерпишь.

Чиркнул спичкой, поднёс пламя к смуглому, горбоносому лицу, сверху прикрытому смоляным чубом.

— Я до финской тоже не курил. А там, на людях да на морозе, стал баловаться, да так и втянулся.

— Вот видите. — Сергей отмахнул от себя дым. — Значит, не надо и баловаться.

— Верно. Да знаешь, когда тебя от всего сердца бойцы угощают, трудно отказаться. К тому же морозяка был жуткий, а цыгарка, она и руки и сердце согревает. — Взглянул на Сергея. — Стало быть, у тебя сильная воля, коли уверен в себе.

Помолчал, колечками выпуская дым.

— Вот что, товарищ Орехов... — Посмотрел в упор. — Надо тебе готовиться в партию.

Сергей растерянно взглянул на политрука, почувствовал на своём лице жар.

— Гожусь ли, товарищ политрук?

— Отчего же? Разве я лучше тебя чем? Ты в политике вон как разбираешься.

— Это что! Главное — стойкость, закалка. Откровенно говоря, товарищ политрук, завидую вам, коммунистам. Счастливые вы люди! Иногда сижу и думаю: почему я не коммунист? Нет у меня настоящей закалки...

— А ты найди её в себе, покажи! — Политрук затухил цыгарку, швырнул её в урну. — Она есть в тебе, непременно есть. А теперь самое время показывать закалку. Ну? — Он хлопнул задумавшегося Сергея по крепкому плечу, усмехнулся: — Дрейфишь?

Сергей вскочил.

— Что вы, товарищ политрук! Ну, как вам сказать...

— Партия не склад готовой продукции, — поив его, упредил политрук. — Партия — школа, высшая школа. Партия учит, закаляет. Давай ищи поручителей и подавай заявление. Неделя тебе сроку.

Всю ночь думал Сергей. «Неужели я могу стать настоящим коммунистом?» Предложение политрука радовало и пугало. «Мне, как коммунисту, могут большое дело доверить. Не подведу ли?»

На рассвете, заканчивая дежурство, он написал в Чернопоречье три письма: Барсукову, Алтынцеву и Курасову. А через месяц Сергею вручили кандидатскую карточку. Он ушёл в ленуголок, сдерживая радость, вылиравшую наружу; попросил у библиотекаря «Краткий курс истории ВКП(б)».

В декабре 1941 года дивизия, в которую попал Сергей, прибыла на Волховский фронт и вступила в тяжёлые бои под станцией Чудово на Октябрьской железной дороге.

Гаман в это время был уже комиссаром батальона.

В ночь на 15 января стрелковый полк, при поддержке танков и дивизиона артиллерии, вёл бой за Нижнее Завижье. Танки ворвались в деревню, но были подбиты и сожжены. Всё-таки полк взял Завижье, удачно обойдя его с трёх сторон. Это был пятый бой полка и его первый населённый пункт, отбитый у противника.

Сергей с автоматом ворвался в деревню одним из первых. Наступавших вёл Гаман. Перепрыгивая через трупы убитых им нем-

цев, Сергей бежал за комиссаром. Нараставшее пламя пожарища освещало удиравших врагов.

— Вперёд, братки, вперёд! — кричал Гаман.

Вдруг снег брызнул перед ним фонтаном, и Гаман упал: немец швырнул ему под ноги гранату. Сергей наклонился над комиссаром. Гаман стонал, кровью окрашивая снег, обе руки его были перебиты.

— Кто? — прохрипел он, когда Сергей попробовал поднять его.

— Замполитрука роты автоматчиков, товарищ комиссар...

— Орехов, браток...

Взвалив на плечо, Сергей понёс комиссара в ближайший дом. Пока перевязывал, обстановка изменилась: немцы пошли в контратаку. В деревне начали рваться мины и снаряды. Сергей, оставив комиссара, выскочил на улицу. Полк отступал. Сергей стал звать на помощь, но в грохоте боя его никто не слышал. Тогда он взвалил комиссара на себя, вынес на улицу и побежал вдоль забора.

Выбравшись за деревню, Сергей почувствовал, что задыхается. Пот залил ему глаза, в горле пересохло, сердце стучало громко: «так-так-так»... Надо было спешить, в противоположном конце деревни уже татакали немецкие пулемёты, пули свистели у него над головой. «Как бы не отрезали» — подумал Сергей, сажая комиссара на дорогу.

— Дышите, товарищ комиссар?

— Руки... Оставь меня, браток. Беги, а то накроет обоих. Я дорого возьму за свою жизнь. — Перекосившись от боли, он еле шевелил обвисшей рукой с пистолетом.

Сергей затолкал себе в рот горсть снега, дал комочек комиссару.

Родом комиссар был из Молдавии. Он никогда не рассказывал о себе, о своём крае, никому не писал писем. Никто не знал, были ли у него родные.

Чуть отдынявшись, Сергей снова взвалил комиссара на плечо и потащил. В глазах рябило от разрывов мин. Прошуршав над головой, рядом хрякнул снаряд. Обоих обожгло, обдало смесью земли, снега, веток.

— Не задело, товарищ комиссар?

— В ногу... Тащи, браток, если можешь...

— Ой... — Сергей споткнулся от резкой боли в ноге выше колена.

— Что? Орехов!

— Ничего... зуб заныл... от снега...

В санчасти им дали по чарке водки, обоих перевязали и отправили в медсанбат.

В Ярославле комиссара, в числе других двенадцати тяжело раненных и обмороженных, сняли с эшелона. Госпитали были переполнены, Сергею предстояло ехать дальше. «Возможно, увезут в Сибирь, а там... и до Черноречья недалеко».

На прощанье они поцеловались, как братья.

— Спасибо, друг. — На глазах комиссара сверкнула слеза. — Никогда не забуду... Я отвоевался... Заезжай из Берлина ко мне, в Молдавию... Покушать винограду, попить вина... Кишинёв, Бахчисарайская, двенадцать.

— Обязательно заеду, товарищ комиссар!

— Пиши!..

Эшелон привёз Сергея в Кострому. После излечения в госпитале он был зачислен курсантом в артиллерийское училище. Здесь вручили ему первую награду — орден Красной звезды.

А комиссар остался без рук. Сергей аккуратно получал от него письма. Кто их писал за безрукого? В этих письмах было столько любви к Сергею, дружеского участия, отеческой теплоты, веселья и грусти...

Год лежал комиссар в госпитале. Год учился Сергей в училище. Потом война унесла их в разные стороны, и связь то и дело порывалась, мерцая, как далёкий огонёк, пока, наконец, совсем не погасла.

И вот сейчас — это письмо. Гаман нашёлся, точно воскрес из мёртвых. Председатель колхоза на Украине! «В Молдавии из родной семьи у меня никого не осталось. Самая близкая родня—ты...»

Сергей остановился. Или это ему показалось? Он прислушался. Да, за стеной тоже шла речь о дружбе. Сергей наморщил лоб, вспоминая, чей это класс. Четвёртый «Б», Варвары Николаевны.

Орехов сел за стол, стал слушать. За стеной шёл разбор рассказа «Дружба» Короленко. Вызванный ученик уныло пересказывал содержание части рассказа и озаглавливал эту часть. Следующий продолжал. Когда, таким образом, весь рассказ разобрали и озаглавили, Варвара Николаевна сказала:

— Вот, ребята, я уже несколько раз говорила, что надо в классе жить дружно, помогать друг другу, а у нас что? Обзываемся всяко и даже дерёмся. Куда это годится? Так нельзя. Надо дружить вот так же, как в рассказе «Дружба».

Покончив с рассказом Короленко, учительница перешла к чтению отрывка из рассказа «Муму» Тургенева. Читали поочерёдно ученики. В заключение учительница сказала:

— Вот, ребята, видите, как надо относиться к животным. А мы как относимся к животным? Ведь известно, что собака — это друг человека. А мы иногда бьём собак. Бежит по улице собака, и так она, бедняга, согнулась в три дуги, а мы её — камнем или палкой! Надо любить собак. Собака охраняет нас и наше имущество. Ей надо сделать конуру, давать пищу, а не так, как некоторые: не кормят и бьют.

— И ездят на них, — вставил какой-то ученик.

— Ну, — смутилась учительница, — ездят — это ничего. Ездить можно. Если ухаживать за собакой, кормить её, то можно и ездить на ней.

Сергей сжал голову руками. «Что творится, что творится!»

НА АЛТАЕ

Птицеводство — одна из доходных отраслей колхозного производства.
На птицефермах колхозники разводят кур, гусей, уток, индеек.
Фото Н. Калышова.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Прозвевел звонок. Класс загудел. С тетрадкой подмышкой, с чернильницей-непроливашкой и ручкой в учительскую вошла Софья Ивановна. За нею в дверях показалось красное, горячее лицо Варвары Николаевны.

Завуч села за стол, указала Варваре Николаевне место напротив.

— Дайте ваш рабочий план.

Варвара Николаевна, высокая женщина лет за сорок, с белой щетинкой по углам рта, подала развёрнутую тетрадку.

Появлялись другие учителя. В прибитый к стене ящик с перегородками и обозначением классов они совали классные журналы.

Прочтя рабочий план, Софья Ивановна недоуменно посмотрела на Варвару Николаевну.

— По плану у вас не намечено «Муму». Почему же вы его читали? — Софья Ивановна раскрыла свой портфель, долго копалась в нём, извлекла программы начальных классов, стала перелистывать. Учительница молчала. Завуч вопросительно повела острыми плечиками.

— И в программе этого нет.

— Осталось лишнее время, — объяснила, наконец, Варвара Николаевна.

— Ну, хорошо. — Софья Ивановна отложила программу, выпрямилась, посмотрела на учительницу. — Какую цель ставили вы данным уроком?

— Цель? — Варвара Николаевна покосилась на Сергея, который заинтересованно смотрел на завуча. — Показать детям, что такое дружба, научить их любить дружбу.

— Да... — сокрушённо закивала головой Софья Ивановна. — Как-то вяло, монотонно у вас получается. Скучно. Во-первых, надо быть самой пожилой, во-вторых, лучше готовиться к уроку, а не так, как сегодня: выдохлись и не знаете, что дальше делать. Такие предложения по уроку я вам и записала. Распишитесь. — Завуч подвинула тетрадь к учительнице. Варвара Николаевна мелким почерком обозначила свою фамилию.

— Спасибо, Софья Ивановна, учту ваши замечания.

Варвара Николаевна поторопилась уйти из учительской. Сергей, вздохнув, побарабанил пальцами по столу и встал.

— Ну и как, Софья Ивановна, удовлетворил вас урок?

Завуч удивилась: до сего времени Орехов был скромным молодым человеком, не вмешивался в дела других. Видимо, не даёт ему покоя диплом. Хочет показать, что теперь он знает не меньше, а больше, чем она. Софья Ивановна подёрнула плечиками.

— Урок, конечно, нельзя оценить ни пятёркой, ни четвёркой. Но «удовлетворительно» вполне можно поставить.

— Я случайно через стенку тоже присутствовал на уроке. — Сергей говорил серьёзно и, казалось, спокойно. — Урок никудышный.

Софья Ивановна посмотрела на него неприязненно. Сергей достал из кармана письмо-треугольничек и, спохватившись, вновь спрятал его.

— Что она сказала о дружбе? Надо, говорит, ребята, в классе жить дружно. Кстати, заметьте: только в классе. А у нас, говорит, что? Обзываем друг друга всяко и даже дерёмся. И всё. По вашему это удовлетворительно?

— А как бы вы провели? — попробовала озадачить Сергея Софья Ивановна.

В учительскую с кипой тетрадей вошла Рита. Увидев, что Сергей о чём-то спорит с заучем, она прошла к дивану, села между отдыхающими учителями.

— Очень просто! — всё более горячился Сергей. — Разве нельзя привести примеры дружбы из истории? Возьмите дружбу Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина, дружбу народов нашей страны, так блестяще показавшую себя в годы войны! Да мало ли можно подобрать прекрасных примеров!

— Но Варвара Николаевна, во-первых, не историк, во-вторых, не имеет диплома за пединститут, — съязвила Софья Ивановна.

— Причём тут диплом и историк! Разве обязательно кончать ВУЗ, чтобы работать добросовестно? А вы, Софья Ивановна, таким беспринципным разбором плохого урока толкаете учительницу на формальное отбытие служебных обязанностей. Что это за разбор! Урок ни к чёрту, а вы даёте ему положительную оценку! Дальше...

Сергей ходил по учительской, жестикулируя руками так, что галстук у него выбился концом на борт пиджака. Все с удивлением смотрели на Серёжу, как многие звали его до войны. Был он тогда весёлый и беззаботный юноша, как сейчас Яша Цветков. Что с ним случилось, с Серёжей?

— Дальше! Вы умолчали о рассказе «Муму». Неужели вы считаете правильным вывод, который сделала из него учительница? — Сергей повернулся к Рите. — Подумайте только — учительница, прочтя «Муму», говорит: «Вот как надо любить собак! А мы бьём их». Надо любить собак! — Сергей, согнувшись, хлопнул себя по коленке и рассмеялся. — Маргарита Васильевна, как вы думаете, к этому призывает рассказ «Муму»?

— Что за вопрос! Конечно, нет. Показывая глухонемого крепостного Герасима человечным, Тургенев призывает любить простых людей, тружеников.

— Так, Евдокия Яковлевна? — обратился Сергей к литературо-старушке.

— Так.

— Вот видите! — обрадованно подхватил Сергей. — А вы об этом, о самом-то главном, почему-то умолчали.

— Я вижу, вам хочется показать, что вы получили диплом. — Губы Софьи Ивановны перекошились. — Зря стараетесь, я уже знаю об этом, очень рада за вас и вторично поздравляю. А в мои функции прошу не вмешиваться. Вас это не касается.

— Как же не касается? — воскликнул Сергей, но Софья Ивановна вышла, не удостоив его ответом.

13.

У Риты отпоянения с завучем наладилась. Несколько дней подряд Софья Ивановна ходила к ней на уроки.

— Чудесно! — воскликнула она после первого же посещения. — Вы прекрасно деботируете. — И Софья Ивановна подала Рите тонкую, сухую ладонь. Рита от души пожала руку завуча, подумав: «А она хорошая женщина. Все мы можем ошибаться и заблуждаться».

Вместе с завучем иногда ходил к Рите на уроки Роман Макарович. Он не хвалил, не восхищался, но относиться к ней стал лучше, при встрече улыбался и называл по имени-отчеству. «Доброе утро, Маргарита Васильевна».

Пятые классы занимались в первую смену. Всего у Риты было в неделю двадцать уроков. В час дня она бежала с тетрадями домой, обедала и три-четыре часа училась. Час или два отводила на подготовку к урокам. После ужина проверяла тетради. Выходной день целиком посвящала заочному обучению. Педагогический институт выслал ей темы для письменных работ, над которыми она проводила много времени.

Руководство живгазетой взял на себя Сивоконь. Климентий Самсонович не возражал. При участии Риты и Сергея, Сивоконь и Цветков смонтировали октябрьский номер живой газеты. Климентий Самсонович, просмотрев, остался доволен.

Насидие с Ритой Сергей был теперь сдержанным, даже застенчивым, а в школе — особенно серьёзным, требовательным к себе и резким в суждениях о недочётах учебной работы.

На педагогическом совещании разбирали показательный урок Сергея — по Конституции в седьмом «Б» классе. Урок всем понравился. Софья Ивановна сказала:

— Об уроках Сергея Петровича я не могу сказать ничего плохого. Но Сергей Петрович ни с кем не делится опытом. На педагогических и методических совещаниях в течение этих двух лет он говорил вообще о вреде формализма, помогал нам уяснить решения партии по идеологическим вопросам. Всё это прекрасно. Но чтобы пойти, скажем, на урок к Варваре Николаевне да посмотреть, как учительница осуществляет это самое идейно-политическое воспитание, да подметить недостатки, да помочь устранить их — этого мы от Сергея Петровича не видели.

— Я не завуч! — перебил Сергей.

Ничуть не смутившись, Софья Ивановна объяснила:

— Вот когда, Сергей Петрович, вы начинаете указывать завучу, утверждать, что завуч неправ, это есть вмешательство в функции завуча. Помогать же друг другу никому не возбраняется. Мы все должны это делать.

— Вы умышленно смешиваете две разные вещи, — снова не удержался Сергей, — критику и вмешательство. Я вас критиковал, как завуча, а это не есть вмешательство в чужие функции.

Роман Макарович молча попыхивал своей неизменной трубкой, облачко сизого дыма стояло над его белой головой. Он сидел за столом на председательском месте, но совещанием фактически руководила Софья Ивановна, — по узко специальным вопросам старик выступал неохотно.

Софья Ивановна не возразила Сергею и перешла к общим выводам.

«Зубастый стал Серёжка», — подумал Роман Макарович.

Из школы Сергей и Рита шли вместе, разговаривая о ходе совещания.

— Софья Ивановна права, — сказала Рита, — вы коммунист, вы обязаны всем нам помогать. Другое дело, если бы сами вы были слабым учителем.

— Вопрос о том, как помогать, — спокойно отвечал Сергей. — Если я начну ходить по урокам и указывать всем, это как раз и будет вмешательство в функции директора и завуча. Да это и не скромно. Любой учитель имеет право просто не пустить меня на урок, сказать: «Знаешь что, дорогой Сергей Петрович, вались-ка ты отсюда со своим опытом».

— Нет, вы неправы! — горячо воскликнула Рита. — Я так считаю: если я уверена, что такое-то моё действие принесёт пользу школе, селу, району, вообще Родине, то, невзирая на всякую там скромность, обязана это сделать!

— Вы заблуждаетесь, — покровительственно сказал Сергей. — Я могу быть очень уверен в своей правоте, и всё же моя точка зрения может оказаться ложной. Поэтому нельзя ставить вопрос так, что, коли я считаю, что я прав, то и буду делать по-своему. Можно наломать дров. Вспомните статью товарища Сталина «Головокружение от успехов». Он своевременно развенчал в ней левозагибщиков, которые хотели перепрыгнуть через сельхозартель прямо к коммуне и считали себя правыми. Некоторые из них, подобно Макару Нагульнову из «Поднятой целины», искренне заблуждались. И паломали, как известно, дров. Короче говоря, ходить по урокам мне не положено. Пригласят — не откажусь. Критиковать и помогать я обязан, и я это делаю.

Рита не смогла возразить, молчаливо согласилась. Ей нравилась его убеждённость, его превосходство. Он был сегодня особенно разговорчив. Рита хотела бы видеть его всегда таким.

— Меня волнует сейчас более важный вопрос, — продолжал Сергей после некоторого раздумья. — Я вот чувствую, что школа наша после войны работает по-довоенному, не лучше. Всё та же погоня за количественными показателями в ущерб качеству. В чём дело? Что мешает нам работать лучше? И знаете, Маргарита Васильевна, я нашёл ответ на этот вопрос.

Рита посмотрела на него с восхищением и нежностью. Сергей провёл свободной левой рукой по стриженной голове, задумчиво посмотрел вдаль.

— Качество учёбы решает учитель. Значит, на нём и надо сосредоточить внимание. Учителя самого надо учить, учителю самому надо учиться больше всех. А у нас? Многие не только не учатся, но деградируют. Возьмите Варвару Николаевну, Валентину Петровну. До войны они работали лучше. А сейчас начали воспитывать детей в любви к собакам вместо того, чтобы учить любви к трудящимся, к Родине. Почему они отстали? Потому, думается мне, что вперёд не двигались. Почитаешь «Учительскую газету», «Пионерскую правду» — в других школах и сады, и звенья высокого урожая, и всякие там туристские походы, а у нас... Ни директор, ни завуч не поднимают боевого рабочего настроения учителей, как это делалось, например, на фронте, среди бойцов. Главная административная палочка с хлыстиком гнилого формализма — вот стиль руководства в нашей школе. Согласны?

— Почему же вы, видя всё это, не критикуете такое руководство?

— Начинаю, как вы уже видели.

— А раньше молчали...

— Раньше я сам в этих вопросах «плавал». А знаете что удумала Софья Ивановна? Звонит по всему селу, что я сплю и во сне вижу себя директором Чернореченской школы!

— Ну и что же? Вас это пугает? Пусть звонит! Почему бы вам не стать здесь директором? Вы имеете на это все данные.

— Я справился бы, чорт возьми! У меня руки чешутся на большем деле. Но...

— Что?

— С Софьей Ивановной не сработаюсь. Она знает это. И поэтому звонит: ей хочется восстановить против меня Романа Макаровича.

Подшли к знакомой калитке.

— Ну, вот я и дома.

Рита встала к Сергею лицом. Он стоял в полосе света из окна горницы.

— Как работает приёмник?

— Очень хорошо. Не знаю, чем отблагодарить вас.

— Я могу подсказать.

Рита смотрела ему в глаза. Затенённое лицо её светилось улыбкой. Она немножечко подумала, потом сказала решительно и задорно:

— Подскажите!

Сергей взял её под руку и отвёл в тень, к калитке.

— Назовите хотя бы один-единственный разок просто, по-дружески. Серёжа.

Она улыбнулась, заглянула ему в глаза.

— Пожалуйста: Се-рё-жа.

— Спасибо, Рита. Давайте всегда так?

— Давайте.

Сергей пожал ей руку.

— Знаете что... Серёжа... Я застыла, пойдёмте в горницу.

Вошли в кухню. У печи хлопотала Федора Тарасовна. Сергей поздоровался. Федора Тарасовна приветливо ответила:

— Милости просим, Сергей Петрович! — Старуха с нескрываемым удовольствием посмотрела на вошедшую пару. Вытирая руки о висевшую на гвозде тряпку, добавила:

— Как ниточка ни вейся, а конец ей будет.

Смутившись, Сергей молча прошёл в горницу. Он был уже здесь однажды, когда приносил радиоприёмник.

Под портретом вождя — Маяковский. Между двумя окнами — столик со стопками книг и тетрадей. За развесистым фикусом — этажерка с книгами и предметами дамского туалета. В углу горницы — простая железная кровать. На столе, кроме книг и тетрадей, — три рамочки на подпорках; в одной из них — зеркало, в двух других — портреты: Борис Тенин, Рита.

Сергей посмотрел на себя в зеркало и на визитку с Борисом Тениным, не нашёл никакого сходства и улыбнулся.

С помощью Федоры Тарасовны Рита упросила Сергея поужинать вместе. Оставшиеся от обеда щи с бараниной оказались ему необыкновенно вкусными.

— Кушайте ещё, — смеялась Рита.

— Спасибо. Теперь давайте играть, — предложил Сергей, доставая из кармана блокнот. — Берите карандаш и бумагу.

Рита взяла.

— Я называю предмет, а вы букву. Знаете эту игру?

— Знаю.

— Город.

Рита подумала.

— Б.

Они склонились над листочками и оба начали с Барнаула. У Сергея оказалось на один город больше.

— Давайте так, — сказала Рита, — пишем поочерёдно, кто что вздумает. Один пишет и загибает написанное, второй продолжает и тоже загибает. Потом читаем, что получится.

— Ерунда получится, — усмехнулся Сергей.

Она взяла свежий лист и, озорно улыбувшись, как ученица, написала, загораживая листок рукой, какое-то четверостишие. Загнув написанное, подала листок Сергею.

Писали поочерёдно три раза. Сергей едва вместил последнюю строчку — страничка кончилась.

— Всё! — сказал он. — Кто читает... м? Я?

— Нет, нет, вместе!

Рита подошла к нему. Сергей уступил ей половину стула. Она осторожно присела. Почти неслышно Сергей положил правую руку на её спину. Он держал листок левой, она — правой рукой. Её волосы касались его лба. Она чувствовала, как рука Сергея, всё более тяжелея на её спине, дрожит мелкой дрожью.

Смешного в написанном не получилось. Шевеля губами, Рита дочитывала последнее слово. Прочтя, взглянула на Сергея. Лицо её пылало, глаза же смотрели горделиво-отчуждённо. Это удержало его порыв.

Взяв карандаш, она подчеркнула строчку: «Когда б могла я верить в постоянство», сняла осторожно его руку со спины и встала, причёсываясь. Он следил за каждым её движением.

По радио пела Клавдия Шульженко. А они молчали и вздыхали. Взглянув на часы, Сергей стал прощаться. Набросив на плечи шаль, она вышла проводить его.

— А вы верьте, Рита, — сказал он на крыльчке, пожимая её горячую руку в своей ладони.

— Постараюсь, — улыбнулась она его догадке.

14.

Порой ей казалось, что она не умеет работать. В каждом контрольном диктante пятиклассники делали уйму ошибок. Досаднее всего было то, что повторялись одни и те же ошибки. Те же самые «лстить» и «кряканть».

— Опять «глоза», «стропа», опять «кою», «токою»! Ведь ты уже делал эти ошибки! Что у тебя за память! — возмущалась она на уроке, возвращая ученикам проверенные тетради.

Евдокия Яковлевна, ласково тронув Риту за локоток, сказала ей однажды:

— Не надо горячиться. Дуги гнут с терпеньем и не вдруг. Приходите ко мне вечером.

Евдокия Яковлевна имела среднее образование и тридцатилетний стаж. Однако старушка мало интересовалась успехами товарищей, считая, что раз она работает хорошо, раз совесть её чиста, стало быть, лучшего и желать нечего.

Когда Рита пришла, Евдокия Яковлевна прежде напоила её чаем с мёдом и домашней сдобой, после чего разложила на столе, как лото, всевозможные карточки и стала рассказывать, как она классифицирует ошибки, как, экономя время и силы, расчётливо бьёт по слабым местам ученика.

Рита слушала и смотрела с жадностью. Всё выспросила, всё записала. Старая учительница не встречала ещё такой дотошной ученицы.

«Какая умелая старушка, — думала Рита, возвращаясь домой. — Настоящий мастер своего дела. А кто о ней знает?..»

Рита зачастила к Евдокии Яковлевне. Хотя свободного времени у Риты почти не было, — всё-таки на десяток минут да забегала: поделиться впечатлением об уроке, разрешить сомнительный вопрос, спросить, как лучше провести следующий урок, уз-

пать, не приходилось ли Евдокии Яковлевне встречаться с такими-то и такими-то случаями в педагогической практике. Евдокия Яковлевна охотно отвечала, помогала, советовала.

Рита попросила старую учительницу бывать у неё на уроках и «громить» беспощадно. Евдокия Яковлевна стала посещать уроки, но, как казалось Рите, не громила, а говорила слишком вежливо, отрывочно, о чём-то скромно умалчивая. Приглашала Евдокия Яковлевна Риту к себе на уроки. Словом, в короткое время они подружились. Старушка находила, что Рита очень способная учительница и «ужасно принципиальная девушка».

Рита заманивала на свои уроки Сергея и требовала, чтобы он критиковал, не взирая на лица. Но Сергей никак не мог преодолеть этого недостатка и, «взирая», был очень мягок и осторожен в замечаниях.

Ей всё было мало. Казалось, она хочет в одну — две недели у всех перебыть на уроках, у всех перенять лучшее.

Завуч и директор преподавали математику. Софья Ивановна едва заметно поморщилась, когда Рита изъявила желание пойти к ней на урок, но никаких оснований отказать не было.

Как раз Софья Ивановна к уроку не готовилась, полагая, что двенадцатилетнего опыта достаточно для того, чтобы не обременять себя излишним. К великому её удивлению, новая «русачка» отметила множество недостатков, большинство которых Софья Ивановна в душе признала, но на словах отвергла, ссылаясь на авторитетных методистов. Рита пообещала покопаться в методиках и доказать, что Софья Ивановна во многом отстала от жизни.

Уроки Романа Макаровича по арифметике в пятых классах Рите очень понравились, она пережила на них не одну счастливую минуту.

Физрук Пётр Саввич Куренков одновременно преподавал физику. Когда Рита вошла за ним в класс, на длинном столе у доски было приготовлено всё для урока.

Пётр Саввич, как дирижёр, перебрасывая руки с одного прибора на другой, начал объяснять новый урок. Два ученика — ассистента помогали ему. Каждое положение подкреплялось опытом, ничего не преподносилось голословно. Рассказывал Пётр Саввич с увлечением, с азартом. Рита восхищённо следила за ним. «Вот так Пётр Саввич! — думала она. — Играет на приборах, как на баяне!»

Рассказав урок, он вызвал нескольких учащихся повторить основное, и, убедившись, что урок усвоен даже самым слабым учеником, перешёл для закрепления знаний к решению задач.

Когда физик сказал, что о хорошем он и слышать не хочет, пусть она говорит лишь о плохом, Рита заметила:

— Мне кажется, Пётр Саввич, главный недостаток у вас — оторванность от жизни. Задачи даёте только из учебника. А вы возьмите их из жизни! У нас богатое село: три колхоза, мельзавод, электростанция. Сколько всяких задач можно составить, сколько провести экскурсий! Правда?

Пётр Саввич, тряпкой очищая руки от мела, волновался, точно он отчитывался перед инспектором райОНО.

— Всё это правильно, Маргарита Васильевна, я согласен с вами полностью. Вы думаете, я не пытался организовать экскурсию? Но как её организуешь, когда у меня в распоряжении только сорок пять минут, а электростанция — в километре от школы. Я просил Софью Ивановну: сделайте мои уроки сдвоенными. «На всех, — отвечает, — не угодишь». А ходить на экскурсии после уроков я не имею возможности: кроме физики у меня физкультура во всех семнадцати классах, перед началом каждой смены я должен проводить с детьми физзарядку.

Когда Рита заявила учительнице четвёртого класса Варваре Николаевне, что желает пойти к ней на урок, та отказала: у неё большое сердце, присутствие посторонних может сильно повредить её здоровью.

— Со мной случаются сердечные припадки.

Рита рассказала об этом случае Сергею.

— Врёт, — махнул рукой Сергей. — Сам видел, как она ворочала на станции мешки с картошкой. Сердечников у нас трое: Евдокия Яковлевна, Роман Макарович и Мария Тимофеевна. Все остальные годны к строевой.

Рита, загадочно улыбаясь, шепнула ему на ухо:

— Неправда, ещё два сердечника есть: Синицына и Орехов.

Наконец, Рита добралась до Нины Ермолаевны, учившей в прошлом году четвёртый класс.

— Почему вы в прошлом году выпустили брак?

— Как брак? — удивилась Нина Ермолаевна, девица лет двадцати восьми, в платье до колен, с широким декольте, которое, впрочем, ничего достопримечательного не открывало.

— Очень просто: ваш прошлогодний четвёртый «Б», а ныне пятый «Б», на две трети безграмотен. Вот их тетради, первая диктовка.

Нина Ермолаевна отвернулась к окну.

— Срезать можно кого угодно. Мои ученики весной выдержали экзамен почти все. Только трое получили испытания на осень, но и те успешно сдали.

Рита долго прицеливалась к ней уничтожающим взглядом.

— Это обман государства!

— Как вы смеете так говорить? — высоко вскинула нарисованные брови Нина Ермолаевна. — Экзаменовала не я одна, а целая комиссия во главе с Софьей Ивановной. Выходит, по-вашему, и завуч обманывает государство?

— И это может быть.

Рита пошла прочь, думая, не линку ли онахватила, сказав так резко. «Но ведь у меня есть доказательство, — потрясала она тетрадями. — Оно неопровержимо».

Побывав на уроках у многих, она горячо высказала Евдокии Яковлевне своё возмущение тем, что в школе нет дружной борьбы

всех учителей, а не только «русачек», за высокую грамотность учащихся. Евдокия Яковлевна ответила:

— Пробовала я не раз, но ничего не получилось. Посоветуемся, поговорим, запишем и забудем. Дирекция смотрит на это дело спустя рукава, ну а я одна бессильна.

Рита смотрела на её маленькую, хрупкую фигурку, на иссеченное морщинами личико, и поражалась героизму старушки, которая, не поддерживаемая никем, усердно и настойчиво добивается высокой грамотности своих учеников.

— Но теперь вдвоём будем действовать, Евдокия Яковлевна!

— Попробовать не мешает.

— Не попробовать, а добиться!

Они составили план введения в школе единого орфографического режима, показали его Роману Макаровичу. Старик одобрил план и включил в повестку дня ближайшего заседания.

Комсорг школы, окончив семь классов, уехал в училище. Нового ещё не избрали. Рита созвала комсомольцев. Плохо, что они сами кое-как успевают по русскому языку, — говорила она. Во-первых, по русскому языку, как и по всем предметам, они обязаны иметь четвёрки и пятёрки. Во-вторых, через пионеров, учком, кружки надо возглавить поход за качество учёбы, в первую очередь, за единый орфографический режим. Не должно быть ни одного безграмотного лозунга, ни одной стенгазетной заметки, ни одного протокола, ни одной записи на уроках. Создать для ошибок невыносимые условия!

— Внушите, прежде всего себе, потом остальным, что о грамотности нужно думать не только в школе, но и дома, не только, когда пишешь, но и когда говоришь. А у нас повелось так: на уроках русского языка об ошибках помним, а на других уроках — нет. Один урок в день учимся писать грамотно, а четыре или пять — безграмотно. А в письмах сколько делаем ошибок!

— Правильно, — откликнулся Ваня Малахов, знаменитый школьный вратарь (конечно, прозванный Хомичем). — Только надо взяться горячо. Чтобы не получилось, как весной с яблонями: посадить посадили, а потом на летние каникулы разошлись, и яблоньки засохли. Стыд на всё село! По-моему так: взялся за гуж, не говори, что не дюж. До конца доводить. Так должны поступать комсомольцы.

На педагогическом совещании был принят план введения в школе единого орфографического режима. Через несколько дней Рита пришла в учительскую с урока недовольная.

— Валентина Петровна, — сказала она ботанику, — я прошу вас прекратить диктовку на уроках.

— А как же быть? — улыбаясь, попробовала отшутиться Валентина Петровна.

— Пишите на доске. Но только тоже грамотно. И потом проверяйте записи учащихся.

— Но, помяните, Маргарита Васильевна, когда же писать на доске? Каждая минута на учёте. А материал обширный, особенно в пятых классах. С доски пол-урока пропыхтят, когда же я рассказывать буду?

— Вы были на педсоветах? — Рита что-то искала в своём портфеле. — Постановляли? Вот и выполняйте. Кроме того, есть приказ директора школы. Долго с доски, говорите? Тогда не давайте никаких записей вообще.

— Это уж моё личное дело — давать или не давать. — Валентина Петровна поправила косынку на косах, скрученных на затылке. Рита нахмурила брови.

— Не только ваше, но и общешкольное! На правах преподавателя русского языка я требую, чтобы вы прекратили насаждать среди учащихся орфографическую безграмотность! Вы просматривали хоть раз записи своих учащихся? Всевозможные блокноты и блокнотики?

— Нет, — смутясь, чистосердечно призналась Валентина Петровна. — «А ведь эта оса не отвяжется, коли пристала», — подумала она и заключила: — «А впрочем, девка — молодец».

— Посмотрите! — Рита извлекла, наконец, из портфеля блокнот, подала его Валентине Петровне. На корочке блокнота было написано: «По естествознанию Шишкина Владимира». Ошибки были жирно подчёркнуты красным карандашом.

— Это снаружи, — заметила Рита. — А посмотрите, что творится внутри! Непролазные дебри! Жуть!

Евдокия Яковлевна, Мария Тимофеевна и Софья Ивановна, сидевшие в учительской, поддержали Риту. Валентина Петровна взмолилась:

— Ладно уж вам! Что вы, в самом деле, пазелли на меня? Меня агитировать не надо. Учту. Исправлюсь.

15.

А дни становились всё короче. Рита вставала теперь затемно, позавтракав, с кивой тетрадей бежала в школу.

Берёзовая роща над Чёрной речкой, как на прощанье, шумела золотым рдеющим парядом. Наперебой трещали в ней сороки.

К элеватору тянулись обозы, колонны автомашин с зерном нового урожая. На школьном дворе плотники ремонтировали овощехранилище. Физрук осматривал лыжи. Всё готовилось к зиме.

Стоя на крыльчке ещё закрытой школы, ученики дружным галдежом приветствовали Маргариту Васильевну.

— Здравствуйте, здравствуйте, ребятки! — весело отвечала она. — Что так рано приходите? Ведь ещё только семь...

— Чтобы не опоздать, Маргарита Васильевна.

— Мы далеко живём, аж на Куликах.

— А мы на Барабе.

Рита смотрела на них, улыбаясь.

— Знаю я это. Коли рано пришли, так занимались бы делом. Пока здесь стоите, по всем предметам можно повторить.

Вася Шевехов не спускает быстрых, озорных глаз с учительницы.

— Шевехов, а как пишется «параллельный»?

— Два «л» в первом случае!

— А искусство?

— Два «с» во втором случае!

— А искусный?

— Всё равно не понимаете! — подпрыгнул Вася. — По одному «с» и без «т»!

— Значит, запомнил крепко? Больше не напишешь эти слова с ошибками?

— Даю голову на отрыв!

— Посмотрим. В следующий контрольный диктант обязательно включу эти слова. Надеюсь, не придётся отрывать тебе голову. — Она повела глазами, лица кого-то, и найдя, сказала: — А всех больше герой у вас Атаманов Шура. Он уже делает ошибок ровно вдвое меньше: вместо тридцати — пятнадцать. Растёт не по дням, а по часам. Если он будет учиться так всю четверть, то, не сомневаюсь, двойки у него не будет. Шура взялся за учёбу по-стахановски. Оказывается, не зря мы его классным организатором выбрали. Верно, ребята?

— Верно!

Шура Атаманов, заправляя смоляной чуб под просторный, видимо, отцовский картуз, снисходительно улыбается.

— Вот и Ваня Малахов идёт, наш новый комсорг, — объявила Рита. — Ты что с утра, Ваня? Ведь твой класс учится с обеда?

— Дело есть к вам. По секрету!

— Да? Пойдём тогда в учительскую. Вася, постучи Ефимовне в окно, пусть открывает.

Поднялись на второй этаж, в учительскую. Повесив шляпку на вешалку, Рита подошла к зеркалу.

— Слушаю тебя, Ваня.

— Идея, Маргарита Васильевна! Это я ночью обсосал...

— Не обсосал, а обдумал, — поправила Рита. Ваня виновато скребнул в затылке.

— Извините, обдумал то-есть... Значит, так: лежу и думаю, чем бы задеть ребят за живое, чтобы они лучше учились? И придумал... Только вот не знаю, как на это дело директор посмотрит.

— Ну-ну.

— Задумал поход, Маргарита Васильевна.

— Куда? Сейчас же осень. — Рита сняла пальто, одёрнула зелёный свитр, села за стол, открыла свой портфельчик.

— На Телецкое озеро! Не сейчас, а летом! А сейчас начать готовиться. Вот смотрите-ка, — он достал из кармана пиджака блокнот, развернул его. — Это я план набросал. Вначале Мария Тимофеевна делает доклад о Телецком озере. Или, скажем, лит-

кружковцы сообща с географическим кружком организуют вечер. Платный (Ваня подмигнул), а деньги нам на дорогу. Дальше. Географический кружок выпустит специальный номер стенгазеты «Глобус», посвящённый Телецкому озеру. Так? Ребята заинтересуются. Это будет искорка. А из неё начнём раздувать пламя. Объявим, что в походе будут участвовать только те, кто окончит учебный год на хорошо и отлично. Тут работы хватит всем кружкам! Наметив маршрут, изучим его тщательно. А сколько всякого материала соберём там! Дух захватывает! Мне как ударила вчера с вечера эта мысль в голову, так я почти всю ночь не спал. Лягу, а Телецкое озеро опять в голове. Эх, черт, неужели, думаю, мы не сумеем организовать поход? Москвичи, ленинградцы едут, а мы рядом сидим и киснем. Как вы думаете, Маргарита Васильевна?

— Садись, — она указала на стул. — Я думаю, что мы не ошиблись, выбрав тебя комсоргом. Замечательная идея. Я была там. В селе Кебезень у меня есть знакомые. Мы можем списаться с ними.

— Вот это я понимаю!..

— Но это не всё. У меня к тебе вот какой вопрос. Ты умеешь управлять мотоциклом?

— Нет, — с сожалением вздохнул Ваня.

— А трактором или автомашиной?

— И подавно!

— Плохо.

— Плохо, — согласился Ваня, пытаясь понять, к чему клонит учительница.

— А кружок техники можно организовать? Чтобы научиться управлять трактором, автомашиной, мотоциклом..

— Можно. Конечно, можно! Кольки Карпенкина старший брат мотоцикл имеет. Колька на нём уже научился... Вот черт! Аж завидно!

— Ничего. — Маргарита Васильевна похлопала Ваню по плечу. — Я договорилась с шофёром мельзавода, он согласился руководить автокружком. Славный парень, понимаешь ли...

«Понимаю, — подумал Ваня. — Уже раз пять приходил в школу. Книжки читать любит. Бегает, меняет. А спроси, так, поди, не расскажет ни одной».

— Вот смотри сюда. Это мой план. Если согласишься — начнём действовать.

Она развернула тетрадку. Ваня склонился над листом. Рита посмотрела на его стриженую голову с двумя макушками, поморщилась.

— Хорошие вы у меня хлопцы, — со вздохом сказала она, — только бить вас некому.

— Пошто? — удивился Ваня, глядя на учительницу и краснея.

— Курите, лещий бы вас забрал. Прёт от тебя табачищем.

Спихватившись, Ваня отпрянул, виновато заулыбался.

— Бросил, Маргарита Васильевна! Как стал комсоргом, так и бросил. Вот уж две недели... А это ещё старым прёт. Честное комсомольское!

Школа вступила в горячку предпраздничных дней. Комсомольцы, пионеры, кружковцы задерживались здесь до-поздна. Писали лозунги, репетировали выступления. Редколлегия разрисовывала и писала праздничный номер школьной стенгазеты. Рита и Евдокия Яковлевна разучивали с кружковцами литературный монтаж. Яркое освещённая школа по вечерам гудела. Играл баян, гремели радио и роуль, всюду пели, декламировали, бегали, восклицали, смеялись.

Мария Тимофеевна переживала в эти дни счастливейшие минуты. Она суежилась во всём этом муравейнике. Из года в год учительница географии возглавляла художественную самостоятельность школы. Все считали, что так и должно быть, что иначе и быть не может. И если бы вдруг Мария Тимофеевна заявила: «Товарищи, я учусь заочно, очень перегружена, больше руководить художественной самостоятельностью не буду, к тому же никто мне этого никогда не поручал», все очень удивились бы. Ей до всего было дело: хорошо ли написаны лозунги, по её ли вкусу убраны портреты вождей хвойными ветками, хороши ли костюмы у юных актёров, выдержано ли в духе времени содержание литературного монтажа и музыкальное сопровождение к нему. Словом, Мария Тимофеевна была в эти дни осью, вокруг которой всё вращалось и кипело в школе. Рядом с нею невозможно было оставаться спокойным. «Что за умница!» — думала Рита, ставшая первой помощницей Марии Тимофеевны.

Федора Тарасовна спала тревожно: вот-вот должна была отелиться корова. А времени уже двенадцатый час. В горнице, у квартиранки, всё ещё огонь. Не вытерпела Федора Тарасовна, заглянула: учительница проверяет тетради.

Услышав скрип двери, Рита громко прошептала:

— Заходите, Федора Тарасовна.

Старуха, в полушубке внакидку, вошла, села на табуретку.

— И как вам не надоест проверять их, Васильевна? Кажни день по такому стогу?

— А как же быть?

— Плюньте на них, да спите.

— Не усну, Федора Тарасовна.

— Пошто?

— А почему вы не спите?

— Просплю — телёнок замёрзнет.

— У вас телёнок, а у меня — семьдесят один ребёнок, — засмеялась Рита. — Просплю — они все, бабушка, замёрзнут в своей безграмотности. Чтобы вша вучка перешла в шестой класс, я

должна ежедневно проверять её тетрадку. Вы думаете, это скучно? Нет, это очень интересно! — Рита перебрала проверенную стопку тетрадей. — Вот тетрадь Катя. Вы не видели её тетрадку?

— Господи, что я понимаю!

— Напрасно. — Рита развернула тетрадь. — Вот вам первая её работа. Полюбуйтесь.

Федора Тарасовна покачала головой.

— Батюшки-светы! Одна краснота. Как сыпь на тифозном.

— Это ошибки красным отмечены. А вот последняя работа. Видите? И чище, и ошибок меньше.

— Выздоровливать, однако, стала. И всё равно — дрян этот?

— Нет, здесь двойка. Из самых отстающих она стала только отстающей. Катя у вас такая бойкая, старательная, что к весне, увидите, всех догонит.

— Я вам не мешаю?

— Нет, нет! Я могу беседовать и работать.

— Такая вы хорошая, красивая, Васильевна. Гулять бы вам сейчас... Воп, слышите, гармошка заливается, а вы сидите тут почесть до самых петухов. Ведь уж замуж пора, Васильевна. Сколько вам лет-то?

— Третий десяток пошёл, бабуся.

— Ну, вот. Пора! Я пятнадцати годов вышла, двенадцать детей выходила.

— Меня никто не возьмёт, бабушка. Характер у меня неуживчивый.

— Вот и неправда! По глазам вижу, что неправда. Глазки-то выдают. Сквозь них, как сквозь чистый родник, вся душа видна до самого донышка. Характер, Васильевна, у вас добрый, справедливый. Дай бог каждому такой... Выходили бы за Сергея Петровича.

— У него есть невеста, Федора Тарасовна.

— Это, поди, мукомольная дочка-то? Милля или Виля эта?

— Лиля.

Федора Тарасовна решительно отмахнулась.

— Нужна она ему, как зрячему поводырь!

— Почему так?

— А так. — Федора Тарасовна глубоко вздохнула. — И говорить-то неохота. Побрякушка и побрякушка. Разве ему такая нужна? Парень степенный, самостоятельный, умный. Он вот к вам придёт, и поговорить есть о чём. Вы ему самая пара. Куда лучше! Живёт один с матерью, свой дом, своя корова. Плохо ли? Будете как императорша.

Рита засмеялась.

— Вначале надо институт окончить, бабуся.

— Далось вам это ученье! — снова отмахнулась Федора Тарасовна.

Рита сложила тетради в одну стопку, вздохнула облегчённо:

— Вот и всё. — Посмотрела на часы. — Всего-навсего двенадцать. — Сорвала листок с календаря, висевшего над столом. — Завтра уже ноябрь, Федора Тарасовна!

— Время-то летит!

— Ну, идёте Федора Тарасовна, посмотрим вашу корову.

16.

Когда Ефимовна, по приказу Софьи Ивановны, побежала искать «русачку», было пятое ноября.

Свободная от урока Маргарита Васильевна сидела одна в учительской и анализировала письменные работы пятиклассников за четверть. Лицо её было озарено тихой радостью.

Шевехов Вася. В первой работе он сделал восемнадцать орфографических ошибок, теперь — только восемь. Катя Блошенко: двадцать четыре ошибки в начале четверти и тринадцать — в конце. Так же улучшилось дело у Шумакова Вани, Гололобова Шуры, Журавлёвой Вали, Лагавиной Веры, Пархоменко Нины. Правда, всем им пришлось всё же поставить за четверть двойки, но, несомненно, скоро большинство из учеников станет успевать, как уже успевают Атаманов Шура, Алтынцева Галя, Куренков Петя, Дропов Шура.

Главное — ученики любят её, старательно выполняют домашние задания, валом валят на занятия литературного кружка и (чего зря скромничать!) готовы идти за ней в огонь и воду. Интересный народ эти «пятакки», но с ними надо работать и работать...

Дверь распахнулась, и запыхавшаяся Ефимовна, прижимая руку к сердцу, объявила:

— Маргарита Васильевна... Ох, тошнётонько мне, запалилась... Вас кличет Роман Макарович!

— Что такое, Ефимовна?

— Двойки... Двойки ваши не поглянулись. Нас, говорит, повесят за такую успеваемость.

— Что же я могу поделать, Ефимовна? — почти прошептала побледневшая Рита, умоляюще глядя на взволнованную техничку. — Как можно поставить тройку, если ученик не заслужил её?

— Беда! — взмахнула рукой Ефимовна. — Шибко старик не любит двоек-то! Душа из тебя вон, а тройку вынь-подай! — Сторожиха оглянулась на тонкую досчатую стенку, из-за которой слышался голос Валентины Петровны, объявлявшей оценки пятому «Б» классу. «Волков — два, Воробьёв — два, Ганц — два».

«Мои оценки объявляет», — съежилась Маргарита Васильевна. Ефимовна понизили голос:

— А лиса-то Патрикеевна, зауч эта самая, напевает ему на вас: такая-сякая, немазана-сухая...

— Что ты говоришь?

— Всех, говорит, стригёт под одну гребёлку.

— Не ожидала.

— Так вы ж пойдёте, Маргарита Васильевна!

Рита, повесившая голову, отмахнулась.

— Потом, Ефимовна... Пусть Роман Макарович успокоится.

— Нет, вы уж меня не подводите, Маргарита Васильевна. Мне велено разыскать вас немедленно.

Рита шагнула было к двери, но возвратилась, перед зеркалом поправила русые локоны, захватила со стола письменные работы и вышла из учительской. Ефимовна, задержавшись, приложила ухо к стенке: её сын Шура учится в пятом «Б». Лицо женщины окаменело в напряжении. По мере того, как Валентина Петровна всё ниже спускается по алфавиту, Ефимовна плотнее прижимает ухо к стене. Вот началась нужная ей буква, вот, наконец, и сын:

— Стрельцов — два!

— Чтoб тебе!.. — хлопнула себя по боку Ефимовна, кому-то, скорее всего сыну, погрозила кулаком, и побежала догонять Маргариту Васильевну.

— Вы что ж это, голубунка, наколбасили тут? — Таким вопросом встретил новую «русячку» Роман Макарович.

Лёгкий румянец появился на белом лице Маргариты Васильевны. Она стояла перед директором, как перед судьёй.

— Почему «наколбасила», Роман Макарович? — Нотка обиды прозвучала в её голосе.

«Ох, уж эти девушки с характером! — думал Роман Макарович. — Одна видимость, как у Софьи Ивановны. Шум, треск, дым, блеск, а на деле — одни двойки».

— Идите-ка вот сюда, садитесь рядком, — сказал он уже мягче.

Рита положила письменные работы учащихся на стол и села. Софья Ивановна, делая вид, что разговор её не касается, смотрела в окно. Вошла потихоньку Ефимовна, хотела подметать, но Роман Макарович жестом руки заставил её выйти.

— Не ошибается только тот, кто ничего не делает... — Посасывая трубку, директор перелистывал письменные работы, принесённые Ритой. — Семь раз отмерь, один раз отрежь. Молодо — зелено...

Морщась от неприятного табачного запаха, исходившего от Романа Макаровича, Рита с возрастающим страхом смотрела на двойки в классном журнале. В самом деле, как их много! Что она наделала!

Роман Макарович скользнул по столбику зелёным карандашом.

— Мне кажется, Маргарита Васильевна, вы сплеча и сгоряча понаставили много лишних двоек. Не так ли?

— Я тщательно продумала свои оценки, — ответила Рита, стараясь быть спокойной.

— Вот мы сейчас и разберёмся.

Роман Макарович несколько раз глубоко затянулся, трубка его хрипела и пищала.

— Обратите внимание на двойки, которые я заключил в зелёные кружки. На мой взгляд, они поставлены вами непродуманно.

— Почему вам так кажется, Роман Макарович? — всё тем же ровным, приятно-вежливым тоном спросила Рита.

— А вот, смотрите. — Директор взял письменные работы. — Во-первых, есть изложения очень длинные. Вы не берёте этого во внимание. Вас интересует лишь количество ошибок. А ведь есть ошибки за курс шестого и седьмого классов.

— Например, Роман Макарович?

Рита была уверена, что директор не сможет подкрепить примером свою мысль. А Роман Макарович, действительно, сказал последнюю фразу на-авось. Опытом своей многолетней практики он был убеждён, что нет такого ученика, который не делал бы ошибок на неизученные правила. Директор подряд дважды затянулся и, вынув из стопки одну из ученических работ, начал искать в ней примеры. Искал долго, и Рита покаялась, что поставила старика в неудобное положение.

— Вы отрицаете, что здесь есть ошибки за старшие классы? — Директор потряс листом.

— Нет, я не отрицаю, — ответила Рита.

— Зачем же требуете от меня примеров? — И он улыбнулся своей находчивости.

— Зачем? По-вашему выходит, Роман Макарович, что, выставя оценки, я не принимала во внимание ни объёма изложений, ни ошибок за старшие классы. Я и хотела, чтобы вы доказали это.

Роман Макарович молчал, вновь попыхивая трубкой. Рита взяла одну из работ.

— Вот, пожалуйста. — Она придвинулась к директору. — Этой работе двойка поставлена за десять ошибок, видите — десять. Но если подсчитать все подчеркнутые ошибки, их будет больше. Раз, два, три... — подсчитывая, она водила пальцем по строчкам... — четырнадцать. Четыре ошибки падают на неизученные правила. Они смясусованы.

Казалось, директор был склонен согласиться с Ритой, поэтому Софья Ивановна сидела, как на муравейнике. Но это лишь казалось. Роман Макарович был убеждён, что двадцать двоек на один класс — это абсурд, это какое-то безрассудное удажество, лихачество, желание блеснуть своими знаниями, уязвить его, директора со средним образованием. Такое количество двоек приведёт заведующего райОНО в ужас. Начнутся обследования, паживёшь неприятность. Конечно, от Нины Ермолаевны и канувшего в лету преподобного Ивана Павлыча нельзя было ожидать ничего хорошего. Бесспорно, ребяташек подготавливали они слабо. Но их можно подтянуть. Подтягивает же из года в год Евдокия Яковлевна!

— Дорогая моя, — с ехидством заговорил Роман Макарович, выбив трубку о пожку стола и заглядывая в классный журнал, — надо смотреть не только на изложения, но и на живых людей.

Возьмём, к примеру, Белецкого Виктора. Он получил у вас двойку. А вы знаете, что он сирота?

— Слышала.

— «Слышала» — этого мало. Надо знать. Не знаете учащихся, не умеете подходить к каждому индивидуально, стрижёте всех под одну гребёнку. А я его знаю отлично, как, впрочем, и всех учащихся школы. Осиротел Витя Белецкий во время войны: отец погиб, мать умерла. Взяла его к себе на воспитание тётка, и ездит на племяше, как на лошадке. Парнишка выполняет по хозяйству всё, что прикажут. Помните, как Алёша Пешков у чертёжника?.. — Роман Макарович трубочкой постучал по бумагам. — Вот я вижу тут у вас количество ошибок за каждый вид письменной работы и рядом — оценку. Это очень хорошо, видел каждый ученик, как на ладони. Кстати, Софья Ивановна, потребуйте, чтобы во всех классах делали так же..

Завуч, сидевшая теперь на диване, скупой улыбнулась и уже открыла рот, но директор не дал ей заговорить.

— И вот я вижу, — продолжал Роман Макарович, — что этот самый Белецкий Виктор, несмотря на плохие домашние условия, довольно быстро прогрессирует в течение четверти: с двух десятков ошибок съехал до одного десятка. Разве этого мало за четверть? Это — прекрасно! Почему бы не поощрить такого ученика положительным баллом, тем более сироту, не имеющего условий готовить уроки дома?

Роман Макарович, набивая махоркой трубку, то и дело взглядывал на «русачку» поверх очков.

— Дальше. Пархоменко Нина. Ошибки: двадцать и одиннадцать. Эта девочка начальную школу окончила на Украине. Там она училась на украинском языке. Здесь ей приходится переучиваться. Легко ли Нине Пархоменко? И если девочка почти вдвое выросла, нет сомнений, что к концу второй четверти она станет успевающей. Зачем же пугать ребёнка, такого старательного ребёнка, двойкой? Зачем бить по рукам? Наоборот, надо поощрить положительным баллом. Она оправдывает это поощрение. Если же ей и Белецкому оставить двойки, они потеряют вкус к учёбе, а то и вовсе бросят школу, как это сделал в прошлом году тот же Белецкий. Мне пришлось тогда немало попотеть, чтобы вернуть его в школу. Отсев, Маргарита Васильевна, большей частью порождается неуспеваемостью. Ученик лезет из кожи, старается, пытит, а ему за четверть — двойка. Вторую четверть он ещё лучше старается, но опять — двойка. Ученик решает, что всё равно он останется на второй год, и, чтобы зря не трепать обуви, бросает школу. Вот к чему ведёт бездушное отношение к учащимся!

Поджав губы, неподвижно, как изваяние, продолжала сидеть Софья Ивановна.

— Так же обстоит дело у Гололобова Шуры, у Журавлёвой Вали, у Лагашиной Веры, у Блошенко Кати и у всех остальных,

попавших в зелёный кружок. Вы, надеюсь, теперь согласны со мной?

Доводы директора казались убедительными, но всё существо Маргариты Васильевны восставало против них. Она чувствовала фальшь этих доводов. Испуганно взглянув на директора большими голубыми глазами и тряхнув шляпкой выющихся волос, Рита решительно ответила:

— Нет.

— Почему?

— Потому, что оценка выставляется за фактически имеющиеся знания и навыки, она ни в коем случае не может служить мерой поощрения.

— Кто это вам сказал?! — уже раздражённо воскликнул директор.

— По-моему, это общеизвестно. Того требуют от нас постановления партии и правительства о школе...

Нервно перекаладывая на столе жестяную коробку с табаком, спички, карандаш, пресс-палье, Роман Макарович перебил Риту:

— К сожалению, не могу с вами согласиться полностью. Постановления партии и правительства содержат основные принципы. Но жизнь всегда богаче любой бумаги, и никакое постановление не сможет предусмотреть и охватить всех её частных случаев. Практика говорит именно так. Вот вам один из многочисленных примеров. В прошлом году к началу занятий у нас не оказалось преподавателя физики. Прислали его только в начале второй четверти. Он, правда, успел пройти годовую программу, но как? Продлять учебный год, заметьте, нам не разрешили. Судите сами, каковы были знания учащихся. Но при чём тут дети? Разве справедливо было бы вывести им законные двойки и оставить им физику на осень? Нет, несправедливо. Виноваты мы, поэтому мы же и обязаны, переведа учащихся, подтянуть их в следующем классе. Вы понимаете? Подтянуть!

По кабинету опять поплыли сизые облака дыма. Медленно, беззвучно качался тяжёлый маятник под стенными часами.

Роман Макарович взглянул на часы.

— Мы, я вижу, ударились в слишком обширную дискуссию, а мне пора в сельсовет. Софья Ивановна, включите этот вопрос — об оценках — в план методической работы на вторую четверть, а сейчас, Маргарита Васильевна, исправьте вот эти двойки на тройки.

— Я не могу этого сделать, Роман Макарович, — прошептала Рита, глотая слюну.

— Почему же? — Директор явно терял терпение, он не привык к такому упорному сопротивлению.

— Это будет незаконно.

— Вы что, смеётесь, что ли, в самом-то деле? — вспыхнул Роман Макарович, и кресло под ним закрипело. — Да нас повесят за такую успеваемость!

— Я сделала всё, что было в моих силах, чтобы повысить её.

— Вероятно, не всё. Иначе не получился бы казус.

— Грамотность детей запущена в начальных классах, — продолжала доказывать Маргарита Васильевна.

— Это — старая песенка, я её знаю не хуже вас. Выгодно сваливать свои грехи на предшественника!

Рита вспыхнула, порывисто встала и вышла из-за стола.

— Так несправедливо, Роман Макарович! Вы сами убедились, что мои ученики стали писать значительно грамотнее! — Она ткнула пальцем в столбик оценок. — Посмотрите, с какой грамотностью пришли они в пятый класс. Жуть!

— Вполне естественно, — испугавшись воинственного вида учительницы, обмяк Роман Макарович. — За лето дети разучились, многое позабыли, вот и настряпали вам ошибок с первого же знакомства. Ну, а затем, смотрите, втянулись, натерели и снова стали писать лучше.

— Неправда! — Взмахнув рукой, Маргарита Васильевна резко повернулась к завучу, затем вновь — к директору. — Прошлогодний выпуск из четвёртых классов — самый настоящий брак!

— Это, уважаемая, ваше личное мнение, и довольно нескромное. Вы придумали брак, чтобы оправдать свою беспомощность.

— Спасибо! — Тильной стороной дрожащей руки Рита протёрла глаза, на которых блеснули слёзы. — Спасибо, Роман Макарович... — Красная от обиды, она пошла к двери, безнадежно махнув рукой.

— Какая дерзость! — прошипела Софья Ивановна так, чтобы услышал директор.

— Товарищ Сяницына!

Она обернулась. Роман Макарович набивал трубку. Сдерживая себя, он выговорил отдельно:

— Ещё раз пересмотрите оценки за четверть и завтра извольте доложить мне свои окончательные соображения.

Рита выпустила дверную ручку, нехотя обернулась к директору.

— Каждую оценку я продумала. — Голос её дрожал. — Двойки выставила правильно и пересматривать их не буду.

— А я приказываю, чорт побери! — Директор даже притопнул ногой и выскочил из-за стола. — Вы мне ещё свои порядки устанавливать будете? За последствия отвечаю я, как единоначальник, а ваше дело — выполнять приказания!

Девушка побледнела, низко опустила голову.

— Хорошо, я пересмотрю, Роман Макарович, — пролепетала она и, ломая пальцы, сгорбившись, вышла из кабинета.

Рита поднялась на второй этаж, шла по залу, никого и ничего не замечая. Внезапно раздавшийся звонок заставил её вздрогнуть. Ученики высыпали из классов, одни — со смехом, другие — со слезами. Пятиклассники обступили её плотным кольцом, заглядывали ей в лицо.

— Маргарита Васильевна, — тихо всхлипывал Белецкий Витя, — я только три изложения написал плохо, а остальные ведь

на тройку? Я буду стараться, исправьте, Маргарита Васильевна.— Она положила руку на его беловолосую стриженую голову. — Исправьте, да? — чувствуя тепло её руки, сквозь слёзы улыбнулся мальчик.

— Маргарита Васильевна, по всем четыре и пять, а по вашему — два, — протяжно, как нищая, клячнит Вера Лагашина. — Исправьте, Маргарита Васильевна!

Просят. Упрашивают. Ну, что ей стоит исправить? «Жалко уж...»

— Идёмте в класс, — прошептала она, ещё не зная, сможет ли что-нибудь сказать им.

Сидя за столом, долго смотрела на них молча, собираясь с силами. Вера Лагашина не сводила с неё мокрых карих глаз, в которых стоял вопрос «Ведь, исправьте, да?», в которых было столько мольбы и надежды, что не почувствовать себя виноватой было невозможно.

— Ребята, — хриловато сказала, наконец, Маргарита Васильевна, кусая губы. — Вы получили то, что заработали. — Головы детей разочарованно поникли. — Слезам горю не помочь. Я не люблю слёзы. Зачем вы выпрашиваете у меня? Разве вы нищие? — Она обмахнула горячее лицо белым носовым платком, продолжала тихо, с расстановкой: — Вы замечательно у меня учились... Помните, сколько ошибок делали в начале четверти? А теперь? Не так уж много... Но всё же много для тройки... Если будете стараться попрежнему, то к концу второй четверти будете все успевать... Значит, надо не плакать, а работать и работать...

Учительница говорит с паузами после каждой фразы. На щеке Веры Лагашинной блестит нескатившаяся слеза.

— Неприлично требовать то, на что не имеешь права, — голос её зазвучал. — Вы должны стыдиться этого. Помните-ка лётчика Маресьева. Уж ему ли было не плакать? В тылу у врага, с разбитыми ногами, зимой, без пищи... Другой взял бы да и застрелился... Но не таков советский человек! Пока бьётся сердце, он не падёт духом, не перестанет думать о победе. А сколько раз арестовывали и ссылали товарища Сталина царские палачи? Помните, как товарищ Сталин провалился в прорубь и чуть не утонул? А потом, обледенелый, чуть не замёрз: никто в чужой деревне не хотел пустить его ночевать... Легко ему было? Плакал он? Нет! Почему? Потому, что он боролся за счастье народа, за наше с вами счастье. Чтобы все мы могли учиться. Чтобы каждый из нас мог стать, кем ему хочется. Давайте и мы будем такими же стойкими в беде!

Посмотрела на всех. Верят они ей? Убеждены ею?

Сидят, понурив головы, смотрят исподлобья.

Странная у них учительница! Хорошая, но почему ей жалко поставить тройку?

Маргарита Васильевна проглотила застрявший в горле ком, облизала губы.

— Когда я училась в пятом классе, я в начале учебного года получала по арифметике двойку за двойкой. Но я не плакала, не бегала за учительницей, не просила. Стыснув зубы, сидела над каждой задачей до тех пор, пока не решу её. И научилась решать. Пятый класс окончила с похвальной грамотой. — Встала, вздохнула, голос понизила до шепота. — Вы думаете, мне легко ставить вам двойки? У меня рука дрожит, когда я ставлю двойку... Каждая двойка — как заноза под палотью... Но я не плачу. Я терплю. Работаю. Дома после занятий сажусь за учебники. Ведь я тоже учусь! Заочно. Работаю и учусь. Потом готовлю для вас уроки. А потом, поздно вечером, а иногда и ночью, проверяю ваши тетради, воюю с вашими ошибками... Иногда мне бывает очень тяжело, ребята... Сегодня мне очень тяжело... Вы... — она хлопнула вдруг рукой по столу. — Вы должны утешать меня, а не я вас! Почему же вы обижаете меня своим нытьём, своими слезами? Почему так смотрите на меня? — Рита отвернулась к окну, за которым всё заволочлось туманом.

Дети молчат. Нет, она выдержит, выдержит! Разве можно сейчас показать им слёзы? И всё же так обидно, так обидно! В горле словно старый, горький, заплесневелый сухарь застрял. Застрял и не проходит.

Вера Лагашина подняла руку. Учительница смотрит в окно.

— Маргарита Васильевна... — Учительница не поворачивает головы. Плачет? Вера Лагашина встала.

— Маргарита Васильевна, простите нас, мы не будем плакать, — и упала на парту, заплакала навзрыд, вздрагивая углаватым тельцем.

Учительница отвёртывается от окна, смотрит на детей. «Нет, не плачет. Значит, показалось нам»...

— Прощаю, — тихо откашлянув, говорит она, взором обводя класс. — А где Блошенко Катя?

— Сбежала с последнего урока.

Подумала, хмурия брови.

— Можете идти. До свиданья.

Маргарита Васильевна, грустная, идёт по осенней улице. Давно застывшие комья грязи тверды, как булыжная мостовая. Лёд уже не проламывается на лужах, и мальчишки лихо катаются по нему. Берёзовая роща над речкой — любимое место молодёжных сборов — оголилась до последнего листочка. Куда-то скрылись из неё даже трещётки-сороки.

Однообразно, как спокойный Роман Макарович, скрипят где-то старые ворота и хлопают, хлопают по чьей-то крыше лист железа. Небо закрыто тяжёлыми тучами, из-под которых тянет остро-свежим дыханием зима.

Катя Блошенко оплакивала свою единственную двойку. Мать бранила дочку. Молчаливый отец, кряхтя и чихая, сечкой рубил

махорку в корыте. Рита остановилась на пороге. Увидев Катю, нахмурила брови. Хозяйка, полная, дородная женщина, заметив опечаленное лицо учительницы, махнула в сторону дочки рукой, усмехнулась:

— Дура... Получила двойку и ревёт, как корова.

Катя сидела на табуретке, навалиясь на кухонный стол и закрыв лицо руками.

— По всем четыре и пять, а по вашему, по письму, — двойка, — собирая на стол и гремя ухпатом, рассказывала мать. — К празднику обещала ей платье купить за успехи, и деньги загодя отложила, а теперь нельзя, — двойка! Пропало её дело, — и снова махнув в сторону дочки рукой, засмеялась.

На печке закудаhtала Федора Тарасовна.

— С кручины да с печали сравнялась у нашей Кати голова с плечами!

— Ничего, она исправит двойку. — Подойдя к Катюше, Рита положила руку на шапку её каштановых волос. Но Катя не подняла головы. Тогда Рита молча прошла в горницу. Сбросив пальто, туфли и шляпку, плюхнулась на неразобранную постель.

Да, директор, пожалуй, прав. Напрасно она ссылалась на предшественников. Виновата только она. Работать не может. Хорошие методы Евдокии Яковлевны в её неумелых руках оказались бесполезными. Рост учащихся — не её заслуга. Ученики втянулись и стали писать лучше. Это вполне может быть. Слишком она самоуверена. Надо быть потише, поскромнее. Вон Евдокия Яковлевна, старушка, тише воды, ниже травы, а неуспевающих у неё всего четверо. И ни на кого не жалуется... Роман Макарович, конечно, прав. Он педагог с тридцатилетним стажем. Какие он даёт прекрасные уроки!

Девчонка! Дерзкая девчонка! Что теперь подумают о ней родители учащихся? Нечего сказать, порадовала их перед великим праздником! Сорок двоек! Ужас! Её все возненавидят... Индивидуальный подход... Почему бы и не поставить Катюше тройку? Это её воодушевит. Но... Ах, как много этих «но»! Институт, институт... Там этого не проходили...

Рита вспомнила Барнаул, родителей. Сейчас старички сидят за обедом и, как всегда, мирно беседуют о своих школьных делах. У них всё ясно.

Готовясь стать народной учительницей, Рита ревниво прислушивалась к педагогическим беседам родителей. В возникавших между нею и родителями спорах старики всегда оказывались правыми. Как сильна теория, подкреплённая практикой, основанная на практике! Как ей не хватает сейчас этих умных стареньких наставников!..

Что же делать? Позвонить в райОНО? Пожалуй, сходить к Евдокии Яковлевне... А что делает сейчас Сергей? Наверное, готовит доклад к завтрашнему торжественному собранию в клубе.

Она до сих пор даже не знает, где он живёт... Нет, куда она не пойдёт. Стыдно идти по селу, смотреть людям в глаза.

Хозяйка предложила обедать. Рита отказалась, сославшись на отсутствие аппетита. Да... Катюше, пожалуй, можно поставить тройку, она хорошая, усердная девочка. Но тогда на тех же основаниях придётся поставить тройку и Белецкому и Журавлёвой. А что скажут Лагашина, Гололобов, Стрельцов и другие, у которых ошибок ещё меньше? Родителям их такая несправедливость станет известна, и по селу пойдёт слух, что у Сипицыной есть любимчики и пасынки. Нет, она не изменит ни одной оценки! Какое он имеет право приказывать? Она — хозяйка предмета, что находит нужным, то и ставит. Пусть директор делает, что хочет, пусть ругает за плохую работу, но оценки она выставила правильные! Не может быть, чтобы она плохо работала. Не может быть! Пусть проверяют!

Она вскочила с койки, села за стол, залпом написала длинное письмо. Запечатав его в конверт и написав адрес, попросила Катю пойти до почтового ящика.

— Васильевна, надо обедать, — тихо, но убедительно сказала Федора Тарасовна, любуясь повселевшимся лицом учительницы.

17.

Председательствовать досталось Климентию Самсоновичу, секретаря Евдокия Яковлевна. Кроме них в президиуме были ещё трое: колхозницы Атаманова, Шевехова, Лагашина.

Климентий Самсонович отодвинул в сторону глиняный горшок с цветком, мешавший ему видеть зал, потряс чёрным колокольчиком с деревянной ручкой.

— Считаю собрание открытым. Прежде всего попрошу прекратить смечки и курение. Особенно это касается тех, которые сидят. Там больше молодёжь. Чего вы пришли сюда, товарищи? До живгазеты ещё далеко. Идите и, так сказать, гуляйте. А ежели интересуетесь делами школы, пожалуйста, но только не курить и не плевать. Вы же сами все учились в этой школе!

Учителя сидели по всему залу, беседуя с родителями своих учащихся. Рита и Сергей были вместе. Она выглядела мрачной. И до этого многолюдного собрания она понимала значение своей скромной деятельности, но сейчас особенно остро, почти физически почувствовала полноту ответственности перед народом. Было от чего сокрушаться: у неё за четверть сорок двоек. К тому же седьмого ноября по селу прошёл слух, что её снимают с работы.

Первая ей сказала об этом хозяйская дочь Катя. Возвратившись домой с утренника, Катя спросила её шопотом:

— Маргарита Васильевна, это правда, что вас снимают с работы?

— Кто тебе сказал? — вздрогнула учительница.

— Все говорят.

— Кто — все?

— Бабы в магазине. Мамка слышала.

Ритухватило удушье, в бессилии уронила она голову на стол. Что же это такое?

Вечером в клубе шла пьеса «Любовь Яровая». Рита играла в ней главную роль. Перед началом спектакля Сивоконь, догадываясь, чем удручена Маргарита Васильевна, спросил её:

— Это правда?

— Ничего не знаю, — упавшим голосом ответила Рита. — Да откуда вы слышали?

— Слухи прошли по всему селу. Я, конечно, удивился и не поверил.

В нервном припадке она ушла из клуба до начала спектакля. На квартиру за ней прибежали заведующий клубом, высокий парень с кудрявым чубом, и Сивоконь. Они сказали, что Климентий Самсонович сам послал письменный запрос Роману Макаровичу на квартиру. Сейчас посыльный вернётся с ответом и всё будет ясно. Конечно, это брехня, как сказал Климентий Самсонович. Но даже, если слухи верны, она не должна срывать постановку. Публика ждёт и волнуется, а Рита ещё не загримирована.

— Я не могу! Вы это можете понять, что я не могу? Я больна...

В горницу ворвался запыхавшийся сельский исполнитель с запиской от Климентия Самсоновича: «Брехня. Прошу не задерживать пьесу».

Она пошла. Взяла себя в руки, забылась и вложила всю душу в любимую роль. Спектакль прошёл отлично.

Потом всю ночь не спала. И на следующий день не пошла на учительский вечер, как ни уговаривал её Сергей. Из-за неё он тоже не пошёл, просидел с ней до полночи...

Сегодня — десятое. Но слухи ещё не улеглись. И злые языки, распространившие их, испортившие ей весь праздник, не разоблачены. Кто бы это мог быть?

Софья Ивановна поднялась на сцену, оперлась о трибуну и, откашливаясь, стала раскладывать свои бумаги. Текст доклада в основном был написан Романом Макаровичем.

Доклад начинался издалека. Вначале речь шла о состоянии образования в царской России, о достижениях в области народного просвещения за тридцать лет советской власти. Далее вкратце обрисовывалась история Чернореченской школы, затем говорилось о её работе за последний год.

— Постановка учебно-воспитательной работы в нашей школе ухудшилась, — морщась, продолжала читать Софья Ивановна, неожиданно понизив голос. Климентий Самсонович сказал ей тихо: «Не торопитесь». Это место доклада принадлежало ему.

— В итоге первой четверти текущего учебного года — каждый пятый ученик школы не успевает. Причиной этому является то, что учительский коллектив ещё не уяснил себе решений партии по идеологическим вопросам, не перестроил свою работу в соответ-

ствии с этими решениями, проявил благодушие и зазнайство прошлыми успехами, топчется на месте, не растёт, даже отстаёт от жизни, от требований времени. В результате этого Чернореченская школа скатилась с первого на двадцатое место в районе...

Слушатели задвигались, зашептались. Климентий Самсонович дзинькнул колокольчиком. Раскрасневшаяся Софья Ивановна глотнула воды из стакана и перешла к анализу работы отдельных учителей.

Первые, вторые и третьи классы были отмечены, как лучшие по успеваемости. В четвёртых классах дело обстоит хуже. Контрольные работы за четверть показали как орфографическую, так и математическую безграмотность учащихся четвёртых классов. Учителя мало работают с учениками, недостаточно проводят дополнительных занятий с отстающими, слабо связаны с родителями.

Из старших классов лучше идёт дело в шестых, хуже — в седьмых, и совсем плохо — в пятых. Из семидесяти одного ученика пятых классов не успевают по русскому языку сорок человек.

Софья Ивановна сделала ударение на слове «сорок» и одновременно подняла вверх указательный палец. Остановилась, выжидая, как собрание будет реагировать на эту цифру. По залу прокатился говорок, охи и вздохи.

Рита пригнулась, крепко стиснула колени, машинально стала перелистывать книжку, зажатую в дрожащей руке.

В президиуме о чём-то шептались Климентий Самсонович и Атаманова. Слушая женщину, Климентий Самсонович в знак согласия кивал головой, поглядывая в сторону Риты, лица которой не было видно — одна зелёная шляпка.

Софья Ивановна, теперь уже не заглядывая в тетрадь, бойко продолжала:

— Русский язык в пятых классах преподаёт молодая, вновь прибывшая к нам учительница Сиянилина Маргарита Васильевна. Причиной такой низкой успеваемости по её предмету является то, что Маргарита Васильевна — работник ещё малоопытный, методически подкована слабо. Это доказывается тем, что в шестых и седьмых классах, у опытного преподавателя, у Евдокии Яковлевны, не успевают по русскому языку всего только четверо. — Докладчица опять подняла вверх палец, сделала ударение на слове «только». Шевехова о чём-то пошептала с Евдокией Яковлевной, укоризненно покачала головой и обратилась с чем-то к Лагашшой.

— Кроме Евдокии Яковлевны хороших показателей добились преподаватели Куренков Пётр Саввич, Орехов Сергей Петрович, Виноградова Мария Тимофеевна и Ударцева Валентина Петровна, не считая, конечно, самого Романа Макаровича с его стопроцентной успеваемостью...

Доклад заканчивался заверением, что допущенные ошибки будут исправлены, что педагогический коллектив приложит все силы к тому, чтобы вернуть школе былую славу.

— Всё ясно, — донёсся с задних скамеек голос паренька, который с нетерпением ожидал, когда кончится это собрание и начнётся выступление живой газеты.

— Разрешите вопрос! — Со скамьи поднялся высокий, чернородый колхозник и спросил: — Правда или нет, что Маргариту Васильевну снимают с работы?

В зале зашептались, заговорили наперебой. Климентий Самсонович водворил тишину и сказал:

— На этот вопрос, товарищ Елисеев, отвечу я. Маргариту Васильевну Синицыну никто не думал снимать. Это — клевета, бабьи сплетни. Мы постараемся допытаться, кто, так сказать, автор этой клеветы и привлечём виновных к ответу. Просим вас помочь нам. Давайте ещё вопросы, товарищи.

Со скамьи в центре зала поднялась пожилая женщина в добротной белой пуховой шали.

— Я бы хотела узнать, почему выпускники Чернореченской школы провалились по алгебре при поступлении в медицинское училище в августе этого года.

Софья Ивановна поспешила на трибуну.

— Ничего удивительного нет. Если бы никто не проваливался, не нужны были бы никакие вступительные экзамены. Слабо готовились, забыли за лето, вот и провалились.

— У меня вопрос вот какой. — Привстала с первой скамьи женщина в дублёном жёлтом полушубке. — Почему не все учителя пришли на собрание? Я, например, не вижу учительницу, которая учит моего ребёнка, Нину Ермолаевну. И вот подсказывают, Варвары Николаевны нет. Почему это так?

— Неизвестно почему, — вздёрнула плечи Софья Ивановна. — Оповещены были все.

— Критики боятся! — выкрикнул кто-то.

— Дозвольте, — подошёл к сцене седобородый дедушка. — У меня, граждане председатели, такой будет до вас разговор. Почему это в первых, вторых и третьих группах ученые идёт гладко, а в четвёртых группах и далее — никуды не годно? Почему это так? Книжки что-ли там труднее, или задачки, или же ещё что?

— Тут, товарищи, причина в том, что программы в четвёртых классах очень трудные. Этот вопрос сейчас разрешается в Министерстве просвещения. Есть надежда, что программы в четвёртых классах в ближайшее время будут упрощены.

— Понятно, папаша? — спросил Климентий Самсонович. — Книжки трудные, а сейчас пишут полегче.

— Понятно, — сказал старик. — Пускай быстрее пишут. Так и надо решить нам здесь.

Колхозный председатель Алтышцев хотел говорить с места, но его упростили выйти на трибуну. То склоняясь к трибуне, то выпрямляясь во весь свой богатырский рост, он загудел таким густым басом, что показалось, будто в зале, кроме него, никого нет.

— Докладчица сказала, что у Маргариты Васильевны сорок человек отстающих. — Алтынцев, подражая Софье Ивановне, поднял палец вверх и сделал ударение на слове «сорок». — И объяснила она это дело тем, что Маргарита Васильевна не знает эту самую методику так и далее. Я с этим в корне не согласен, товарищи!

Зал одобрительно загудел. Климентий Самсонович хотел позвонить, но раздумал, надеясь, что бас оратора перекроет любой шум. Рита впервые подняла голову и с благодарностью посмотрела на Алтынцева с орденом Красного знамени на чёрной сатиновой рубашке.

— У меня в пятых учатся двое, — продолжал греметь Алтынцев, — моя дочка Галя и сынок погибшего брата, племянник Володька. Я слежу за ними, товарищи. И что же вы думаете? Если сравнить, как они учились в прошлом году у Нины Ермолаевны, то разница, как от земли до неба. В прошлом году я почти не замечал, когда мои дети уроки учили. Придёшь домой, спросишь: ну, пострелята, вы что уроки не учите? «А мы уже выучили!» А что вижу я теперь? Как пришли из школы, так садятся за этот самый русский язык. Хорошо стали учиться ребятинки, товарищи! Не знаю, как у других, но у меня душа радуется. Кто приучил их к этому? Маргарита Васильевна! — Алтынцев поднял палец кверху, потрясая им, точно грозя кому-то. — Так что, товарищи, я считаю обвинение Маргарите Васильевне не соответствует. — Он рубанул воздух рукой и тихо опустил тяжёлый кулак-гирию на трибуну. — Может быть, виновата и она отчасти, я не знаю, но в основном факт, что виноваты те учителя, от которых Маргарита Васильевна получила такой урожай. И этих учителей на данном собрании нет. У меня всё!

Подняв полы тулупа, Алтынцев легко спрыгнул со сцены, сел на скамейку, загородив тулупом и Софью Ивановну и другого соседа — дремлющего старика с палкой.

— Правильно! — прокатилось по залу.

— У Нины Ермолаевны головка болит! — крикнул паренёк, которому не терпелось скорее увидеть живую газету.

Климентию Самсоновичу пришлось долго и яростно трясти колокольчиком. Когда порядок, наконец, водворился, выступил Шехов, бригадир колхоза «Правда».

— Товарищи! — горячо начал бригадир, поворачиваясь во все стороны, видимо, боясь, что его кто-либо не услышит. — У меня в пятом классе учится Васятка. В прошлом году он учился у этого самого Ивана Павлыча. И надо прямо сказать, товарищи, плохо учился. Ошибок сколь делал! Я сам не шибко грамотный, окончил всего четыре группы, да боле того забыл, и то, товарищи, таких ошибок, какие делал в прошлом году Васятка, пожалуй, не сделаю. Сик-ли-тары!

В зале поднялся хохот.

— Вы понимаете? А сейчас? Куда там против прошлого года! И подчерк разобрать можно. Я, правда, товарищи, удивился, когда узнал, что сын по русскому языку двойку получил. В прошлом году как ни пацарапает — всё тройка. А нынче пишет куда лучше — и двойка. Парнишка — в слёзы. Да и мне жалко его, товарищи, старался он по русскому языку отменно. Давай разбираться, давай смотреть тетрадки. И разобрался. Оказывается, хотя учительница и поставила двойку, но поработала с парнишкой крепко. Она справедливая, Маргарита Васильевна. Даром тройку у неё не получишь. И я, товарищи, целиком и полностью присоединяюсь к хорошему мнению.

Климентий Самсонович объявил, что слово имеет член родительского комитета, депутат районного совета Атаманова Мария Потаповна. Она вышла на трибуну — высокая, плотная, чернобровая, грудастая, в борчатке нараспашку.

— Женщины! — начала Атаманова грубоватым, мужским голосом. — Чего вы молчите? Или боитесь обидеть дирекцию школы? Правды бояться не след! — Она взглянула на первую скамейку. — Я лично посоветовала бы завучу школы товарищу Агаповой купить очки...

Со всех сторон послышался хохот.

— Ай да Марья Потаповна!

— Чешет и в хвост, и в гриву!

— ... А почему очки, товарищи? Чтобы она видела, в чём причина, где овечка и где овчина.

Софья Ивановна, согнувшись, рассматривала свои пимы. Алтынцев удовлетворённо крикнул.

— «Неопытная Маргарита Васильевна, методику не знает.» Видите, куда они загнали! А сами-то, язвы их, знают эту методику? — Атаманова шлёпнула ладонью по трибуне. — Нет! Почему я говорю: нет? Да потому, что, ежели б знали, не сваливали бы с больной головы на здоровую. Не даром же она не пришла сюда, эта самая Нина Ермолаевна, писаная красавица.

Шум поднялся такой, что ничего нельзя было разобрать. Председателю кое-как удалось утихомирить разбушевавшиеся страсти.

— Она боится нос показать, боится отчитаться перед народом! Нет, товарищ директор и товарищ завуч, вы неправы оба, что затираете Маргариту Васильевну, бьёте её по рукам. Не затирать, а помогать надо. Методика! Вы вот знаете методику, Софья Ивановна, а по алгебре ваши три ученицы засыпались в медицинском-то! Как же это так? Давайте посмотрим, знает Маргарита Васильевна методику или нет. Она, Маргарита Васильевна, недавно приехала, а кого в школе дети любят больше всех? Марию Тимофеевну да Маргариту Васильевну!

— Правильно!

— Кого молодёжь села больше всех уважает из учителей? Есть у вас ещё такая, чтобы попевала везде: и в школе, и в клубе? Докладчица сослалась на Евдокию Яковлевну, что, дескать, у неё

только четыре двойки, а у Маргариты Васильевны сорок. А она, завуч, приняла во внимание, что Евдокия Яковлевна работает с этими детьми по второму и по третьему году? Ведь в прошлом-то году теперешние шестые и седьмые классы у неё же учились. А у Маргариты Васильевны наши дети учатся всего только два месяца с хвостиком. Может, у неё на тот год двоек и вовсе не будет, вы об этом подумали? Нет, дорогие товарищи дирекция Чернореченской неполной средней школы, Маргарита Васильевна — хорошая учительница, наша, народная, и дай бог побольше таких!

Вначале одиночные, а потом дружные взвихрились аплодисменты.

— Я считаю, товарищи, что надо записать в наш протокол: просить райОНО проверить работу Чернореченской школы...

— Правильно!

— А то они что-то чудить тут начали...

Мария Потаповна, платочком вытирая взмокший лоб, села за стол и наклонилась к Климентию Самсоновичу, который что-то шептал ей на ухо.

Атаманова расшевелила женщин. И все выступления были на одну тему — в защиту Маргариты Васильевны. Так уж водится на родительских собраниях: о чём первый оратор скажет, о том и пойдёт речь до тех пор, пока кто-нибудь не заденет другого вопроса.

Никогда Рита не переживала такого волнующего чувства. Это было чувство счастья, готовое излиться наружу слезами радости. Во всей полноте раскрылось ей великое значение её труда — скромного труда сельской учительницы. Народ не прошёл мимо, увидел её труд и по достоинству оценил. Эта оценка окрыляла и радовала её несказанно. И нелюдимый с виду Алтынцев, и дедушка с вопросом о четвёртых группах, и выступавшие после Атамановой, Лагашина, Журавлёва, Дронова — все стали с этой минуты удивительно близкими, родными людьми. И оттого, что эти простые люди даже через сорок двоек увидели её усердие, она ещё сильнее почувствовала, как необходима им, как ценна им своей бескорыстной любовью к детям. Ей сразу стало ясно, что она сделала для этих людей очень и очень мало, но что она сможет, сумеет сделать со временем много.

Последним говорил Климентий Самсонович.

— Я, так сказать, не буду повторяться. Докладчик уже правильно отметил, что решения партии по идеологическим вопросам учителями школы до сих пор не усвоены. Прочитали, «проработали», и успокоились, и считают, что всё в порядке. То-есть потопили, так сказать, и этот вопрос в болоте формализма.

Я хочу сказать, товарищи, что с тех пор, как ушёл от нас заведующий учебной частью Геннадий Семёнович, школа пошла вниз. Не думайте, что это случайно, что вот, мол, школа была на седьмом небе и вдруг — бац! — сорвалась на землю. Была пер-

ная, а теперь, наверно, двадцать первая. Случайного тут, товарищи, ничего нет. На чём базировались успехи нашей школы, её слава? На, так сказать, материальном достатке. Если бы в течение войны в нашей школе не было бы дров, окна были бы заколочены досками, а дети сидели бы на уроках в шубах, шапках и рукавицах, замёрзшие чернила разогревали бы за пазухой, то, конечно, никогда наша школа не занимала бы в районе первого места. Выходит, держала она первое место благодаря Роману Макаровичу. На мой взгляд, при Геннадии Семёновиче школа взяла бы первое место и теперь.

Председатель сельсовета заглянул в свои записи и потряс ими.

— Роман Макарович — руководитель, он единоначальник. По зачастую у них так: он завхоз, а Софья Ивановна — и директор, и завуч, двуличная!

— Что верно, то верно! — донеслось из зала.

— Правильно я говорю? Правильно! Поэтому я хочу бросить упрёк и всем учителям: нет у вас коллектива, он у вас только на словах. Если был бы у вас, так сказать, дружный, сплочённый коллектив, вы бы не дали возможности заклевать Маргариту Вильямовну. Нельзя жить по-старинке: моя хата с краю, я ничего не знаю. Этак все погореть можем. Мне вспоминаются по этому поводу два случая. Вы уж извините, что я задерживаю перерыв.

— Говори, Клим Самсоныч!

— Не к спеху нам.

— Так вот, товарищи... Первый случай произошёл ещё до коллективизации, когда мы жили единолично. Загорелось наше Черноречье. Как оно загорелось, бог его знает. Наверно, по пьяной лавочке кто-нибудь обронил сигарку в сено или в солому, а был праздник — Петров день. Село загорелось с краю. Ударили в набат (тогда ещё церковь была). Казалось, что тут хитрого — потушить пожар? Ведь парод весь дома. Так нет же! На каждой крыше сидит хозяин с ведром воды и веником: искорка долетит до него, он её окропит и потушит. А когда соседняя крыша занимается и кропить становится уже невмочь, он сползает вниз и начинает выгружать из избы шмутки, а бабы в это время бегают вокруг избы с иконой. И что же вы думаете? Всё село сгорело дочиста!

— Помнится мне это пожарище, — оживился старик, который требовал, чтобы скорее писали новые учебники.

— Второй случай был в 1934 году, когда наши колхозы уже окрепли. Тоже Черноречье опять загорелось. Я на пашне был в тот час, километров за шесть. Смотрю, пылает наше село. Эх, думаю, опять сметёт красный петух всё подчистую. Вскочил на коня и помчался. И что ж вы думаете? Пока ехал, пожар без меня потушили, из соседних сёл уже примчались на помощь пять пожарных машин, но опоздали — управились чернореченцы своими силами до них. Вот, думаю, где оно наше преимущество: в коллективе. В коллективе сила, товарищи! Поэтому надо жить жизнью

коллектива, радоваться его радостями. А в нашей школе дружного коллектива учителей как раз и нет. Там до сих пор почти все единоличники, всякий живёт сам собою. А разве этому учит нас партия? Один за всех и все за одного — вот как надо! Нет у нас большие хаты с краю, так надо понимать каждому. Под одной крышей живём, под советской. В самой серёдке, в самом, так сказать, центре стоит наша хата.

Собрание одобрительно загудело.

— Товарищи! Я считаю, что мы, родители, не ошибёмся, если скажем, что наша школа в первой четверти учебного года в целом работала плохо, что она оторвалась от жизни, послевоенным энтузиазмом в ней почти и не пахнет. Правильно я говорю, товарищи?

— Правильно, Клим Самсоныч!

На трибуну вышел Роман Макарович, низенький, грузный, в рубашке-косоворотке, перетянутой голубым пояском с кистями. Он долго переминался с ноги на ногу и даже крикнул, прежде чем заговорить.

Речь его была краткой. Вспомнив, какой была школа в 1933 году, когда он сюда приехал, и какой она стала теперь, воздав должное родителям за их помощь и упомянув добрым словом Геннадия Семёновича, он обрушился на Софью Ивановну.

— Шум, треск, дым, блеск, а на деле — одна видимость, один мираж, сплошной маникюр...

По залу прокатилась волна хохота.

— Но, товарищи, как ни смешно, а плакать приходится в первую очередь мне. Прав Климентий Самсонович: товарищ Агапова у нас зачастую и завуч, и директор. В этом огромная моя вина. Я единоначальник, но возжи передал целиком завучу. И поскольку я не сумел обеспечить правильного руководства, то должен снять с себя возложенные на меня обязанности директора и уступить дорогу более способному педагогу.

Из зала послышались неодобрительные возгласы.

18.

Была перемена, когда вороная, монгольской породы, лошадка райОНО появилась во дворе Чернореченской школы. Ефимовна, знавшая наперечёт всё районное начальство, первая заметила приезд нежданного гостя. Забыв о своих пятидесяти годах и о том, что по школе бегать запрещено, она вихрем преодолела два пролёта лестницы, ворвалась в учительскую, громко сообщила:

— К нам кто-то приехал!

Из учительской она бросилась вниз — предупредить директора. Но Роман Макарович, без пальто и без шапки, уже стоял на крыльце.

Оставив лошадь на попечение школьного конюха, Павел Александрович вылез из кошовки и заспешил к крыльцу, придерживая портфель и путаясь в волочившихся по снегу полах чёрного тулупа.

Заведующий райОНО на ходу сказал директору «Здравствуйте» и, не задерживаясь, побрякивая от мороза, прошёл в зал. Осмотрелся, увидел на двери табличку «Директор», вошёл в кабинет.

Наказав Ефимовне, чтобы она немедленно подтопила камелёк в директорской, Роман Макарович вошёл вслед за начальником. Уже раздевшись, Павел Александрович обнимал чёрную голландку, то и дело потирая руки и лысину.

— Каков морозец, Павел Александрович, а? — Поеживаясь и несмело улыбаясь, директор остановился в дверях, сисясь угадать, намерен ли заведующий подать ему руку.

— Вы что ж это, Роман Макарович, не бережётесь? Раздетым, без шапки выходите на улицу... — Заведующий протянул обе руки и, сжав пухлую ладонь директора, от всего сердца потряс.

— Утром, когда отправлялся к вам, было тридцать три.

Роман Макарович посмотрел за окно и доложил:

— Сейчас двадцать семь!

— У вас тоже имеется термометр? — Павел Александрович подошёл к окну, за которым с улицы прикреплён градусник.

— А как же? Вы спросите, чего у нас нет!

Но заведующий райОНО не поддержал разговора о хозяйственных успехах школы.

— Который урок начнётся? — спросил он, заслышав звонок.

— Пятый, — ответил Роман Макарович.

— Так, так, — читал Павел Александрович расписание, прибитое к стене. — Русский язык в пятом «Б». Кто ведёт?

— Синицына.

— Отлично! К ней и пойдём. — Павел Александрович раскрыл свой пузатый портфель и достал тетрадку.

— Завтра, Павел Александрович! С дороги прежде всего отогреться надо, пообедать.

— Зачем же откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня? — Заведующий надевал очки. — Тем более, сейчас в моих руках такой важный козырь, как неожиданность, которой завтра уже не будет. Так? — Улыбаясь, он посмотрел на Романа Макаровича.

Они поднялись на второй этаж — в учительскую. О приезде заведующего райОНО знали все. Уже слышали также, что новый заведующий, бывая в школах, любит посещать уроки, что в методических вопросах он довольно сведущ, к тому же строг и взыскателен.

Павел Александрович учтиво раскланялся направо и налево и вопросительно посмотрел на директора. Роман Макарович понял его.

— Маргарита Васильевна, — обратился он к Рите, стоявшей с классным журналом в руке, — мы к вам на урок.

— Пожалуйста! — с живостью ответила Рита.

— И вы с нами. — Роман Макарович поднял глаза на Софью Ивановну, которая у окна чистила свои ногти.

Сдвинув сползшие очки на переносье, Павел Александрович взгляделся в Риту, что-то припоминая.

— Ну, товарищ Синицына, ведите.

Спускаясь по лестнице на первый этаж, Рита ощутила приятное волнение, какое переживает перед ответственным экзаменом человек, уверенный в своих силах. С охалкой тетрадей и свёртков она шагала грудью вперёд, как на параде.

Ученики, встав, с любопытством смотрели на лысого, очкастого дядю. Павел Александрович прошёл к столу, сказал «Здравствуйте, дети» и сел на стул, предусмотрительно подставленный учительницей. Вскоре он углубился в чтение ученических тетрадей. Директор и завуч сели на задних партах, потеснив учеников. Роман Макарович взял у одного из них тетрадку и стал перелистывать. Почти на каждой странице — чёткие надписи красными чернилами: «Ты можешь писать лучше». «Всё перепутал». «Изложено живо и красиво, но с грубыми ошибками в орфографии». «На подчеркнутые слова придумай предложения». «Перепиши без ошибок и завтра покажи мне».

Положив тетради и свёртки на стол, Рита раскрыла классный журнал и взглянула на стоящую в задних рядах девочку.

— Отсутствующих нет, — доложила дежурная.

— Садись, — сказала учительница. — Хорошо.

Рита начала урок.

— Ребята, сначала поупражняемся устно. Я буду называть слова, а вы называйте в этих словах ударные слоги.

Ученики насторожились, ожидая одно из любимых упражнений. У большинства руки нацелены вверх, остальные выжидают — ответов наугад учительница не любит.

— Ленинград.

— Град! — выпалил ученик, которому Маргарита Васильевна кивнула головой: дети приучены узнавать по глазам учительницы, кого она желает спросить. Для этого, взглянув на кого-либо, она чуть-чуть приподнимает брови.

— Большевикский.

— Ви!

— Социалистический!

— Ти!

— Директор.

— Рек!

— Председатель.

— Да!

Павел Александрович, удовлетворённо улыбаясь, записал в блокноте: «Хороший метод борьбы с ошибками на безударные гласные. Логично: чтобы изжить подобные ошибки, ученик должен уметь делать безударный слог ударным. Для этого, прежде всего, ему следует уметь быстро находить ударный слог в любом слове. Педкабинету — распространить этот приём».

— У вас будут вопросы, Павел Александрович? — спросила Рита.

— Нет. Продолжайте, Маргарита Васильевна.

— Хорошо, ребята. — Рита прошла к столу. — Молодцы! Пойдём дальше. Сегодня мы начнём изучать имя существительное. Вы уже знаете, что это за часть речи, но в пятом классе она проходит более углублённо, как говорится, фундаментально, основательно. Итак, вначале вспомним, что называется именем существительным?

Поднялось несколько рук.

— Витя.

Неуклюжий черноглазый мальчик встал.

— Именем существительным называется часть речи, которая обозначает предмет. Например: «Наш колхоз купил автомашину». Здесь именами существительными являются предметы: колхоз и автомашина.

— Молодец, Витя, садись. Ребята, Витя сказал, что колхоз — это предмет. Правильно?

— Правильно!

— Неправильно! — подняла руку девочка с длинными косами.

— Скажи, Таня.

— Колхоз — это не предмет, а коллективное хозяйство.

Павел Александрович весело посмотрел на Таню.

— Значит, Таня, по-твоему, колхоз — не имя существительное?

— Существительное, но только не предмет.

— Выходит, ты не согласна, что существительным называется часть речи, обозначающая предмет?

— Согласна, — смущённо сказала запутавшаяся Таня.

— А почему же не согласна с Витей? Можно сказать так: «Колхоз — это предмет ненависти всех эксплуататоров»?

— Можно! — с радостью подхватили дети.

— Стало быть, предметом в грамматике называется не только то, что можно увидеть, услышать, потрогать, попробовать на вкус и так далее, но и всё другое, что отвечает на вопросы: кто это или что это?

Рита развернула одну из таблиц с речкой и бечёвкой сверху, повесила на гвоздик у классной доски. На таблице — вертикальный ряд существительных.

— Что это? — показав карандашом на первое слово в таблице, спросила Маргарита Васильевна.

— Гроза, — хором ответил класс.

— А что такое гроза, Ира?

— Явление природы.

Учительница вошла в азарт. Раскраспевшись, она то выходила на середину класса, то возвращалась к доске, то показывала рукой на далёко сидящего ученика, ответ которого желала услышать, то протягивала руку с карандашом к таблице. Голос её звучал уверенно. Иногда Маргарита Васильевна вместе с классом звонко смеялась своей удачной шутке.

Павел Александрович записывал: «Ведёт урок с огоньком, вдохновенно. Материал преподносит не формально-догматически, а исподволь, учащиеся незаметно подводятся к нужному выводу. Урок заострён идейно-политически».

После звонка все четверо пришли в директорскую. Рита посмотрела на себя в зеркало: красная, как кумач. Павел Александрович, садясь в кресло директора, спросил:

— Ваши замечания по уроку, Роман Макарович?

Роман Макарович нахмурился, соображая.

— Урок мне понравился. Плохого ничего не скажешь.

— Скажите хорошее.

Роман Макарович замаялся, развёл руками.

— По-моему, весь урок хороший, методически построен правильно, проведён энергично.

Софья Ивановна стояла около топившегося камелька, грела руки с ярко-накрашенными ногтями.

— Урок неплохой, — сказала она. — В целом, конечно. Отдельные мелкие недостатки были, но, как говорится, они не играют роли...

— Какие же? — Павел Александрович взялся за карандаш, но услышав о пальцах, которыми учительница «тыкала» в учащихся, не стал записывать. Посмотрел на стопу тетрадей, принесённых Ритой, раскрывая одну из них, спросил:

— Каждый день проверяете?

— Каждый, — кивнула головой учительница.

— А сколько всего?

— Семьдесят.

— Когда же вы учитесь заочно?

— Успеваю, Павел Александрович, — улыбнулась Рита.

— Чем же объяснить такую низкую успеваемость по вашему предмету, товарищ Синицын? — не отрываясь от тетради, спросил Павел Александрович.

«Значит, он не получил моего письма, — подумала она. — Приехал проверять меня, встревоженный обилием двоек».

Украдкой взглянув на неё, заведующий райОНО ободрил:

— Мне кажется, тут не только ваша вина. Есть, вероятно, и другие причины?

— Не знаю, Павел Александрович. — Рита взглянула на директора школы и завуча. — Скорее всего, причины заключаются во мне.

— Судя по вашему уроку, этого нельзя сказать. Да вот и тетради говорят о другом. — Павел Александрович подал по тетрадке директору и завучу.

Софья Ивановна сослалась на молодость и неопытность учительницы, в качестве доказательства привела пример высокой успеваемости учащихся у Евдокии Яковлевны. Тогда Павел Александрович извлёк из туго набитого портфеля прошлогодние экзаменационные работы четырёхклассников и молча разложил бумаги на столу.

— Ошибки пропущены злоумышленно, с целью очковтирательства, — жестом окинул он своеобразную скатерть, разрисованную красным карандашом. — Признаетесь в этом грехе, товарищ завуч?

Софья Ивановна пристально разглядывала ученические работы, лицо её стало тёмно-красным.

— Не знаю, как они пропущены, но я этого не заметила, — всё ещё не сдавалась она. — Учителя поставили количество ошибок. Я руководствовалась только этими цифрами, не проверяя работ.

— Кто же за вас проверять обязан, я? — воскликнул Павел Александрович. — Вызывайте прошлогоднюю учительницу четвёртого класса.

Явилась Нина Ермолаевна.

— Вилять тут, конечно, нечего, — сказала она упавшим голосом. — Втёрли мы очки на-пару с Софьей Ивановной. Надо было как-то вытягивать учащихся, а другого выхода мы не нашли.

— Разговор будет большой, — сказал Павел Александрович, отпустив Нину Ермолаевну и завуча. — На будущий учебный год, Роман Макарович, Чернореченская школа развёртывается в среднюю. Уже есть решение райисполкома. Исходя из этого, надо составлять и смету на новый бюджетный год. По штату у вас будет заместитель директора по административно-хозяйственной части, библиотекарь, старший пионервожатый, бухгалтер, делопроизводитель, электромонтёр, десять техников. Вам — все козыри. Но много с вас и спросится. Понимаете?

— Понимаю, Павел Александрович...

Заведующий райОНО легонько хлопнул по столу рукой.

— Ну, ладно. Сделаем пока обеденный перерыв. Чайная у вас есть?

— Есть, — заторопился Роман Макарович, вставая. — Но чего же вы пойдёте в чайную? Обед готов и ждёт вас.

— Идѣте ко мне обедать, Павел Александрович, — улыбнулась Рита.

— Видите, Роман Макарович, девушка приглашает! Разве можно отказать девушке? — засмеялся Павел Александрович. — Д шучу. Пойду в чайную. Где она, расскажите.

— Я провожу вас, — встала Рита. — Чайная рядом с моей квартирой.

У выхода из школы их встретил Сергей. Он пригласил Павла Александровича обедать к себе. Заведующий райОНО, имея в виду беседу с Ореховым, согласился. Сергей пригласил и Риту.

— Пора вам узнать, где я живу, — шутливо сказал Сергей. — Ведь скоро, в День артиллерии, вы должны прийти ко мне на вечер. Не раздумали, надеюсь?

— Конечно нет. Что за вопрос! — сияя глазами, ответила Рита.

Они шли втроем по широкой заснеженной улице. Сергей разговаривал с Павлом Александровичем. Рита переживала события этого дня, все подробности урока, на котором был заведующий райОНО, вспоминала его ободряющие слова. Сегодня надо написать маме. «Счастливой работы, Ритуся...» «Продолжайте, Маргарита Васильевна...»

РАЗВЕДКА

Разведкой мирною идем
Таёжною тропой.
Мы всё равно его найдём,
Тог слиток золотой.

Мы в битвах брали рубежи,
И нет для нас преград.
Идём, где горные кряжи
Богатства недр таят.

Бокситы, золото, нефрит,
Рубины и вольфрам —
Возьмём, коль Родина велит.
Здесь всё подвластно нам.

Вперёд и только лишь вперёд
По складкам хмурых скал.
Упорство, дерзость и расчёт
В нас Сталин воспитал.

НА ЛЕСОСЕКЕ

И песни пил, и пенье ветра
Слились в один весёлый хор.
Деревья толщиной в полметра
Упорно пробует топор.

Шумит всей зимней чашей хвоя,
Встревожена, напряжена,
Когда на снег, скрипя и воя,
С размаху падает сосна.

И в штабеля ложатся ровню,
Поблескивая белизной.

Смолистые, литые брёвна,
Чтоб стать стропилами весной.

Гудит, звенит тайга густая,
И вырастают штабеля
В бесценный дар людей Алтая
Тебе, советская земля.

П Е С Н Я

Шумят над Катунью осины
И ветры в ущельях поют.
Потоком машины, машины
По Чуйскому тракту идут.

До синего неба взлетают
Зубчатые шпильки хребтов,
Гремят водопады Алтая
Могучею песней без слов.

Повсюду — от края до края —
Стальные гудят провода,
По бархатным склонам Алтая
Колхозные бродят стада.

Пшениц золотые разливы,
Аллеи фруктовых садов
И реки шумят говорливо
Весёлою песней без слов.

ШАХМАТЫ

Рассказ

Приятно сознавать, что тебе доверили важное дело, что идёт оно хорошо, что ты неплохой работник. Ещё приятнее, когда говорят об этом другие, ставят тебя в пример, как делового и честного труженика. Хорош этот обычай у нас — поднимать передовых людей на щит...

Так думал Фёдор Петрович, полевой бригадир, возвращаясь с заседания правления. Там обсуждались вопросы о работе звеньев высокого урожая, о маточном поголовье и сохранении молодняка, о подготовке к посевной, короче говоря, обсуждалась, почти вся жизнь колхоза. Бригада Фёдора Петровича передовая, о ней говорили только хорошее, и бригадир шёл домой с сознанием некоторого превосходства, похвала чуточку щекотала его тщеславие.

Морозный январский воздух, яркие электрические огни в домах, звёздное небо и весёлый смех молодёжи на крыльце клуба, — всё гармонировало с настроением бригадира. И, конечно же, в таком настроении он не мог не завернуть в клуб «на одну партию». (Фёдор Петрович имел пристрастие к «шахматисткам»). Впрочем, он только загадывал «на одну партию», а потом, начиная играть, увлекался и забывал это условие, просиживал над доской до тех пор, пока зав. клубом не умолял кончать «сейчас же, потому что надо закрывать клуб».

Не обращая внимания на танцующие пары, Фёдор Петрович сразу подошёл к столу с газетами и журналами. Здесь всяк находил себе занятие по душе: читал, играл в домино, в шашки, в шахматы. Как раз один из шахматистов, тракторист Григорий, вылез из-за стола; перед Григорием стояла Зоя, Зойка Голубкова, и настойчиво звала его на вальс.

— Дались тебе эти игрушки! — говорила она, озаряясь улыбкой. (Фёдор Петрович обратил на Зойку удивлённый взгляд, как будто теперь только увидел, что она хороша собой). — Все ребята как ребята, танцуют, веселятся, а он голову ломает... Лысым станешь, кому ты тогда поглядишься? — И Зойка рассыпала по клубу серебряный хохот, блеснула хитровато-задорными глазами.

— Ну, кто за меня? — громко спросил Григорий. — Может, вы, Фёдор Петрович?

— Да с кем же? Нету врага мне, не вижу...

— А вот с Ванюшкой!

Напротив Фёдора Петровича, за шахматной доской, сидел мальчишка лет пятнадцати, Ванюшка Зайков, помощник конюха первой бригады.

— Да он, поди, не подходящ для меня... Мал. Ты с ним играл?

— С ним...

— Идём же ты скорее, — нетерпеливо настаивала Зойка. — Самый любимый вальс мой... — Она потянула Григория за руку, и вскоре они закружились в танце.

Фёдор Петрович ждал, что Ванюшка, этот сверчок с носом-пуговицей, сочтёт за нужное отказаться от игры с бригадиром, с человеком почтенных лет и уважаемых дел. Но Ванюшка даже не подумал об этом. Не выразив никакого смущения и тем более желания отказаться, он молчаливо сделал первый ход.

«Поди ж ты, каков наглец!» — подумал Фёдор Петрович, загадывая поставить Ванюшке непременно детский мат, приучить его уважать старших.

Играл бригадир смело, но детский мат не получался. Произнеся своё загадочное «да-а-а», Фёдор Петрович нахмурился и насторожился, из-под густых седеющих бровей недружелюбно взглянул на Ванюшку, боясь увидеть курносенькое лицо ехидно улыбающимся. Но худшие ожидания эти не оправдались: лицо Ванюшки было сосредоточенным и серьёзным.

— Ваш ход, — напомнил юный шахматист Фёдору Петровичу.

«Ах ты, козявка!.. Ещё указывать смеет, — в сердцах думал Фёдор Петрович. — Посмотрим, как ты в бригаде заговоришь со мной!» Фёдор Петрович знал, что в бригаде Ванюшка трудится старательно, слушается конюха, но теперь ему было почему-то приятнее толковать факты превратно. — «Ещё поглядим, как ты на десятом ходу запоёшь...» — Он решил во что бы то ни стало выиграть партию на десятом ходу.

Игра развивалась неспеша. Преимущества пока ни у кого не было, но Фёдор Петрович уже несколько раз произносил своё загадочное «да-а-а» и, — что заметил Ванюшка, — начал сопровождать его постукиванием пальцев о крышку стола. Фёдор Петрович почувствовал себя вспотевшим, лицо его горело.

— Ваш ход, — пискляво напоминал невозмутимый Ванюшка. — Конь под угрозой...

«Ах ты, суконный сын... Ваш ход, ваш ход! Только и знаешь. Конь под угрозой! А сам коней поишь не по часам, выстонку нужную им не даёшь», — всё более раздражался бригадир.

Думая над ответным ходом, он долго морщил лоб, стучал раздвинутыми пальцами по столу, прежде чем понял, что коню никакого выхода нет.

— Бери уж, бери! — Фёдор Петрович хотел сказать эти слова победно-снисходительно, — будто бы дарит Ванюшке коня потому, что не считает это большим проигрышем и вполне ещё наверстает упущенное, — но в голосе прозвучало страдание. «Цыплят по осени считают» — ухватился Фёдор Петрович за последнюю соломинку, чтобы поддержать своё упавшее настроение. — «По осени их считают...»

Между тем за спиной у Фёдора Петровича появился Сёмка, известный деревенский артист. Сёмка не пропускал ни одной постановки, чтобы не играть в ней. Он исполнял комические роли. Многим попадало от него и на концертах, где он выступал со своими частушками на темы дня. Остёр парень на язык.

— Обратал коня! Молодец, Ванюшка! — закричал Сёмка на весь клуб.

«Черти тебя поднесли!» — Слова эти едва не слетели с языка почтенного бригадира. Фёдор Петрович хотел сказать Сёмке, тому Сёмке, которого он не раз и ругал, и хвалил, ибо Сёмка в его бригаде работает, — хотел сказать ему два слова — «отойди, не мешай», — и не мог.

Ещё было сделано несколько ходов. И тут Фёдор Петрович с ужасом обнаружил, что его королевский фланг со всех сторон атакован и вот-вот рухнет, а ферзь, «главнокомандующий», оказался оторванным от своих войск и окружённым солдатами, офицерами, конницей и артиллерией Ванюшки.

— Ферзь попал в плен! — жестоко, насмешливо и уж очень горласто, как показалось бригадиру, возвестил Сёмка.

Фёдор Петрович снова украдкой взглянул на противника. На лице Ванюшки не было даже намёка на улыбку. Только глаза, безбровые, открытые, чуточку округлились, смотрели взволнованно и упрямо, — Ванюшка шёл в последнюю атаку.

К столу приблизилось ещё несколько человек, и для Фёдора Петровича началось публичное избиение, потому что каждый комментарий болельщиков, будто грязный веник по лицу, хлестал по самолюбию бригадира.

— А король-то у Фёдора Петровича—того... перед свержением...

— Его королевское величество концы богу отдаёт...

— Сложить бы ему полномочия, как Чан-Кай-ши.

Такие же насмешливые и обидные слова отпускались по адресу единственного теперь у Фёдора Петровича коня. То он «захромал», то «ленив стал», то «ослеп, не видит, куда итти». Молодёжь словно забыла, что за шахматной доской сидит человек почтенный и уважаемый.

Фёдор Петрович уже не произносил своё загадочно-задумчивое «да-а-а», на лице его лежала печать досады и страдания. Но он всё-таки нашёл в себе силы разорвать тягостно-напряжённую атмосферу игры:

— Признаю... Некогда мне, пойду.

Вылез из-за стола и пошёл, поёживаясь, чувствуя, что в спину ему вонзаются насмешливые взгляды. Бригадир наступил на ногу

какой-то девушке, забыл извиниться, широко распахнул двери клуба, изо всей силы стукнул ими, и, только оказавшись на улице, глубоко вздохнул:

— Да-а-а...

Жена, подавая ужин, обратила внимание на его печальную безмолвность. Ел он явно без аппетита, смотрел не на еду, а всё куда-то в одну точку перед собой.

— Опять, видно, проштрафился... Ругали?

Фёдор Петрович смолчал.

— Сами не знают, за что нападения строят... Ругать-то тебя совсем не за что. Бригаду ведёшь не хуже других... (Жена знала как угодить мужу). — Семена обработаны, лошади в теле, шитов и «снегурок» на всём поле понаставлено...

— Не в ногу иду, Груня, — произнёс, наконец, Фёдор Петрович.

— Вот оно что... — сожалеюще, неопределённо ответила жена, смутно догадываясь, что такое «не в ногу».

«Таков-то он, этот Ванюшка... — думал Фёдор Петрович, ложась спать. — Действует... Смышлён, цепок. И как это раньше я об нём не подумал? В звено его надо. Семикласску парень прошёл, грамота есть... Книжки про агротехнику будет читать, народу рассказывать, а через годок-два и звеньевым поставим... А я не в ногу иду. Отстаю... Читать бы надо поболее, чтоб сраму ещё не нажать, какой ныне поимел... Надо, надо учиться...»

Рано утром Фёдор Петрович зашёл в конюшню. Ванюшка Зайков только что пригнал лошадей с водопоя и теперь задавал им корм.

— Не вали, не вали под ноги, — предостерёг бригадир.

— Я подберу, Фёдор Петрович. У меня чистота, как в чайной-закусочной. Сами хвалили недавно...

Но бригадир сделал замечание только затем, чтобы заговорить с Ванюшкой.

— Ты вот что, Ванёк... Вечерком, при огне, ко мне заглянь. У меня дело к тебе, и важное дело...

— Хорошо, зайду. Как лошадей вечером управляю, так и прибегу. Мигом.

— Да шахматинки не забудь, слышишь? После дела-то они кстати окажутся...

КОМСОМОЛЬЦЫ

Делегатам IV краевой комсомольской конференции

Смех и песни в том весёлом здании,
Где у комсомольцев заседание.
Видишь: отряхнув пальто от снега,
С шумом входит юность боевая —
Лучшие товарищи Олега,
Воины подруги на Алтае.
Первое в работе и веселье,
Молодое сталинское племя,
Что спешит, перегоняя время,
В коммунизм попасть на новоселье;
Что в колхозе, в школе, на заводе,
Как в бою, с победой дружбу водят —
Славные ребята и девчата —
В будущее наши делегаты.

СОК ЗЕМЛИ

Стебель нежен, тонок да высок,
А на нём — гранёный колосок.
Он открыт, доступен всем ветрам,
Ранним заморозкам по утрам.
Как слеза, роса с него течёт,
Дождь его неистово сечёт.
Гром гремит, и, молнией грозя,
Тёмная проносится гроза.
Но, от ста смертей на волосок,
Всё растёт, всё крепнет колосок.
Я бродил в родном краю пшениц,
По полям, которым нет границ.
Я колосья спелые спросил:
— Как росли вы, где набрали сил?
И они сказали: — Мы нашли
Силы в соках матери-земли.
Нет того богатыря сильней,
Кто навек корнями связан с ней,
Кто взращён на подвиг трудовой
Соком Родины — земли родной.

СТРОИТЕЛИ

Заря — жар-птицей над полями,
Даль, как умытая, чиста.
Поёт над площадью динамик,
А на заборах — кочета.

А по тропе, где, словно пена,
Трава от ипея бела,
Идут строители степенно
Широкой улицей села.

Их топоры, в руках сверкая,
Омыты краской зоревой;
Упругая пила большая
Блестит, как рыба чешуёй.

За эти вот дома-красавцы,
Где по стенам смола течёт,
Певучим словом — домоставцы —
Назвал строителей народ.

Сроднилось плотничье дело
В труде с колхозною мечтой,
И доблесть их над крышей белой
Взлетела красною звездой.

В цветах решётка палисада,
Как у гармоники меха...
И клуб, приветствуя бригаду,
Крылатым флагом замахал.

Блеснуло солнце позолотой
По многострунным проводам.
На них скворцы — живые ноты —
Возносят славу мастерам.

А с новостройки, с той, где крыша
Белеет в небе голубом, —
«А ну возьмёмся. Раз, два — выше!» —
Призыв несётся над селом.

Бояринцев и его колодцы

Горный Алтай напоминал Фёдору Бояринцеву Урал, урочище Медной Скалы. Куминские и Карагольские белки, затаившая Кайнарты с зубами и башнями, высокая вершина Адагана, зелёно-лиловые волны хвойных и лиственных лесов, радужная пена папоротников, мытников и писнов — всё, что теперь окружало юношу, было волнующе похоже на уральскую природу.

Отец Фёдора прожил на Урале большую часть своей жизни. Старик часто «баловал» сына чудесными уральскими сказками, и впечатлительная душа мальчика глубоко впитала народную мудрость и мечту, воплощённую в чудесно-яркие художественные образы.

...Из Медной Скалы стекали в долину прозрачные, серебрино-сверкающие рудники. И нигде в округе не было такой чистой, свежо-прохладной воды. Кто бы ни проходил, кто бы ни проезжал по этим местам — не миновать ему урочища Медной Скалы; останавливался он у ручья. Чтобы испить «горной водицы».

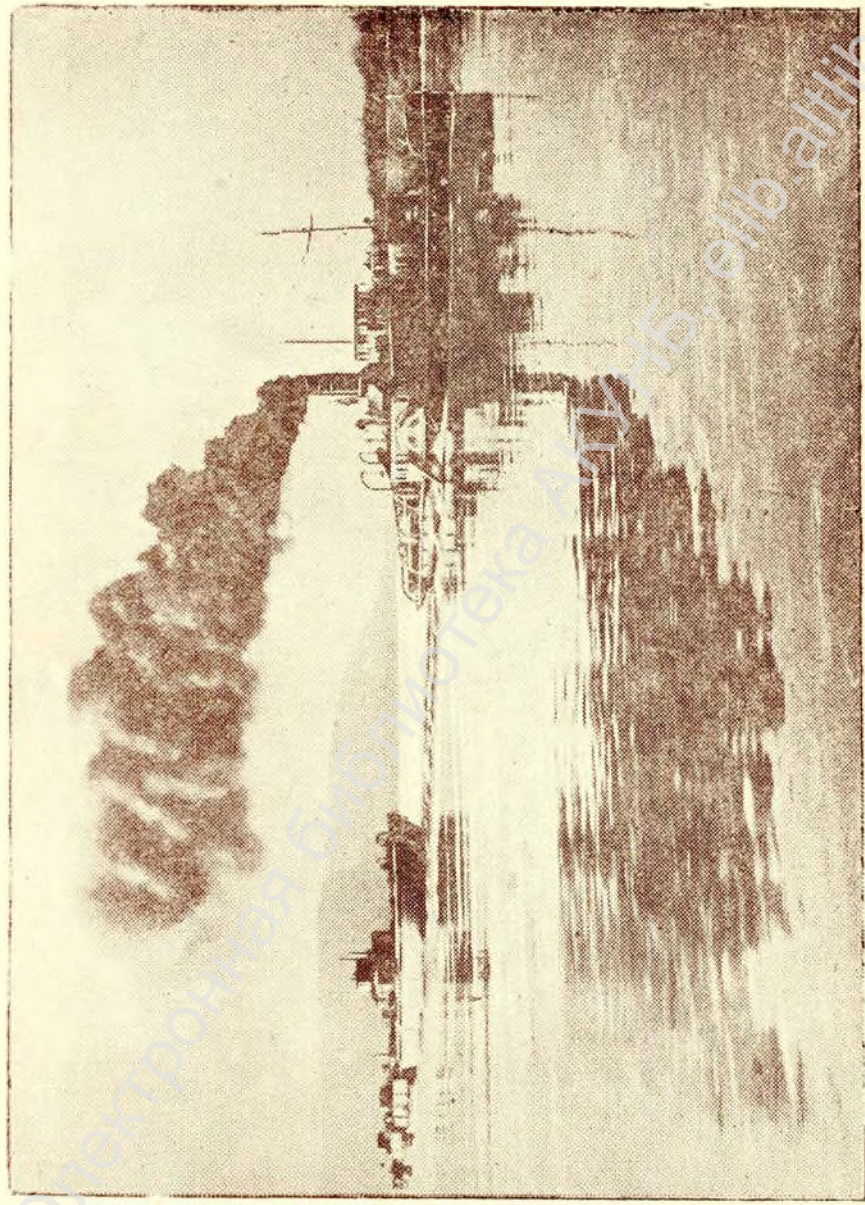
Сочилась вода прямо из скалы, капля за каплей... Сначала капли-бусинки пропадали в расщелинах. И только ниже скалы, из-под корней лохматых лиственниц, вдруг вырывались там и тут игривые ручейки. Журча, устремлялись они в долину...

На памяти отцов и дедов в рудничных посёлках колодцев не было. Правда, люди копали их, но и «копанках» воды не оказывалось. Целодалёку плещутся живые родники, всюду под землёй, казалось бы, играет вода, а копать не копать, воды не найдёшь!

И родилась в те давние времена легенда о родниках Медной Скалы...

«Жил одиноко в урочище кержак, твёрдо держался своей веры. Как он тут поселился, чем занимался, теперь уже никто не знает. А выросла у него дочь дивной красоты. Сравнить её, говорят, не с кем было. Что там в книжках да в сказках царевны распрекрасные! Молодая кержачка во стократ лучезарнее.

Цвела она, родителям на радость, и горя не знала. А горе-то к ней шло, подбиралось, как рысь, через леса дремучие, как змея, через камни острые, как жаба, через болота вапниче. Приехал, значат, на Урал дарский вельможа. Неизвестно каким путём прознал он про те звонкие ключи Медной Скалы, дьявол что ли его патакал, только нагрянул вельможа в урочище. Понятно, сразу приметил красоту, и порешил: Увезу! А того не думал вельможа: мил ли он сердцу девушки?

НА АЛТАЕ

Красива и многоводна великая сибирская река Обь. День и ночь идут по ней пароходы.

Фото Н. Калининга.

Что поделаешь с таким гостем? От царя!

Нежданно-негаданно беда лихая в дом вошла. Потяпулясь дуп тяжкие, почти бессонные... Горячими слезами девица обливается. И слышит она как-то почью ласковый женский голос: «Приходи ко мне, милая, укрою я тебя от злодея!» Каждую ночь голос тот повторяется.

Дочь отцу об этом подала. «Судьба наша! — просиял батюшка. — Иди, доченька...»

Тёмной ночью пошли они вместе на этот голос, до самой вершины Медной Скалы поднялись, и тут потерял кержак свою любимицу. Искать — не отыскивается, звать — не отзывается... До солнца просидел старик на скале, а дочка всё нет! А когда лучи ушли с небес, видит кержак: отовсюду из скалы вода по капле сочится, чистая, блестящая вода... Понял старик, что это слёзы дочери его, что завела её в свои пенцеры навечно хозяйка Медной скалы...»

У Фёдора — страсть к легендам и сказам. На Алтае он записал легенду о пороге Тельдекмень, где буйная Катунь закована в чёрные скалы, образующие как-бы прорезанный сверху капал длиной до трёхсот метров. Река несётся по нему с бешеной быстротой, неукротимо бьётся о гранитные мысы, неистово пенится. Своей формой порог напоминает незавершённый мост. Алтайская легенда повествует о том, что этот мост начинали строить горные богатыри, искавшие любви голубоглазой Катунь. Построить этот мост просила их сама красавица Катунь, мечтавшая пройти в горы, где охотился её возлюбленный. Но горные богатыри поставили условие: когда будет достроен мост, тогда Катунь должна выйти замуж по жребию за одного из них. Красавица не пожелала изменить возлюбленному. Богатыри пытались взять её силой. Тогда непокорная девушка бросилась в реку...

Фёдор Боярицев недолгу проставал на берегу стремительной Катунь за скалами Бельтер-Обка, где река, перегородженная камнями и вспененная, бурно спадает в степь Ак-Кая. Ещё чаще он ходил на Чемал, приток Катунь, и любовался его кристальными струями.

Странно, думал Фёдор Боярицев, что все легенды, связанные с водой, трагичны. Да, собственно, и в реальной-то жизни до революции вода не была для народа источником счастья.

Фёдор сидит с товарищем под кустами пахучей, обрызганной молочным кленом, черёмухи. Они любят причудливый Чемалом, и каждый думает о том, что он будет делать после школы.

Есть наука-гидротехника, при помощи которой человек может разумно управлять и управляет водной стихией. Эта наука возникла в России, она является созданием творческого ума русских изобретателей. Знаменитым гидротехником, построившим плотину и горнодобывающие машины с использованием энергии воды, был Козьма Фролов, уральский умелец, проведший свою жизнь на рудниках Алтая. Жаль, что судьба великого гидротехника, стремившегося повелевать водой, но жившего в проклятое царское время, была также трагична, как судьба девушки из урочища Медной Скалы, как судьба алтайской красавицы Катунь...

При советской власти могучим, всесильным хозяином жизни стал трудовой народ. Вода превращается теперь в средство созидания, в источник преобразующей деятельности человека.

Взгляд карих глаз Федора Бояринцева из-под густых бровей устремлен в горы. На высоком лбу его возникли упрямые складки. Он встал, стройный, мускулистый, и произнёс, как вывод из своих размышлений:

— Я хочу стать инженером-гидротехником, Сергей!

С этого дня Фёдор сильнее мечтал о том недалёком времени, когда вода окончательно спасёт поля от страшных засухов, умножит плодородие земли, поможет человеку украсить свою жизнь дивными рощами, садами, растениями. Тогда, говорил он себе, родятся легенды о животворности воды, о счастье и красотах, которые несёт она человеку...

*

Юноше не сразу удалось осуществить свою мечту. У многочисленной семьи Бояринцевых не было необходимых средств для того, чтобы отправить Фёдора учиться в институт. Но Фёдор не отступил от своего решения. Он не пошёл работать в первое появившееся учреждение или предприятие, — любовь к гидротехнике привела его в Западно-Сибирский трест «Мелиоводстрой». И там юноша устроился не табельщиком, не агентом по снабжению, как предложили ему, а простым рабочим, в буровую партию.

Это было в 1929 году. «Мелиоводстрой» шёл в то время преимущественно разведку недр малыми скважинами, чтобы найти грунтовые водонеточники на территориях новых зерносовхозов Кулунды. Энергичный, страстно любящий гидротехнику, Бояринцев быстро осваивает буровое дело. Уже через два месяца его назначают буровым мастером.

Мастер! Теперь у Бояринцева было своё поле деятельности, свой участок. Он сам бурил, проникал в тайны грунта, наблюдая его жизнь, прислушивался к его «водяному дыханию». Первое трёхмесячное производственное задание молодой буровой мастер выполнил за три недели.

Обычно разведывательные скважины бурились лишь 30-метровой глубиной. Фёдор Бояринцев «проникал в землю» до шестидесяти метров. Шестидесятиметровые скважины позволяли давать более безошибочные заключения о строении колодцев определённого типа: шахтных, трубчатых или комбинированных.

Вслед за первым успехом Фёдор Бояринцев достиг второго, более крупного. Годовой производственный план в тысячу погонных метров он выполнил за месяц, то-есть в 10—12 раз превысил существовавшие в то время темпы бурения разведочных скважин.

Участок Бояринцева стал называться ударным. Слава о нём пошла по всей Сибири. Старые бурщики дивились искусству молодого мастера.

Бояринцев ввёл круглосуточную работу, осветив строительную площадку фонарями и кострами в почное время, организовал техническую учёбу, вместе с рабочими стал изучать буровое дело, поднял квалификацию своих помощников. Но самое главное, может быть, заключалось в том, что Бояринцев сумел передать рабочим свой пламенный энтузиазм, которым он был охвачен сам, всю страстную любовь к гидротехнике, которая горела в нём. Будничную работу маленького коллектива он осветил большими целями, подчеркивая в беседах с рабочими, что поиски воды для совхозов призваны решать зерновую проблему в стране.

В 1932 году квалификационная комиссия присвоила Фёдору Бояринцеву звание бурового техника, а ещё через год — звание старшего гидротехника первого класса. Его назначают на самостоятельную руководящую работу — прорабом в Черепаново. Это был один из отстающих участков треста «Мелиоводстрой». Бояринцев уже обладал достаточным производственным опытом. С каждым днём росли и развивались его организаторские способности. И он быстро добился слаженной, чёткой, плодотворной деятельности коллектива черепановского участка.

Позднее Бояринцев руководил камешским участком, хорошо помог ему также выйти в передовые и завоевать переходящее красное знамя «Мелиоводстрой».

Осенью 1936 года Фёдор Бояринцев получил путёвку в Омский сельскохозяйственный институт. Сбылась его заветная мечта стать отличным советским гидротехником!

* * *

Дробно выстукивал вагон. За окном мелькали берёзовые колки. Фёдор Бояринцев мысленно возвращался к степной Кулунде. И когда он представлял себе бесконечные ковильные просторы, то вспоминал старика из Васильчуков.

— Степь Кулундинская мачехой для бедного человека была, — жаловался колхозный чабан Цыя Сидорович Сафонов.

Вот Фёдор Бояринцев лежит рядом с ним на бурьянистой целине. У старика сухое, обветренное и загорелое лицо. Он медленно посасывает трубку, говорит неспеша, словно боится выбросить на ветер необдуманное слово. В степи стоит густой, одуряющий запах полыни.

— Сколько там всапашешь, бывало, сохой — десятины две—три? А когда посеешь? В сухмель, в подлеток... Сразу говори: пропало! Так, мил-человек, на года в год. Бьётся, бьётся мужик и — в батраки. Колчилаёс жизнь! Только в мечтах душу отводишь. Вот пришёл бы кто добрый и справедливый, устроил бы жизнь по-правде, по твёрдому закону — работай, трудись на земле! Ты, мол, как и все, уважаемый хлебороб, а не бродяга, — степь тебе — мать родная...

Старик пощипывает трубку самосадам, нахнувшим дошиком, и резко произносит:

— Что её, старую-то жизнь проклятую, вспоминать? Слава богу, отмучились! — Он энергично раскуривает трубку. — Кулаки потом страдали: «Засуха вас, батраков, задуют!» Будто мы хуже их землю-то знаем! Чьи же, как не наши, руки её обрабатывали? И с засухой еладли! — Иван Сидорович немного помолчал. — Вот вы, молодые, научитесь, — чабан поднял руку и пальцем указал на Фёдора, — агрономами да инженерами станете, ну тогда мы засуху окончательно и прибьём!

Стара уходит в степь. Ветает и Сафонов. Быстро, неутомимыми шагами старик следует за овцами. Фёдор Бояринцев остаётся один, задумывается...

Засуха! Сколько бед приносит она человеку!..

1931 год навсегда останется в памяти алтайцев. Это был год жесточайшей засухи в Сибири. Суховой прошёлся тогда над Кулундой тремя удушающими волнами: 18—20 июня, 30 июля и 2 августа. Горячий ветер поднимал

тучи пыли, которая висела над землёй мрачной пеленой. Жара достигала 70 градусов. Высыхали пресные озёра, «засаливались» колодцы. Растения изнемогали не только днём, но и ночью. Поля выгорали... Пожухли даже мясистые красивые солянки, солянка и белая морская полынь.

Среднеазиатская пустыня обдавала своим дыханием степные просторы Кулунды. Метеорологи говорили, что центр палищего циклона находится где-то в районе Павлодара. Оттуда в Кулунду присажали встревоженные казахи, рассказывали об исчезновении воды в колодцах, об иссушающих ветрах.

...Вода — это красавица Куль-Анда, — слышал как-то Фёдор Боярицев от старого казаха. — Она живёт в подземном дворце. Но Куль-Анда любит людей, и ещё она любит Золотое Солнце. Всегда Куль-Анда стремится встретиться с Солнцем, согреться его ласковыми оплодотворяющими лучами. Но дружбе воды и солнца стремится помешать горячий ветер — Злой Суховей. Он прилетает из жаркой страны, закрывает небо пылью. Тогда красавица Куль-Анда уходит в свой подземный дворец. Начинаются бедствия на земле...

Почему вода бывает недоступна человеку? — мучительно думал Фёдор Боярицев, изволованный казахской легендой. — Прекрасная Куль-Анда стремится служить человеку, она дружна с Солнцем. Но на пути их встречи стоит безжалостный Суховей!..

«Вот бы открыть воде дорогу через колодцы! — подумал тогда Фёдор Боярицев. — Построить много, много колодцев...»

Дерзость такой мечты смутила Фёдора, и он не решился высказать её вслух. Да кто бы стал слушать его? Опытные гидрогеологи, исколесив Кулунду, твердили о степном безводье, приводили, казалось, неопровержимые факты в доказательство своих гипотез.

И всё-таки Боярицев не расстался с мечтой. Он ехал учиться, а новые знания подкажут ему новые мысли, помогут осуществить заветную думцу. Только за учёбу надо взяться крепко, изо всех сил.

* * *

Фёдор Боярицев за четыре года окончил пятилетний курс Омского сельскохозяйственного института по гидротехническому факультету. Он блестяще защитил дипломный проект «Будущее села Быстрое, Омской области, его парки, сады, огороды и коммунальное водоснабжение». В этот проект Боярицев вложил всю свою неуёмную мечту о прекрасном назначении воды в жизни человека. В колхозных парках и садах — фонтаны, зеркала бассейнов и прудов. Огороды орошаются. Деревня — жилые дома, баня, прачечная, детский сад, больница — словом, всё обеспечивается артезианской водой из разветвлённого водопровода.

Разрабатывая дипломный проект, Боярицев видел перед собой степи Кулунды. В это время он уже хорошо представлял себе ту проблему, которой посвящал свою жизнь. С первых же дней пребывания в институте он изучал всё, что относилось к ирригации, всё, что в какой-то мере связано с ней.

Теперь Боярицев знал, что территория нашей страны условно делится на зоны: достаточного и избыточного увлажнения, засушливую, остро-засушливую и сухую. Степи Кулунды приравнены к засушливой зоне.

В 1938 году в СССР орошалось шесть миллионов гектаров, несколько больше одного процента земель этих трёх зон. 85 процентов поливного хозяй-

ства падало на сухую зону (свыше 90 процентов орошаемых площадей сосредоточено, главным образом, в Средней Азии и Закавказье). Удельный вес продукции, которую собирали с орошаемых площадей, в общем-тоном балансе был близок к 15 процентам.

В советских условиях ирригационное строительство развернулось с немалой силой. Пароды СССР активно и чрезвычайно успешно повели борьбу против засухи и губительного жара пустынь и полупустынь. Только в одном 1940 году были обеспечены орошением 250 тысяч гектаров, тогда как до революции за 35 лет было организовано орошение лишь 300 тысяч гектаров. Именно в 1940 году закончено сооружение крупнейшего в СССР Ферганского канала имени Сталина, протяжением 350 километров; начата постройка наибольшего в СССР Катта-Журганского ирригационного водохранилища для коренного улучшения водообеспечения нижнего течения Зеравшана, постройка грандиозной Мингечаурской плотины, которая призвана дать воды для обильных степей Азербайджана. Ещё раньше были сданы в эксплуатацию Самур-Дивиченский канал имени Сталина в Азербайджане, Сулу-Чубукайский — на Северном Кавказе, Урало-Кушумский — в Западном Казахстане, первая очередь оросительной системы в Вахшской долине Таджикистана, Таи-Кеиринское водохранилище на реке Мургаб в Туркмении, Кампыр-Раватская плотина на реке Кара-Дарья...

В 1938 году в СССР было 3917 оросительных систем, которые обслуживали посевную площадь 36.879 колхозов и 801 совхоза.

А как же в Сибири? Молодого инженера-гидротехника больше всего интересовали судьбы родных степей. Воирицев досконально изучил так называемый Обь-Иртышский ирригационный район. Этот район относится к засушливой и остро-засушливой зонам. Здесь было положено, правда ещё в очень малых масштабах, основание развитию поливного хозяйства на местном стоке, т. е. при помощи использования речных вод. Небольшие гидрооборудования позволяли орошать лишь маленькие участки, всего 170 тысяч гектаров, из них 75 процентов в бассейне Верхнего Иртыша и 25 процентов вблизи различных мелких рек. Что и говорить, очень и очень мало!

А как же с Булундой? Мысль о Булунде не покидала Фёдора Воирицева. Как осуществить проблему, в которой он с юношеским пылом мечтал ещё в 1931 году?

Будучи в сельскохозяйственном институте, Воирицев прочитал (теперь ему уже трудно вспомнить — в книге или в журнале) статью, в которой шла речь о происхождении подземных вод Булунды. Он выписал из этой статьи, похожей на дневник геолога, всё, что его интересовало. И по сей час хранятся у инженера-гидротехника меако написанные жёлтые листочки своеобразного конспекта.

«...Почему все булундинские озёра содержат, главным образом, сульфат? На-днях теория континентального накопления солей подтвердилась довольно убедительно.

К западу от Славгорода, среди опалённых солнцем казахстанских степей, разбросаны блюдцеобразные солёные озёра — «тепизы». Спор разгорелся вокруг одного из таких озёр — Анж-Булата. На карте оно обозначено небольшим овалом в ста километрах к северо-западу от Славгорода. В Анж-Булат впадает река, но само озеро бессточное.

Профессор водил по карте острым карандашом и тёр шестину бороды.

— А всё-таки, — хлопнул он по карте рукой, — а всё-таки оно должно быть сульфатным!

И вот вчера мы выехали на Анж-Булат. До Бурлы полуторатонка шла по укатанной степной дороге. От Бурлы к озеру дороги не стало. Профессор пересел в кабину рядом с шофёром и развернул на коленях карту. Машина свернула в степь и пошла по компасу.

По карте до Анж-Булата значилось пятьдесят километров. Прошли и шестьдесят, и семьдесят пять — никаких признаков озера! Машина стала колесить по степи. К вечеру вдали свернула полоса воды. Мы приветствовали её с восторгом матросов Колумба, заметивших землю. Вскоре показалось всё озеро, огромное, с широкими заберегами тонкого ила.

С утра предстояла задача — взять из озера пробы рил. Между водой и твёрдым берегом лежала полоса тонкого ила толщиной в километр. Как глубока эта тонкая грязь? Может быть, под каркой скрывается трясина?

На всякий случай в озера пошли втроём. Километр до озера стоил десяти. Едкая грязь засасывала ноги. Передвижение напоминало ползание мух по липкой бумаге. Шли медленно, часа два. Наконец, мёртвое зеркало тензза. Сте двадцать пять квадратных километров горько-солёной воды!

Мы наполнили бутылки и двинулись обратно. Об отдыхе нечего было и думать. Сеть решительно некуда, — везде вязкая, пахнущая сероводородом солёная грязь.

Путешествие за рилой заняло около пяти часов. Вернулись мы разбитые, точно гнали нас бегом, по крайней мере, десять километров. Зато анализ был обеспечен! Оставалось возвратиться на базу в Славгород.

Профессору, да и мне тоже, не терпелось проанализировать раствор. В походной лаборатории можно было провести только самую простую качественную реакцию. Полный анализ должна была сделать наша лаборатория на базе.

Хлористый барий даёт в растворах сульфата нерастворимый в кислотах белый осадок сернокислого бария. Это самая простая и характерная реакция на ион SO_4 .

В пробирку с белым осадком мы влили соляную кислоту. Растворится ли осадок?

Это был вопрос профессионального самодубия учёного и экспериментальной проверки теории профессора. Он обломал две спички, зажёг налитую. И взболтала пробирку. Осадок не растворялся. Перед нами был сульфат!

На обратном пути профессор изложил мне сущность своей теории сульфатного накопления.

— Соли Кулунды накапливались в ходе всей истории образования степи, — говорил профессор. — Море ушло из предствов Западной Сибири около тридцати миллионов лет назад, в первой половине третичного периода. За это колоссальное время атмосферные воды вымыли остаточные морские соли. Те соляные богатства, которые мы исследуем сейчас, накопились в результате выщелачивания горных пород и, следовательно, они моложе горных хребтов Алтая.

Схематически мы можем представить себе этот процесс, вспоминая историю оледенения Алтая.

Поднятие горных хребтов шло одновременно с общим охлаждением. В горах накапливались снеговые шапки. Одновременно с поднятием шли процессы выветривания и размывания горных хребтов. Тысячи ручейков и речек, разру-

ная горные породы, несли растворённые соли в толще рыхлых отложений в равнину.

В это время вся Сибирь к северу от 60-й параллели была покрыта сплошным ледяным щитом скандинавского типа. Непредоляемая ледяная завруда преграждала сток на север.

Талые ледниковые воды устремлялись на запад и хлынули в Кулунду, неся с собой массу обломочного материала. Мощные потоки, сбегавшие с Алтая и Салаира, избороздили Кулунду ложбинами и увалами, пересекающими сейчас Сель-Иртышское междуречье почти перпендикулярно Оби.

Несколько раз пульсировали ледники, то отходя, то наступая вновь. Наконец оледенение кончилось. На севере отступающие ледники втянули за собой широкую вайму тундр. Освобождённая от льдов равнина расстлалась безграничными болотами с разбросанными валунами, бесчисленными реками и зеркалами озёр.

С отходом ледников прорвался северный ледяной барьер. Образовались со-временные речные системы Оби и Иртыша. Реки Обь-Иртышского междуречья — Алей, Барнаулка и Космала — потекли в обратном направлении, с запада на восток, впадая в Обь. Замкнутая кулундинская впадина стала медленно высыхать. Не защищённая с юга горными хребтами, Западно-Сибирская низменность подвергалась пессимизирующему влиянию среднеазиатских пустынь.

К началу образования соляных озёр море уже давно покинуло Кулунду. На огромной площади в пятьдесят тысяч квадратных километров водосбора озёр, в рыхлых толщах обломочных пород рассеяно колоссальное количество солей. Рековой поток грунтовых вод тысячелетиями вымылал и растворял эти соли, стояя их в бесчисленные бессточные котловины. В сухом кулундинском климате почва, как огромный фитиль, всасывала эти растворы и испаряла воду. На поверхности почвы проступали белые налёты солей. Тысячелетиями их смывали дождевые воды, уносили реки и сбрасывали в бессточные кулундинские озёра. Сотни миллиардов тонн пород должны были подвергнуться вековому промыванию, чтобы изложить колоссальные кулундинские соляные запасы. Речные воды богаты ионом SO_4 . Всякая река, впадающая в бессточное озеро, при засушливом климате делает его горько-солёным, сульфатным.

Эта теория — только часть большой геохимической теории континентального соленакпления. В непрерывном движении круговорота находятся соли. И только засушливый климат и бессточные водосборы иногда задерживают их бег к морю и накапливают толщи соленосных пластов. Происхождение соленосных толщ в озёрах Кулунды такое же, как и происхождение сернокислых солей Арата, Каспия и Балхаша. Речные условия накопления солей и непрерывного обогащения ионом SO_4 в течение веков создали в озёрах Кулунды и Казахстана колоссальные запасы сульфатов.

На горизонте в тёмной стене появилась редкая цепочка славгородских оуней, когда профессор, отбросив папиросу, закончил свой рассказ.

— Почему мы так горячо спорим об этом теоретическом вопросе? Вспомните гидрогеологов, их неудачные поиски воды. Допустим на миг, что кулундинские соли морского происхождения. Тогда невольно засоленные территории мелкого морского дна от соленосных третичных глин, подстилающих впадину, и до верхних горизонтов почвы насыщены солями. Трудно рассчитывать найти в таких толщах достаточные запасы пресной воды. Но, к счастью, в природе

всё поднимало. Морсков дно было опреснено уже ко времени гиппарпоновых савани. Соли, которые видим мы сейчас, вторичные соли поверхностного происхождения. И в недрах степи заключены сплошные потоки пресной воды. Они будут найдены. Забыты артезианские колодцы и дадут воду этим богатым и просторным землям».

На какой же глубине эти воды? Как их вывести на дневную поверхность?

* * *

После окончания института Фёдор Боярищев послал на работу в Пензу. Там он за два месяца построил для городского водопровода безфильтровый колодец, который дал по тому времени исключительный дебит — 150 кубометров воды в час.

Однако, работа в Пензе не увлекла молодого инженера-гидротехника. Он попрежнему думал о Кулунде, о проблеме степного водоснабжения.

К тому времени Алтай выделился из Западно-Сибирского края. В связи с этим в Барнауле была создана новая организация по строительству колодцев — «Водестрой». Добившийся перевода из Пензы в Барнаул Фёдор Боярищев летом 1911 года был назначен начальником Славгородского, самого большого на Алтае, участка «Водестроя».

Снова — Кулунда!

Прежде чем приступить за работу, Боярищев объехал все здешние районы. Какая степь! На различных землях она то синие-зелёная от хлебов, то изжелта-оранжевая от люцерны, то зелёно-изумрудная от шалфея и морковника, то серебристая от ковыля. На колхозных пивах — пшеница, пшеница, пшеница...

Теперь Фёдор Боярищев думая о колодцах в неразрывной связи с агрономией. Он знал, что засуха ранее была страшна не только потому, что доставляло влаги в почве, что Куль-Анда не всегда встречалась с Солнцем, но и потому, что Кулунда до революции эксплуатировалась хищнически. Во время капитализма баланс плодородия Кулунды падал из года в год. На заре земледелия здесь бесрасудно вырубались леса и берёзовые колки, выжигались кустарники. За период с 1897 по 1913 год было истреблено 200 тысяч гектаров ленточных боров. Только в 1914 году в одном Гатском бору, за Михайловкой, выгорело более 10 тысяч гектаров леса.

Огню предавалась и сама степь. Он освобождал землю от растительного покрова и корней: соха не в силах была прорвать дернину многовековой целины. Пожар превращал степь в пепелище, открывал дорогу пескам, расплывавшая кулундинские ворота перед казахстанскими жаркими ветрами, нарушал водный режим почвы.

Уже в начале нашего столетия две трети кулундинской степи было расплывано. «Переложив» земледелие уничтожало структуру почвы. Хлеб родился только на целинных землях. Незадерживаемые живым и мёртвым покровом трав, осадки уходили в толщу или стекали в озёра. Не больше 30 процентов летних осадков оставалось на долю злаков, посеянных на бесструктурных почвах. Голодный паёк!

Колхозный строй создал благоприятные условия для развития земледелия в Кулунде. Фёдор Боярищев видел, что уже возникли полезационные лесные полосы в Славгородском, Родичевском, Ключевском и других районах. В колхо-

зах и совхозах осваивался трапопольный севооборот. Сплошь и рядом встречались на полях люцерна, клевер, тимopheвка. Вводились засухоустойчивые сорта пшеницы...

Но влаги степям всё же не хватало.

Ещё в институте, читая книгу В. В. Докучаева «Паша степи прежде и теперь», Фёдор Бояринцев понял, что в борьбе с засухой гидротехника должна идти плечом к плечу с агрономией, в сочетании с травопольной системой земледелия, ползащитными лесными полосами, глубокой вспашкой, селекцией, засухоустойчивыми семенами, яровизацией, снегозадержанием, удобрением, сжатыми сроками весеннего сева... «Вода пужна растениям в пужный момент. Вот тогда инженеры должны помочь агрономам» — учил академик Вильямс.

«Я дам Кулунде воду из колодцев, — твердил упрямый инженер-гидротехник. — Степь богата подземными водами».

Однако на этом пути Бояринцева ожидал удар.

В 1937 году, когда Фёдор Бояринцев учился, в Славгороде был заложен лесонитомпик с расчётом на искусственное водоснабжение. Правительство отпустило на это дело большие средства. Были пробурены три глубоких скважины, построен бетонный резервуар для накопления воды, поставлена дождевальная аппаратура. Но каждая скважина вместо запроектированных 35 кубометров воды в час дала только пять. Нитомпик погиб.

— Что-то сделано не так! Что-то не так сделано! — твердил Бояринцев, когда впервые побывал на лесонитомпике.

Позже, когда Фёдор Бояринцев научно доказал, что Кулундинская степь лежит на водном подземном потоке, он догадался, почему Западно-Сибирский «Мелиоводстрой», а затем и Алтайский «Водстрой» не находили здесь воды. Первоначально в гидростроительных учреждениях царил культ «погонных метров». Производственный план «Мелиоводстрой», например, исчислял в метрах бурения. Все степиши «пагонить» метры, а будет или не будет вода — это строителей не интересовало. Они легко пропускали первый горизонт водоносных пластов, безудержно устремлялись вглубь за новыми сотнями погонных метров, достигали древнейших геологических слоёв, востом кричали: «Нет воды!».

Алтайский «Водстрой» измерил производственный план рублями. Получалось, что чем дороже скважина, чем глубже она, тем скорее выполнялся план. Снова строители доходили до «третьих яши», оставляя без внимания воды в верхнем горизонте.

Фёдор Степанович Бояринцев начал борьбу за воду в Кулунде с разведки. Два лета провёл он в степи. Была исследована площадь в миллион гектаров: Михайловский, Блючевский, Кулундинский, Табуцкий, Славгородский, Бурлинский, Благовещенский, Родниковый и другие районы. На основе 700 буровых скважин инженер-гидротехник составил 9 схематических гидротехнических профилей, давших ясную картину подземного водного потока Кулунды. Открылась многоярусная «тайная» река.

Подытоживая двухгодичную гидрогеологическую работу в Кулунде, Бояринцев писал:

«Мы открыли реку с предположительным расходом воды более ста кубометров в секунду. Динамические (полюзные) подсчёты запасов этих подземных вод дали цифру, превышающую три миллиарда кубометров в год. Для оро-

ления миллиона гектаров потребуются не более 2,2 миллиарда кубометров. Значит, оросив полностью эту площадь, мы всё-таки (в резерве года) не затронем вековых запасов подземных вод в Кулунде...»

Пресная вода в недрах Кулунды есть! Колоссальный водный поток на различных глубинах ярусами просачивается под всем Обь-Иртышским междуречьем и уходит в великий Васюган. Этот поток питают складки и льды Салырского хребта и Горного Алтая, находящихся выше уровня моря на 400—500 и больше метров, тогда как высота Кулундинской степи не превышает 100—150 метров. Темпы движения подземного потока равны одному километру в год. Вода времён Куликовской битвы только сейчас подошла к степям Кулунды.

Однако, даже после неопровержимых данных, которые были получены Боярищевым в результате разведки, гидрологи продолжали считать, что подземные воды Кулунды недоступны для ирригации. Свой взгляд они подтверждали малой производительностью элеванных артезианских колодезев.

В чём-то они были правы. Гидрогеологическая разведка указывала на наличие грандиозного подземного потока, а существовавшие колодезы в сотни метров глубиной обладали слишком скромным дебитом, удовлетворяя только потребности коммунально-жилищного хозяйства...

Как же в любом количестве поднять пластовую воду Кулунды на дневную поверхность?

* * *

Артезианские колодезы старого образца с трудом удовлетворяли потребности коммунального хозяйства и животноводства. Даже с лучшими сетчатыми (деревястостоящими и сложными) фильтрами они давали не более десяти кубометров воды в час. Приток грунтовых вод использовался артезианскими колодцами лишь на четыре процента.

Как же взять у грунта хотя бы 25—30 процентов притока? — задумался Боярищев. — Это было бы революцией в гидротехнике!

В начале войны в Кулунде было предпринято строительство седового комбината на Танатарах и большого завода на озере Яровом. Министерством, строящим эти предприятия, сам не решались разработать проект производственного водоснабжения.

Из Москвы в Кулунду прибыл представитель. Ознакомившись с положением дела на месте, он пригласил к себе Фёдора Степановича Боярищева. После многочасовой беседы представитель предложил инженеру-новатору построить колодезы на новых предприятиях.

Боярищев вспомнил, как в 1937 году в Славгороде не могли оросить легионники и рассказал про этот случай. Представитель Москвы успокоил его:

— Мы снимаем с вас ответственность за производственный риск.

— Я не об этом... — смутился гидротехник. — Я хотел сказать, что в мой проект не верят и, может быть, следовало поискать более крупного специалиста.

Представитель Москвы коротко заключил:

— Выбор всё же пал на вас!

Боярицев построил колодцы для Михайловского содового комбината и для завода «Озеро Яровое». Каждая скважина дала свыше 30 кубометров воды в час!

Как же он добился невиданного для Кузунды дебита?

Всё сводится к следующим трём введениям, совершенно новым в практике строительства трубчатых колодцев с сетчатым фильтром.

Боярицев за счёт развития рабочей части фильтра уменьшил надфильтровую трубу и тем самым увеличил водопрёмную способность фильтра.

Боярицев дифференцировал поэтажно сетку в зависимости от величины её отверстий (поставил два яруса): допустил при этом до 98 процентов (классики гидротехники максимально разрешают 60 процентов) выноса песка на дневную поверхность во время строительной откачки воды. Благодаря этому за сеткой образовался естественный фильтр из крупнозернистых частиц грунта, резко повысивший производительность самого фильтра.

И, наконец, Боярицев развил рабочую часть фильтра за счёт отстойника, благодаря чему искусственно была повышена мощность водоносного пласта.

Колодцы на содовом комбинате в Михайловке и на заводе «Озеро Яровое» красноречиво свидетельствуют об успехе дела Боярицева. Промышленные предприятия питаются водой модернизированных трубчатых колодцев. «Теперь, — сказал себе инженер-гидротехник, — пойдём от живого созерцания к абстрактному мышлению, а затем от него — к реальной действительности. Пробурим условный колодец. Трубы нет, фильтра нет... Условный колодец даёт воды в 20—30 раз больше колодца, оборудованного старым сетчатым фильтром. Значит, зле в этом фильтре. Его надо усовершенствовать или заменить.

На самом деле, зная скорость движения подземных вод, их количество, силу напора, можно точно определять дебит условного колодца. Значит, если бы не было в цилиндре преграды, а диаметр цилиндра равнялся бы 10—30 сантиметрам, то средний кузундинский колодец мог бы дать 300 кубометров воды в час. И вот бьёт этот чудесный фонтан! Вода идёт и идёт!.. А поставь нынешний сетчатый фильтр — и он быстро скуёт водную струю. Стало быть... Нужно изобресть новый фильтр!»

Инженер Боярицев смело в десять раз увеличивает отверстия спиральной обмотки на дырчатой части каркасной трубы, а сетку старого фильтра (из латуни, бронзы, меди, олова) заменяет проволочной спиралью из нержавеющей стали. Потом был найден «посредник» между стенками проволочно-оперного каркаса и грунтом. Его дала сама природа. Это был гравий и песок, который в десять раз крупнее песчинок водоносного пласта.

В июне 1946 года Фёдор Степанович приступил к строительству экспериментального колодца с фильтром собственного изобретения.

* * *

Мы продвигались к Михайловке, а за Васильчуками, на полях колхоза имени Мамонтова задержались. Здесь — центр безводной, засушливой Кузунды.

В колхозном стане мы встретили Боярицева. С ним находились старший буровой мастер Михаил Пьявифорович Кузьменко, сменивший мастера Екатерину Петрушину, коллектор Кэтя Палочкина, рабочие. Небольшой коллектив славгородского участка «Водетоя» работал над решением огромной проблемы:

создать высокодебитные трубчатые колодцы, вода из которых можно будет орошать степи.

После того, как научно было доказано существование подземного водного потока, питаемого Салапром и Горным Алтаем, в Булуиде построили сотни артезианских трубчатых колодцев с сетчатыми фильтрами. Славгород, районные центры, многие совхозы, МТС и колхозы обеспечили себя водой. Однако артезианские колодцы удовлетворили водой только производственные и коммунальные нужды. Для орошения земли не оставалось и ведра...

Фёдор Степанович в экспериментальном колодце заменил применявшийся в артезианских колодцах сетчатый фильтр гравийно-проволочным фильтром малого входного сопротивления. Понизись «знатоки», категорически заявившие, что колодец с фильтром Бояришцева вовсе не даст воды, немедленно «самолквидируется»: водоносный песок, которому предоставлен широкий доступ в металлическую трубу, закупорит её.

В день нашего приезда экспериментальный колодец вошёл в строй. При нас происходила откачка. Результаты оказались разительными: 160 кубометров воды в час! Река!

Колодец системы инженера-гидротехника Бояришцева никогда не «самолквидируется», не «забьётся», ибо гравий преградил песку дорогу к трубе и вместе с проволочной спиралью во многократ, по сравнению с сеткой, облегчил доступ воды. Этот фильтр позволяет брать воду из любых грунтов, даже из тонкозернистых, пылеватых и глинистых песков.

Фёдор Степанович подумал и над тем, чтобы грунтовые воды доставались колхозам как можно дешевле. Если на артезианский колодец с сетчатым фильтром тратиться более трёх тонн металла, то на колодец системы Бояришцева его требуется триста, не более четырёхсот килограммов. Дефицитные металлы, например, олово, медь, латунь, бронза, в нём заменены нержавеющей сталью. Строительство одного колодца Бояришцева обошлось в 16 тысяч рублей, тогда как на строительство артезианского колодца с сетчатым фильтром надо затратить несколько десятков тысяч рублей.

При строительстве трубчатых колодцев с гравийно-проволочным фильтром для орошения полей подземными водами на один гектар надают в районах сплошного орошения не более 1.600 рублей, а в районах вазианного орошения — две тысячи рублей. Самоокупаемость орошительных систем на базе высокодебитных трубчатых колодцев осуществится в два—три года.

«Новый фильтр, который я называю проволочно-гравийным, — писал по окончании строительства колодца инженер-гидротехник, — будет в 8.5 раза производительнее самых лучших сетчатых фильтров, в три—четыре раза долговечнее, если артезианский колодец с сетчатым фильтром работает максимум 12 лет, то новый колодец проработает до 50 лет и более.

Основная идея его заключается в том, что он максимально на данном этапе развития техники учитывает физическую сущность явлений, происходящих при поступлении воды из грунта в колодец. В основу конструирования и проектирования гравийно-проволочного фильтра положен принцип возможного нарушения естественного режима движения воды. Практическое осуществление этого принципа возможно только при наличии «посредника» между грунтом и собственно фильтром — слоя гравийной засыпки, обеспечивающей

возможность предельного увеличения скважности внешней поверхности фильтра. Соотношение размеров частиц водоносного грунта и «посредника» должно исключать возможность пропихивания при движении воды частиц грунтового скелета в пределы слоя засышки.

При конструировании гравийно-проволочного фильтра малое входное сопротивление я исходил из следующих требований: 1. Возможно меньшее статиче-ское дебита трубчатого колодца от полной водоотдачи грунта; 2. Предельно малое значение дополнительных входных сопротивлений; 3. Предельно большое значение скважности внешней поверхности фильтра; 4. Исключение возможности поступления частиц грунта внутрь колодца при его эксплуатации; 5. Отсутствие явлений анодного разрушения и электрокоррозии; 6. Предельно-минимальные (без снижения дебита) размеры фильтра; 7. Наибольшая простота конструкции, отсутствие необходимости в дефицитных материалах и возможность изготовления фильтра даже в полевых условиях; 8. Дешевизна, экономичность и долговечность фильтра.

Простота изготовления, сравнительная дешевизна, пригодность для любых грунтовых условий, высокая производительность — всё это даёт право широко рекомендовать строительство трубчатых колодцев с гравийно-проволочными фильтрами не только для снабжения водой крупных объектов, но и для целей орошения».

И вот, наконец, пришло официальное признание изобретения инженера Бояринцева. В Министерстве Земледелия СССР следующим образом определяли значение трубчатых колодцев с гравийно-проволочным фильтром:

«Ознакомление с изобретением инженера Бояринцева приводит к выводу об исключительной ценности предложения, позволяющего удешевить высокую строительную стоимость трубчатых колодцев с одновременным достижением более высоких эксплуатационных показателей.

Снижается затрата металла на трубы. Исключается применение цветных металлов. Уменьшаются затраты рабочей силы при строительстве и энергии на водоподъём, расширяется сфера применения для водоподъёма наиболее удобных и экономичных центробежных насосов. При потребности большого количества воды можно ограничиться строительством меньшего количества скважин. В очень многих случаях исключается необходимость опускаться в более глубокие и мощные водоносные пласты, ограничиваясь эксплуатацией верхних водоносных горизонтов меньшей мощности. Представляется возможным широкое строительство колодцев не на всю мощность водоноса. Открывается перспектива для массового использования подземных вод для целей орошения».

С мая 1948 года Фёдор Степанович Бояринцев работает начальником отдела меллиорации крайсельхозуправления. При активном участии инженера-новатора в крае разработана широкая программа борьбы за воду для колхозного земледелия. В этой программе важную роль призваны сыграть высокодебитные трубчатые колодцы с проволочно-гравийным фильтром. Строительство их передано теперь в руки самого автора изобретения. Если в 1946 году было построено только два колодца, а в 1947 году — одиннадцать, то за 1948 год их появилось около ста.

Интересно отметить, что колодцы системы инженера Бояринцева распространяются по всей стране. Как сообщил старший научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института инженерной геологии и гидро-

геологии, кандидат технических наук В. М. Гавриленко, под Москвой в 1948 году построено несколько трубчатых колодцев с гравийно-проволочным фильтром, и все они дают воды в четыре раза больше, чем артезианские колодцы. Такие же колодцы уже есть в Курской, Горьковской и других областях. Трубчатые колодцы с гравийно-проволочным фильтром малого входного сопротивления подают воду для животноводческих ферм, легко орошают не только плодово-ягодные сады, возделываемые лесные полосы, огороды, но и зерновые участки гарантированного урожая на площади от 10 до 100 гектаров.

Весьма важно, что при хорошей организации труда колодец среднего калибра строится в течение 10—15 суток. Таким образом, сооружение новых трубчатых колодцев в количестве, достаточном для целей обводнения и орошения, — вполне реальная задача.

Изобретение инженера Ф. С. Боярищева, увеличившее дебит трубчатых колодцев в 20 раз, по своей значимости равно выдающемуся революционному перевороту в технике. Недалеко то время, когда подземные воды будут широко использованы советским человеком для орошения социалистических полей.

Кузундунская степь самой природой создана для орошаемых севооборотов. В комплексе с агрономией будут достигнуты устойчивые урожаи, которые остаются в среднем на первых порах не менее 60—80 центнеров с гектара. Приrost урожайности даст дополнительно Кузунде 150—200 миллионов пудов пшеницы и других зерновых культур.

Самая дерзкая мечта в советских условиях превращается в чудесную явь. Орошение Кузунды — это было нашего времени.

В. А. Олейнин

инженер-майор пути и строительства.

На строительстве Южсиба

Пожилой мужчина в дублёном полушубке подошёл к кассе.

— Два билета до станции Заринской, — сказал он, подавая в окно деньги. Кассир, новичок на железной дороге, с недоумением взглянул на пассажира через окошко с решёткой.

— Да Заринской?.. Такой у нас не значится.

— Как не значится? — в свою очередь удивился пассажир. — Может, вам я станция Шлагино неизвестна?

Ответ не последовало. Пассажир укоризненно покачал головой.

— Новостроек наших не знаете, молодой человек. Южсиба не знаете.

Кассир смутился.

— Так вы сразу бы и сказали, что эти станции на Южсибе. Билетов до них мы ещё не продаём, их можно приобрести пока на пунктах строительства... — Горло оправдывался, кассир добавил: — А Южсиб я знаю. Скоро мы и эту дорогу обслуживать будем.

Станции Заринская, Смазиево, Шпагино, Бешенцево, Голубцово появились на Алтае в годы послевоенной сталышской пятилетки. Они нанесены на карту как вехи строящейся Южно-Сибирской магистрали.

* * *

В дореволюционное время пути сообщения в нашем крае были совершенно не развиты. Грузоперевозки обеспечивались частично речным транспортом, а в большей степени гужевым, по грунтовым трактам. Одним из таких трактов, связывавшим Барнаул с Кузнецком, был Барнаульско-Кузнецкий или Гурьевский тракт. Он проходил через сёла Белопрское, Голубцово, Копылово, Сорочкино, Хмельёвское, затем пересекая Салаирский край и, соединившись у селения Панчур с Кузнецко-Бийским трактом, следовал до Кузнецка.

Из Барнаула по этому тракту везли в таёжные районы хлеб, соль, изделия лёгкой промышленности, а в Барнаул — каменный уголь, железо-скобяные изделия, мушкету.

О развитии экономики края у царского правительства не было заботы. Лишь при Советской власти экономическое процветание всех краёв и областей стало главной задачей.

Для того, чтобы привести в действие все резервы, нужен транспорт. Большая необходимость в дополнительных железнодорожных путях ощущалась в Сибири. Вот почему третьим пятилетним планом было запланировано строительство Южно-Сибирской магистрали. Оно начато во второй половине 1940 года.

* * *

Длинный эшелон, прогromыхав на стрелках, подошёл к станции Алтайской. В осенних сумерках ярко вырисовываются освещённые окна.

К эшелону торопливо идёт группа людей. Впереди — начальник первого строительного участка Аркадий Николаевич Денисов.

Навстречу со ступенек вагона спускается начальник путеукладочной колонны Никитин.

— Как дела, Василий Никитович? — спрашивает Денисов. — Всё ли в порядке?

За годы совместной работы на строительстве линии Новосибирск—Сталышек Никитин хорошо изучил характер своего начальника, привык к его кратким вопросам и резким, отрывистым приказаниям. Он перенял у него манеру отвечать кратко, лаконично.

— Технику погрузили всю, людям не терпится приступить к работе.

— Хорошо. Готовьтесь к разгрузке техники. Люди остаются в вагонах, — распорядился Денисов и пошёл вдоль состава, приветствуя первых строителей Южсиба.

В дверях вагонов появлялись рабочие, — народ здоровый и бодрый. Прищуривая глаза, люди всматривались в сумерки. Они слеснили ознакомиться с местностью, где предстояло начать строительство новой, важнейшей железнодорожной магистрали.

Ранним утром строители, с покрасневшими от морозного ветра лицами, направлялись к месту примыкания будущей магистрали к Томской железной дороге.

Заречье. Болото. Берёзовый лес и кустарники. До самой деревни Божово — ни одного домика.

Начались земляные работы. К вечеру вырастает длинный холм будущей насыпи у станции Алтайская—II. С каждым днём он стал вытягиваться, расти.

Одновременно со строительством полотна дороги быстрыми темпами сооружали жилые дома и бараки. С утра до ночи раздавался стук топоров. Берёзовая роща редела всё больше и больше. На северо-восток, к Кузбассу, прорубалась просека.

Механизмов на строительстве сначала было немного. Но весной сюда доставили первые экскаваторы, тракторы и автомашины. Коллектив строителей пополнялся. По окончании работ на линии Рубцовск — Риддер на Алтайскую прибыли новые коллективы.

Вот уже уложены первые семь километров пути. Белоярская база строительных материалов переносится на линию, вперёд.

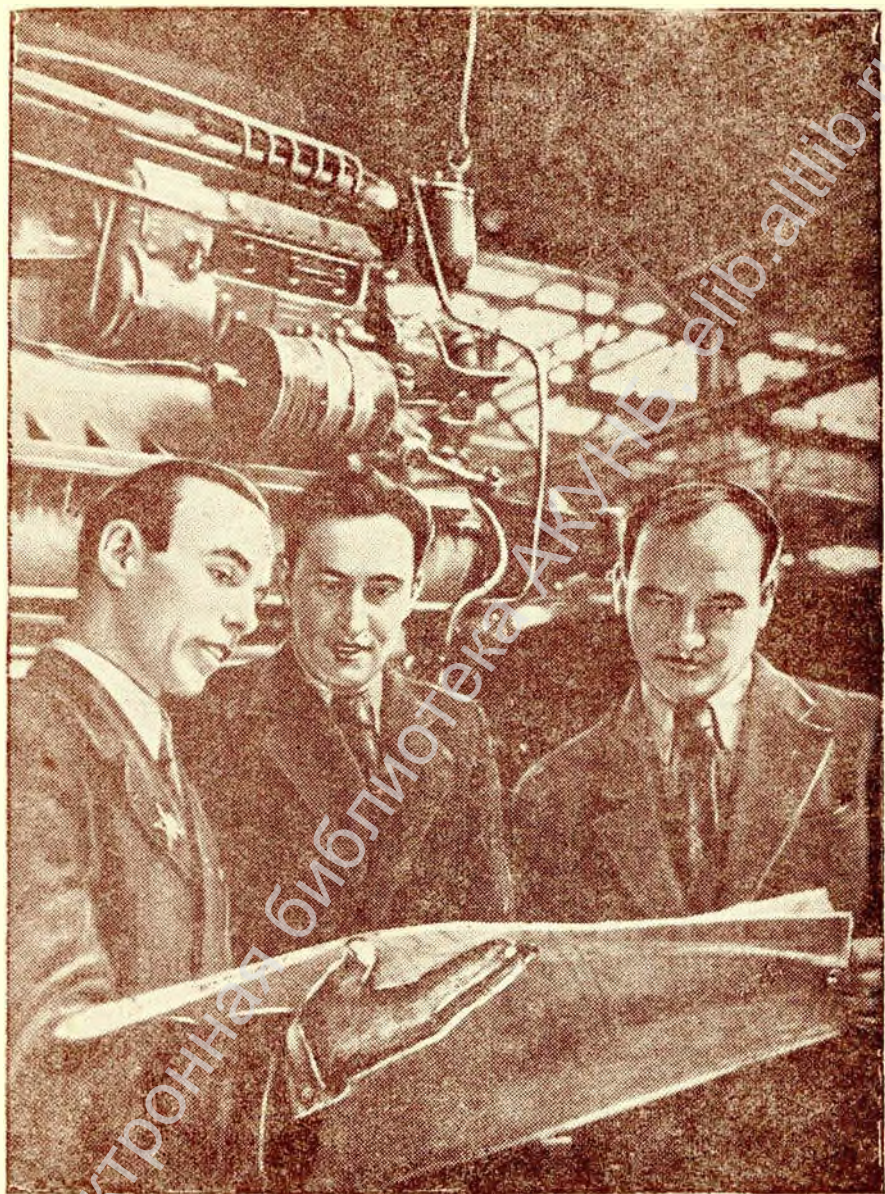
Новое детище растёт изо дня в день. Ещё очень далеко до Салаира, до станции Артышта — конечного пункта строительства. Но каждый километр уложенного пути приближает к цели. И люди настойчиво преодолевают трудности, становятся властелинами над бескрайними просторами, лесами и болотными толями.

Отечественная война заставляла приостановить работы на магистрали. Сотни строителей ушли на фронт, трудились на восстановлении разрушенных немцами железных дорог.

После победы строительство возобновилось по новому пятиклетному плану, в котором записано: «Построить в течение пятилетки новые железнодорожные линии общим протяжением 7230 километров».

Южно-Сибирская магистраль является крупнейшим сооружением послевоенной пятилетки. Значение этого второго великого Сибирского пути исключительно велико. На новой магистрали окажутся города Магнитогорск, Акмолинск, Абакан, Манусииск, Павлодар, Барнаул, Сталииск и другие; она свяжет Урал с Сибирью, что облегчит перевозку важнейших грузов: угля Кузбасса в Магнитогорск и Барнаул; руды Урала — в Сибирь; сибирского леса в— Казахстан; хлеба Казахстана и Алтая — в Магнитогорск и Караганду; карагандинского угля — Туркменбу. Магистраль сократит пробег транзитных грузов, разгрузит линию Сталииск—Новосибирск, Исская—Алтайскал, а в нашем крае обеспечит надёжную связь между многими районами.

Для Алтайского края эта магистраль жизненно необходима. Свяжав центр нашего края — Барнаул с Кузбассом и житницей Сибири — Кулундинской группой районов, она тем самым откроет широкие перспективы для превращения Барнаула в один из крупнейших промышленных городов на востоке страны. Проходя по перешейку между озёрами Кулундинским и Кучуьским, которые славятся неисчерпаемыми запасами химического сырья, этот путь обеспечит развитие в крае мощной химической промышленности. Столь же большое значение имеет магистраль для сельскохозяйственных и лесных районов. Во-первых, она значительно сократит авто-гужевые перевозки и обеспечит этим миллионы рублей экономия; во-вторых, облегчат разработку лесных массивов (в частности, Аламбайских и Тотульских, где запасы древесины исчисляются в миллионах кубометров), а в прилегающих к ним районах — разработку залежей ценного топлива — торфа.

НА АЛТАЕ

Инженерно-конструкторским работникам Барнаульского завода транспортного машиностроения Н. Л. Вегера, Е. М. Лев и Е. И. Артемьеву за создание семейства дизельмоторов присуждена Сталинская премия третьей степени.

Фото Н. Кадянина.

Таким образом, новая железнодорожная магистраль неуязвимо преобразит экономический облик районов, по которым она проходит: Сораякинского, Косилшского, Краушкинского, Барнаульского, Ребрихинского, Благовещенского, Кулундинского, а также и районов, граничащих с ними.

Общая протяженность магистрали — 3600 километров, в том числе две тысячи километров вновь строящихся линий. На территории Алтайского края протяженность Южно-Сибирской дороги составит 520 километров. От границы с Кемеровской областью она пройдет через Салаирскую тайгу и соединит основные станции — Заринскую, Шлагиню, Алтайскую, Барнаул, Ребриху, Благовещенку и Кулунду.

В настоящее время строительство дороги идет со стороны Акимовска и Павлодара и на участке Артышта—Алтайская. Только по объему земляных работ постройка новой магистрали равна четырём Туркестанам. В Салаирском кряже, в тайге и степях будет создано множество мостов, тоннелей и других искусственных сооружений.

Самым трудным участком строящейся магистрали является линия Артышта—Алтайская. Здесь строителям предстоит прорезать Салаирский кряж, прорубить ее через тайгу, построить несколько мостов и возвести громадные насыпи.

На этом участке работы разделялись на два этапа. В первую очередь следовало закончить возведение дороги от станции Алтайской до реки Чумыш, или, говоря на языке строителей, от нулевого до 87 километра, а также от станции Артышта до разъезда Аламбай, то-есть от 204 до 173 километра. Во вторую очередь требовалось выполнить работу на линии от 87 до 173 километра.

Зимой 1947—48 г.г. была построена железнодорожная ледяная переправа через реку Чумыш, к объектам работ завезли механизмы (экскаваторы, грейдер, элеватор, скреперы), устроили за Чумышом перевалочную базу, доставили туда подвижной состав, лес, топливо, горючее и другие необходимые материалы. Это позволило вести работы развёрнутым фронтом. Строители в 1948 году подняли свыше двух миллионов кубических метров земли, уложили 45 километров нового пути, 31 тысячу кубических метров балласта, произвели большое жилищное строительство. О трудовом энтузиазме убедительно говорят сухие цифры отчетов: неиспользованная выработка на одного рабочего в день составила в среднем 121 процент к плану, а производительность труда — 104 процента.

В прошлом году была произведена значительная часть работ первой очереди. Сейчас участки дороги от станции Алтайской до 84 километра и от станции Артышта до 173 километра полностью подготовлены к эксплуатации и на них открыто рабочее движение поездов. Кроме того, коллективами Тоннельстроя, Метростроя и Взрывпрома выполнен ряд трудоёмких работ по проходе Салаирского кряжа, ведётся просека тайги.

Строители железных дорог — народ трудолюбивый, беспокойный. Их не смущают бытовые неурядицы, неизбежные на первых порах. Немало людей живёт ещё в бараках-временках, на некоторых участках недостаёт жилой площади, не благоустроены как следует столовые. Но это явление временное. Пройдёт ещё немного времени, закончится строительство магистрали и на всём её протяжении вырастут типовые здания, а в распоряжение рабочих будут предоставлены благоустроенные квартиры, столовые, школы, клубы, медицинские учреждения.

И хотя строителям доведётся прожить в этих комфортабельных условиях лишь несколько месяцев, а затем снова ехать на необжитые места, вновь мучиться с временными неудобствами и преодолевать трудности, — это их не огорчает. На то они и строители, — люди, закалённые, самоотверженные, возмужавшие новые и всё более совершенные.

— С завершением всякой стройки, — рассказывает бывший землекоп и путевкладчик, а ныне начальник дистанции пути В. И. Ивклино, — мы, строители, начинаем пытаться какое-то странное бескошотство и нетерпеливо ждём назначения на новое место работы. Едем туда, как правило, всей большой семьёй, спаянной годами совместного напряжённого труда.

Эти качества — стремление к напряжённому труду и коллективизм — привились у строителей прочно и надолго.

И ещё одно замечательное качество есть у них: взаимопомощь. Вот один из множества примеров. Мотористу было предложено выехать на девятнадцатый километр и погрузить имевшиеся там в запасе накладки. Едва он успел сойти на насыпь, как от путевой казармы поспешно подошли бригадир, путевые рабочие, а следом за ними подбежала группа детей. Все они принялись перебрасывать накладки на прицепленную к дрезине платформу. Когда погрузка была закончена, бригадир удовлетворённо заметил:

— Вот так-то лучше. Быстрее стройка пойдёт.

* * *

На станции Алтайская—II раздаётся звонкий гудок паровоза. Окутываясь белым облаком пара, тяжело дыша, паровоз тянет за собой состав с грузом строительных материалов. С каждой минутой локомотив учащает дыхание и увеличивает скорость.

Машинист Владимир Афанасьевич Бониславский внимательно следит за работой паровоза. Правая рука его неподвижно застыла на рукоятке тормозного крана. Время от времени он через окно смотрит вперёд.

Рабочее движение на участке Алтайская—Зарницкая открыто недавно, но машинист уже успел изучить до мелочей профиль пути. Вот состав ровняется с группой растущих у дороги деревьев. Бониславский знает: здесь начало подъёма. Он полностью отсёрывает регулятор поступления пара. Машинист, не сбавляя хода, легко идёт на подъём.

Станции Вешенное и Голубцово поезд проходит без остановок. В Шпагинно — задержка. Но Бониславский не любит бездействовать в ожидании жезла. Он отирается в дежурному по станции узнать, в чём дело. Здесь происходит короткий, но деловой разговор.

— Жду прибытия состава с восемнадцатого километра, — сухо поясняет дежурный.

— А меня зачем держите? Сделайте скрещение на Загонном. — предлагает Бониславский.

Дежурный безразлично пожимает плечами.

— А вам разве не всё равно?

У машиниста над переносицей залегает суровая складка. Он взволнован, но сдерживает себя.

— Нет, не всё равно. Сжечь лишнюю сотню килограммов угля, несвоевременно доставить строителям груз, не выполнить взятых обязательств — по-

зор для машиниста. Звоните главному диспетчеру и дайте путь, не то вызывайте мне самого начальника отдела. А за встречный состав не бойтесь, не задержу. Прогоню до Загонного во-время.

Дежурный уступает. Он запрашивает путь, говорит с главным диспетчером и вручает машинисту жезл.

Не медля ни секунды, Бониславский возвращается на паровоз.

Повлекшая отполированными, начисто протёртыми деталями, локомотив снова устремляется вперёд.

Задача ясна. Надо провести состав как можно быстрее, чтобы не задерживать движение встречного поезда, и Владимир Афанасьевич развивает предельно допускаемую на этом участке скорость.

Разъезд Загонный. Семиминутная остановка. Проходит встречный состав. Путь свободен. И вновь мелькают за окном деревья, и свежий ветер резко ударяет в разгорячённое лицо машиниста.

На станцию Заринская состав прибыл на десять минут раньше, чем установлено графиком.

Бониславский — один из многих стахановцев Южсиба. Его отличает замечательное качество: инициативность. Когда встала задача организовать привычные ремонты паровозов на месте, в дело строительства, он выступил инициатором этого дела.

В свободное от поездок время Бониславский выходит со своей бригадой на постройку временного депо. Когда депо было готово, машинист первым произвёл в нём промывку паровоза и сэкономил на этой работе 32 часа. Так была доказана важность нового мероприятия в борьбе за экономию драгоценного времени, топлива и средств.

Бережливость нужна везде и во всём. А чтобы соблюдать её, требуется заботливо ухаживать за машиной, правильно использовать её мощь. Бригада Бониславского всеми силами повела борьбу за экономию топлива и средств, за досрочное выполнение государственного плана перевозок.

Бригаде Владимира Афанасьевича Бониславского есть чем гордиться. Годовой план перевозок она выполнила к 1 октября, сэкономила 12 тысяч рублей средств и три с половиной тонны угля.

* * *

Не так давно реки Чумыш, Алабай и Боровлянка были серьёзным препятствием для дальнейшего строительства Южсиба. В ноябре 1948 года коллектив Мостоотряда едал в эксплуатацию третий временный мост и этим самым открыл путь мощным экскаваторам «Ковровец», обеспечивающие строительным материалом к станции Смазьево.

Теперь ведутся работы по сооружению постоянных мостов.

Перед нами обмелевший Чумыш. Запорошенные первым снегом островки поблескивают серебряной сединой. От станции Заринская узкой полосой подходит к реке ещё незаконченная глинистая насыпь магнетралки.

По обоим берегам реки стоят жилые и производственные помещения: тут электростанция, лесопилка, парокотельная, общежитие, столовая, клуб, баня.

Яркое морозное утро. На берегах вельхивает несколько костров: начался подогрев воды для бетона.

Пачальник мостостроительной колонны Лука Фёдорович Доброскок, отдав распоряжения бригадам, подходит к нам и принимается рассказывать о делах мостовиков.

— Сегодня мы начинаем заливку фундамента правобережного устоя, — говорит он и приглашает нас на этот объект.

В глубоком котловане, дно которого значительно ниже уровня воды, строптели ведут последние приготовления к приёму бетона. Через несколько минут раздаётся скрежет и грохот муцепных в ход бетономешалок. По наклонному желобу начинается поступать бетон.

Закладку фундамента поручено вести лучшей звеньевой Надежде Ивановне Хантуровой. Её звено сегодня, как и всегда, трудится на славу. В работе нет суетолики. Каждый человек имеет определённое место, с широким фронтом работы: одни готовят щебень, другие подносят цемент и песок, третьи греют воду, четвёртые загружают бетономешалки. По команде звеньевой — через равные промежутки времени — проходит смена рабочих мест. Это сохраняет силы людей и повышает производительность труда.

Рядом с бетономешалками бригада женщин разгружает платформу с камнем. Работа идёт оживлённо. Быстрые, проворные руки обладают недюжинной силой. Если судить по выработке, минута у этих женщин стоит двух.

Всюду, куда ни глянь, хлопочут люди. Вот на одном из опорных бков ведут каменную кладку Иван Мехедин и Павел Обухов. Оба они — ровесники Октября, оба из Москвы. И хотя друзья находятся за тысячи километров от родного города, они с гордостью называют себя «москвичами». Эта беспредельная любовь к столице нашей Родины выплывается у них в любовь к труду. За одиннадцать месяцев каждый из каменщиков выполнил по две годовых нормы.

В разноголосую мелодию труда врывается дробный стук молотков. Это каменотёсы Суханцев и Иванов заготавливают облицовочный камень. Мастера — каменотёсы являются лучшими стахановцами Мостастроя, вдвоём работают за шестерых.

Строительство моста в разгаре. Значительная часть работ уже сделана. На левом берегу Чумыша красуется каменный береговой устой. На нём закончено верхнее строение для укладки последнего слоя бетона, подведены паровые трубы, приготовлена опорная плита, возведены фундаменты промежуточных бков.

Работа мостовиков — тяжёлая, напряжённая. По взгляните на лица этих людей и вы не найдёте на них следа усталости. Любой труд покажется лёгким, если любить его.

* * *

Основное ядро рабочих, инженерно-технических работников и служащих стройки составляют сейчас кадры управления № 26, которое положило начало работы на Южсибе. Иные эти работы продолжает управление строительства № 62. И тот и другой коллективы имеют славную историю.

Кадровики 26-го стройуправления успешно трудились на прокладке линий Кузнецк—Ленинск, Рубцовск—Риддер, а в годы Великой Отечественной войны многие из них восстанавливали дороги, разрушенные немецкими оккупантами.

Замечательны заслуги кадровых работников 62-го строюуправления. До Отечественной войны они вели работы по развитию южного узла дорог на Украине, после освобождения Западной Белоруссии расширяли сеть дорог на западе. В 1947 году дорожники получили задание перейти на строительство Южно-Сибирской магистрали.

За самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны коллектив заслужил высокую правительственную награду: ему передано на постоянное хранение Красное Знамя Государственного Комитета Обороны.

Большой прилив сил вызвало у строителей обращение ленинградцев, призывавших завершить пятилетку в четыре года. Социалистическое соревнование охватило рабочих всех специальностей. Коммунисты и комсомольцы стали в авангарде армии строителей.

Примеры трудовой доблести множатся с каждым днём. Вот бригадир комплексной бригады экскаваторщиков тов. Педельков. На строительстве его знают многие, знают процент выработки его бригады: 150—185.

Экскаватор, на котором работает Педельков, — полиповоротный, оборудованный прямой лопатой. Последний ремонт его Педельков производил силами своей бригады. Это помогло коллективу хорошо изучить устройство мощного механизма. Работает он безаварийно в течение всего сезона.

Продумав организацию труда, Педельков сократил бригаду на четыре человека. Сейчас в ней восемь работников: машинист управляет экскаватором, моторист следит за работой и питанием дизеля, а также производит очистку ковша от налипшего грунта, четверо шофёров на автосамосвалах транспортируют грунт из забоя, двое рабочих разравнивают его на насыпи.

Члены бригады требовательны и к себе и к другим шофёрам, обязательно добиваются хорошего содержания дорог, заблаговременного распределения мест для остановки автомашин с грунтом.

Лучшим стахановцем механизированной разгрузки поездных составов на магистрали заслуженно признан тракторист колонны № 6 тов. Соколенка. Это — неутомимый рационализатор. Он усовершенствовал бульдозерную разгрузку грунта, организовал разгрузку поездных составов во время их движения. Сейчас его бригада выгружает 400 тонн грунта за 6 минут.

Шофёр мостооведа № 827 Антон Лукки после тяжёлого ранения был отправлен с фронта в глубокий тыл, на Алтай. Поправившись, он пришёл в контору второго участка и изъявил желание поступить на работу. Сейчас Антон Лукки — один из лучших водителей. Его машина всегда работает безотказно. Меньше двух поря за смену Лукки не даёт.

Хозяева техники! Так зовут на стройке коллектив ремонтно-прокатной базы. Ему поручено большое дело — ремонтировать механизмы. И это значит, что от старания работников ремонтно-прокатной базы в прямой степени зависит ход строительства. Ремонтники не подводят, все механизмы они ремонтируют быстро и качественно.

Строительство возведённого полотна завершают путейцы. В 1948 году они забалластировали 25 километров пути, уложили рельсы на протяжении 13,5

километра и выполнили большой объём земляных работ. Путейцы обеспечили бесперебойное движение поездов на участке дороги, сдавном в эксплуатацию.

Совместно с кадровыми рабочими на строительстве магистрали трудятся и колхозники ближайших к ней районов. Только в прошлом году на строительстве магистрали работало более трёх тысяч колхозников Алтайского края. Такую же помощь оказали строителям колхозники Кемеровской области.

* * *

Многое предстоит сделать строителям в 1949 году. Необходимо уложить путь на 119 километрах, произвести 6 миллионов кубических метров земляных работ, установить 25 комплектов стрелочных переводов, уложить 170 тысяч кубических метров балласта, закончить строительство четырёх постоянных мостов через Чумыш, Воровлянку, Аламбай, Чесноковку, сдать в эксплуатацию 50 тысяч кубических метров жилья, полностью телефонизировать готовящийся к сдаче в эксплуатацию участок магистрали.

Строители должны будут в кратчайшие сроки прорубить на протяжении 38 километров просеку для трассы в тайге, полностью забалластировать уже возведённые участки пути, одновременно начать работы по строительству линии в направлении Кулунды и выполнить большие работы по гражданскому строительству.

1949 год должен стать годом завершения строительства и открытия сквозного движения на участке Артышта—Алтайская.

Коллектив строителей Южно-Сибирской магистрали хорошо понимает всю грандиозность стоящих перед ним задач. Люди исполнены решимости справиться с ними во что бы то ни стало.

Строители привыкли жить будущим и настойчиво приближать его. В проектах, чертежах и схемах они видят будущую магистраль — детище послевоенной сталинской пятилетки.

Вот станция Алтайская—И. Сейчас здесь имеется лишь семь типовых двухэтажных домов. Все остальные строения временные: бараки, деревянное депо, неказистое, маленькое помещенье станции. К концу же пятилетки здесь вырастет большой рабочий посёлок с пятидесятью двухэтажными зданиями, средней и семилетней школами, детскими яслями и детским садом, клубом, медицинскими учреждениями, магазинами...

Огромное, оснащённое новейшей техникой депо вырастет здесь в ближайшее время. Оно разгрузит депо Барнаула и обеспечит ремонт паровозного парка нескольких прилежащих направлений железной дороги.

Станции Шпагина, Заринская, Аламбай и многие другие будут превращены в большие населённые пункты с предприятиями лёгкой промышленности, культурными учреждениями и школами. Там, где сейчас стоят среди равнины и лесов строения барачного типа, будут возведены каменные здания станций и разъездов.

Десятки сёл и деревень нашего края превратятся с завершением строительства магистрали в большие культурные и хозяйственные центры.

Возведённые участки магистрали служат уже сейчас. По ним строители не только подвозят материалы и механизмы, но и перевозят народно-хозяйственные грузы: горючее и тракторы в ближайшие районы, хлеб и овощи из районов.

В скором будущем на магистраль придут хозяева Южгиба — паровозники, движелцы, путейцы, и по капитально уложенным стальным путям, покатятся тяжеловесные составы с кузнецким углём, уральским железом, алтайским лесом и пшеницей. Над просторами Кулундинской степи, в тайге и над Салаирским краем понесутся гудки мощных паровозов.

Дорога входит, как составная часть, в строительство человеческого счастья на необъятной советской земле.

Н. Коробков

Город алтайских тракторостроителей

Широко раскинулась степь по-над рекой Алеем. Суровой зимой бушуют из этого прогара снежные бураны, а в летний полдень к самой земле клонит траву горячий сухой ветер.

В 1888 году здесь, на берегу Алея, ходок от переселенцев Самарской губернии Михаил Рубцов поставил первую избу. От кулацкой кабалы, от нужды тянулся хлеборобы на просторные земли суровой Сибири. Так возникло село Рубцовка.

В борьбе с кулаками окрестных деревень, не желавшими уступить переселенцам сенокосных угодий, отвоёвывали право на жизнь в новом селе пришлые хлеборобы. А когда село разрослось, появились в нём свои богатей, на которых гнула спину рубцовская беднота.

В 1915 году через Рубцовку пролегла железная дорога на Семипалатинск. Большую выгоду принесла она лишь богатею Белогорлову — владельцу паровой мельницы. По «чугунке» ему доходилое стало вывозить и сбывать в городах хлеб, скупаемый у крестьян за бесценок. В недородные годы полгела было в долгах у «благотетели».

Большое пристанищное село жило тяжёлой, беспросветной жизнью. Работали до седьмого пота, стараясь выбиться в люди. По праздникам заливали горе вином. Болезни лечили наговорами, детей не учили: не было больницы, не было школы. В Рубцовке насчитывалось уже пять тысяч жителей, когда, по настоянию сельского схода, открыли, наконец, начальную церковно-приходскую школу.

С огромной радостью трудящиеся села и железнодорожной станции встретили Великую Октябрьскую социалистическую революцию, провозгласившую начало строительства новой, справедливой жизни, какой ещё не бывало на земле. Когда оголтелые полчища ставленника английских, французских, американских и других империалистов — полчища кровавого Колчака ворвались в эти края, многие жители Рубцовки грудью встали на защиту советской власти. В Солонку, Волчиху, Кабань — к партизанам — уходили рабочие и сельская беднота. К боевому руководителю алтайских партизан большевику Ефиму Мамонову шли целыми семьями. Фёдор Яковлевич Кириллов, например, состоял в партизанах вместе с женой Акекией Петровной, сыном Павлом и дочерью Ольгой.

Несмотря на кровавый террор, чинимый белыми разбойниками, велась революционная работа и в самой Рубцовке. Глухими ночами в лабу рубцовского жителя Черникова приходили люди со степи. Квартира рабочего-путейца была местом сбора представителей партизанских отрядов. На стеклографе здесь печатались большевистские листовки, призывавшие народ к борьбе с колчаковцами.

После восстановления Советской власти в Сибири большое пристанищное село Рубцовка, превратившись в административно-хозяйственный и культурный центр привольного степного уезда, жадно потянулось к новому. В 1925 году здесь открывается школа-семилетка, а через год — школа-десятилетка. Ещё ранее были открыты в селе больница и амбулатория. Вырастают целые кварталы новых жилых домов, появляются двухэтажные здания учреждений и предприятий.

В декабре 1927 года Рубцовка была переименована в город Рубцовск. Старейшим депутат городского Совета Ольга Фёдоровна Мокроусова, та самая Ольга, которая с отцом, матерью и братом была в партизанском отряде, вместе с другими избранныками народа являясь инициатором похода за скорейшее благоустройство и культуру молодого города. В тот год на здешних улицах настлались первые тротуары, прокладывался водопровод.

Взамен обветшалого бревенчатого клуба строится двухэтажное каменное здание городского театра. Двенадцатую годовщину Октября горожане празднуют в новом театре с просторным зрительным залом, фойе, комнатами под библиотеку и читальню, под кружковую работу.

Вскоре близ театра вырастают также же прекрасные здания почты, школы-семилетки, городской больницы, Государственного Банка...

Одновременно шла постройка предприятий социалистической промышленности. Первым новым промышленным предприятием в Рубцовске был птицекомбинат, за которым вступили в строй мясокомбинат и мукомольно-элеваторный комбинат. В 1930 году промышленность города выработала продукции на 2 миллиона 195 тысяч рублей.

Ещё быстрее растёт культура города. В 1930 году в Рубцовке открывается педагогическое училище, в 1934 году — сельскохозяйственный техникум.

Великая Отечественная война застала жителей молодого города на постройках, за горячим возидательным трудом. 22 июня 1941 года сердца рубцовчан, как и всех советских людей, сжались от боли за Родину, от ненависти к врагу. Один за другим шли из Рубцовска эшелоны с бойцами-алтайцами, торопившимися в бой с фашистскими оккупантами.

Однако рост степного города не прекратился. С запада сюда шли встречные эшелоны с оборудованием заводов, вывезенным из-под вражеского огня. По мудрому сталинскому указанию осуществлялось великое переселение промышленности. Только большевистской партии, советскому государству, нашему народу было под силу разрешение этой невиданной, грандиозной задачи, связанной с неисчислимыми трудностями. В восточных районах страны, далеко от фронта, должны были в кратчайший срок вырасти новые заводы.

Рубцовский городской комитет партии и горсовет размещали эвакуированных, намечали площадки для строительства заводов и рабочих посёлков. Нужно было дать жилища прибывающим рабочим, и тысячи горожан — служащих, домохозяек, жён фронтовиков — выходили на постройку временных землянок, в шутку прозванных «землегребками». Партийные организации возглавляли борьбу за скорейшее строительство жилищ и заводов.

Пасмурной, холодной весной 1942 года ожил пустырь на северной окраине города. Здесь началось строительство тракторного завода. В Рубцовск прибыла часть оборудования Харьковского тракторного завода, группа работавших на нём специалистов. Расчистив площадку, люди в стужу, в дождь работали под открытым небом, собирали станки на деревянных помостах.

На строительной площадке оказалось несколько амбаров для ссыпки зерна. В одном из этих амбаров временно разместился ремонтно-механический цех. Здесь, под руководством Зиновия Семёновича Рубцова, рабочие в короткий срок смонтировали и пустили в ход первые станки. С этого цеха начинал свою жизнь Алтайский тракторный завод.

Заводуправление обосновалось неподалёку, в старом каменном здании. В одной из комнат — партийный комитет завода. Днём и ночью приходили сюда люди. Партком направлял большевиков-тракторозаводцев на передовые позиции стройки. С ними весь коллектив жил одной мыслью — добиться скорейшего выпуска продукции. По часам росли корпуса ТЭЦ, поднимались стены цехов.

Уже 7 июня чугунолитейный цех, ещё не достроенный, не механизированный, выдал первую плавку. У входа в заводуправление появилась плита, отлитая из первого ковша чугуна. На ней — надпись, начертанная пламенем сердец патриотов Родины: «Своевременным пуском завода приблизим разгром немецко-фашистских захватчиков».

Витвой за свободу и счастье социалистического отечества было строительство этого завода. Советские люди, вдохновляемые и организуемые партией Ленина—Сталина, показывали чудеса трудового героизма, равные сказочным подвигам таких же простых советских людей на фронтах Великой Отечественной войны.

Харьковские мастера-тракторостроители встретили в алтайском городе достойных учеников. В первых числах августа в тракторосборочный цех уже начала поступать из других, ещё строящихся, цехов детали нового, алтайского трактора. И передовым бригадиром на сборке стала сибирячка Екатерина Букина. Старые мастера, прибывшие в Сибирь из Харькова, восхищались упорством и настойчивостью этой девушки, ранее никогда не видевшей производства. Екатерина Букина быстро освоила профессию и учила своих подруг, не покидая рабочего места, пока вся бригада не выполнит дневного задания.

24 августа в Рубцовске был собран первый трактор. Собрали его на земле: ещё не было конвейера, ещё строилось и само помещение тракторосборочного цеха.

Как поворождённого младенца, принимали первую свою машину тракторозаводцы, любовно оглядывая каждую деталь. И когда трактор № 1 со сверкающей маркой «АТЗ», нарядный, приукрашенный зеленью, покатила по улицам Рубцовска. — торжествовал весь город.

Знаменательные даты истории Алтайского тракторного завода стали памятыми днями для каждого жителя Рубцовска.

Вступали в строй новые и новые цехи. Городские комсомольцы объявили ударным строительство котла для ТЭЦ, в срок выполнили свои обязательства. Электрический ток пошёл к цехам и жилищам. К этому времени в рабочем посёлке завода появилась первая улица с высокими, светлыми домами.

Героическая Красная Армия, поддерживаемая победами труженников тыла, развёртывала великое наступление, истребляла фашистские орды, освобождая город за городом.

По вечерам, после напряжённого рабочего дня, тракторозаводцы собирались у репродукторов, слушали приказы Верховного Главнокомандующего. На огромной географической карте, выставленной у стен завода, каждый день перемещались вперёд, на запад, красные флажки. Победы на фронтах подушевляли тракторозаводцев на новые подвиги в труде.

23 сентября 1943 года, в день освобождения старинного украинского города Полтавы, площадь перед центральной лабораторией завода заполнили тракторостроители. Здесь были и побеленные седнами мастера, работавшие до войны на Харьковском заводе, и алтайские девушки, совсем недавно пришедшие к станкам. За успешную работу коллектив вырастающего на Алтае тракторного завода получил переходящее красное знамя Государственного Комитета Обороны.

Замер тысячный митинг. Директор завода Иётр Павлович Шарфёнов, преклонив колено перед знаменем и подневав край алого полотнища, произнес торжественные слова клятвенного обещания:

— Мы, кадровые и молодые рабочие, командиры производства, инженерно-технические работники и служащие завода, принимая высокую награду — знамя Государственного Комитета Обороны Советского Союза, торжественно клянёмся тебе, Родина, и великому Сталину...

—...клянёмся тебе, Родина, и великому Сталину. — повторяет тысячный гул голосов.

Алтайские тракторостроители даёт слово непрерывно увеличивать выпуск продукции, повышать производственную выучку, отдавать все силы делу помощи фронту. Они клянутся работать так, как учил Ленин, как учит Сталин.

Завод строился, а с конвейера сходили всё новые и новые тракторы.

В январе 1944 года тракторозаводцы послали рапорт великому Сталину о том, что волею партии и народа построена и сдана в эксплуатацию первая очередь мощного тракторного завода на Алтае. Работают многочисленные цехи, мощная теплоэлектроцентраль, выдаёт продукцию механизированный кирпичный завод. Начато поточное производство тракторов, изготовлено уже более 1000 машин с маркой «АТЗ».

Из Кремля в степной Рубцовск пришла телеграмма вождя:

«Приветствую и поздравляю строителей, рабочих, техников в служащих Алтайского тракторного завода с большой производственной победой — пуском нового тракторного завода, освоением производства и выпуском первой тысячи тракторов.

Своей напряжённой работой вы создали в короткий срок в трудных условиях военного времени мощный завод по выпуску тракторов для сельского хозяйства и нужд Красной Армии.

Родина и наша славная Красная Армия высоко ценят вашу самоотверженную работу и помощь в деле быстрого разгрома немецких захватчиков.

Желаем вам дальнейших успехов в вашей работе.

И. Сталин».

Для советских людей-патриотов нет большего счастья, как заслужить высокую оценку, приветное слово великого вождя. С новым воодушевлением трудилась люди нового завода. Все большие алтайских тракторов шло на бескрайние колхозные поля. Рубцовчане, в начале войны ушедшие в армию, встречали тракторы АТЗ на фронтовых дорогах. Волнующими письмами обменивались защитники Родины со своими земляками.

Начальник прессо-генераторного цеха получил письмо из Прибалтики, где советские войска добивали врага. Гвардии рядовой В. Шаров писал:

«Прошу сообщить, как работает моя дочь Валя. Если есть за ней какие недостатки, то вы ей скажите, пусть работает по-фронтовому, как отец, который метко бьёт пеналюстного врага».

Коллективу цеха было чем порадоваться война-земляка... О дочери его, алтайской девушке, ставшей отличным слесарем, они написали:

«Сообщаем вам, что Валя Шарова занесена на почётную доску и за отличные показатели избрана делегатом на первой краевой съезд молодых рабочих-стахановцев».

Молодёжь, воодушевляемая телеграммой всегда, ещё успешнее овладевала почётными профессиями, становилась мастерами тракторостроения.

Шура Субратова после окончания школы ФЗО была направлена в сталелитейный цех. Когда здесь пустили первую формовочную машину, девушка настойчиво принялась за овладение искусством формовки. Вскоре она стала лучшей формовщицей и бригадиром. Теперь переяривают довоенные пармы Харьковского тракторного завода уже ученицы Субратовой.

Мощные машины, сделанные в Рубцовске, спешили к хлебоборам освобождённых земель Украины, Белоруссии, Латвии, Эстонии, Литвы...

В рабочем посёлке завода к этому времени уже появились благоустроенные двухэтажные дома, начали складываться кварталы нового города — улицы имени Сталина, имени Молотова.

Силы завода крепли. В ряды алтайских тракторостроителей вливались демобилизованные из Советской Армии воины-победители. Они приезжали в родной Рубцовск и не узнавали города. Вот что рассказывает о своих первых впечатлениях коренной житель Рубцовска капитан-орденоносец А. П. Щегинин:

«Поезд мчит меня по родному краю. Мелькают за окном знакомые разъезды и станции. Глубокая ночь, но мне не спится. Пять лет прошло с тех пор как расстался я со своим родным городом. И вот ещё одна остановка — и я буду дома».

Подхожу к окну, стараюсь увидеть в темноте огньки Рубцовска, и внезапно вырывается у меня возглас удивления: вдали сплошная линия огней!

— Что это? Ведь сейчас должна быть Рубцовка?

— Рубцовск и есть, — подтверждает сосед по куле. — Алтайский тракторный завод светится».

Подъезжаем ближе. Так вот какой он — завод, о котором я на фронте читал в газетах! Охватывает чувство гордости за родной Рубцовск — город большого будущего».

Не одним только тракторным заводом и его людьми славен новый Рубцовск. Одновременно с тракторным здесь вырос завод «Алтайсельмаш», и таким же героическим подвигом были дела его строителей.

7 августа 1944 года с северной окраины Рубцовска на южную пришёл повенский трактор. Его привели тракторозаводцы, чтобы стать свидетелями рождения не менее важной машины — пятикорпусного тракторного плуга. С утра у экспериментальной мастерской «Алтайсельмаша» собрались свободные от смены рабочие обоих заводов.

К трактору «АТЗ» прицепили плуг марки «5К—35» — первый алтайский тракторный плуг. Старший конструктор тов. Исаюшкин установил глубину пахоты на 20 сантиметров. Трактор двинулся вперёд, и острые лемеха плуга врезались в землю, оставляя за собой глубокую, ровную борозду. Глубину пахоты увеличили до 25 сантиметров, плуг так же свободно отваливал пласты земли.

Молодые рабочие Николай Хорошев, Алексей Бакташев, Дмитрий Барташев, Николай Салов бурно переживали радость успеха. Это они упорно работали над каждой деталью новой машины, чётко выполняли все указания начальника экспериментальной мастерской тов. Супрун.

Первый, опытный плуг с честью выдержал испытания. Коллектив завода пошёл дружную борьбу за серийный выпуск тракторных плугов. Через несколько месяцев алтайсельмашевцы дали стране уже тысячный тракторный плуг, одновременно не снижая темпы выпуска конных плугов и различных запасных частей к сельскохозяйственным машинам.

Завод «Алтайсельмаш» — крупное предприятие сельскохозяйственного машиностроения. Многие коренные жители Рубцовска работают здесь слесарями, токарями, фрезеровщиками, вагранщиками.

18 октября 1948 года строители и коллектив завода «Алтайсельмаш» доложили товарищу Сталину о досрочном завершении строительства первой очереди завода и освоении массового выпуска почвообрабатывающих машин. Товарищ Сталин поздравил их с большой производственной победой.

Иные уже десятки тысяч тракторных пятикорпусных и конных плугов, тысячи свеклоподъёмников с маркой «Алтайсельмаш» работают на социалистических полях Сибири.

Имя товарища Сталина тесно связано с ростом и развитием Рубцовска. Восемь приветственных телеграмм получили от великого вождя трудящегося города. Золотыми буквами вписано каждое слово приветствия и благодарности Иосифа Виссарионовича в почётную книгу горожан, страницы которой украшены датами и цифрами славных трудовых побед.

За несколько дней до начала новой послевоенной сталинской пятилетки в Рубцовске выдали первую плавку чугуна вагранки Алтайского завода авто-тракторного электрооборудования. Это третий на Алее завод, имеющий всесоюзное значение в деле механизации сельского хозяйства. Вскоре он освоит производство генераторов марки «Г-30», а затем — генераторов более совершенной конструкции «Г-32».

К 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции Алтайский завод автотракторного электрооборудования, кроме основной продукции, выпустил свыше 40 тысяч карбюраторов.

Грандиозный план послевоенной пятилетки поставил перед нашей промышленностью огромные задачи. Ускоряются темпы производства, осваиваются новые технологические процессы, новые виды продукции.

Творческим подъёмом охвачены люди Рубцовска. Они стремятся к наибольшим достижениям во всесоюзном соревновании за досрочное выполнение пятилетки. План первых трёх лет послевоенного пятилетнего плана промышленностью города выполнен на 101,5 процента, а программа 1948 года — на 122 процента. Ведущие предприятия — Алтайский тракторный завод имени М. И. Калинина, завод «Алтайсельмаш», Алтайский завод автотракторного электрооборудования — завершили годовую программу за 11 месяцев. В результате борьбы за рентабельность, внедрение хозрасчёта, снижения себестоимости продукции предприятия города в 1948 году дали государству 8,6 миллиона рублей сверхплановой прибыли.

На рубцовских заводах трудится многочисленная армия инженеров и техников. Являясь новаторами производства, они неустанно работают над техническими прогрессом в промышленности, добиваются усовершенствования выпускаемых машин. Трудящиеся Рубцовска заслуженно гордятся лауреатами Сталинской премии коммунистами-инженерами Ясногородским и Харитоновым, которым принадлежит ценнейшее изобретение — новый эффективный метод нагрева металла и сплава в электролите. Их открытие имеет огромное значение для всех отраслей промышленности.

Инженеры Алтайского тракторного завода имени М. И. Калинина во главе с инженером-конструктором тов. Сидельниковым создали новый вид мощного дизельного трактора. На Харьковском и Сталинградском тракторных заводах уже приступили к освоению производства этой машины.

На заводе «Алтайсельмаш» готовится к выпуску серия новых модернизированных тракторных пятикорпусных плугов с захватом корпуса 35 сантиметров, четырёх- и шестикорпусных плугов с захватом корпуса 40 сантиметров.

Конструкторы завода автотракторного электрооборудования тт. Казанский и Агуляну, во главе с директором тов. Гальченко, сконструировали новый, менее трудоёмкий тип тракторного генератора. Это дало возможность на 20 процентов снизить расходы металла и проводов при изготовлении генератора.

Трудящиеся Рубцовска вместе с людьми колхозной деревни ведут борьбу за хлеб, за высокую культуру земледелия, основанную на передовой агротехнике и передовой агробиологической науке. Помощь города деревне выражается не только в увеличении выпуска первоклассных тракторов, в снабжении другими совершенными сельскохозяйственными машинами. Ежегодно из Рубцовска направляются в колхозы сотни агитаторов, пропагандистов, тысячи горожан помогают колхозникам убирать урожай, ремонтировать машины, строить сельские электростанции.

Мощная теплосиловая электростанция Алтайского тракторного завода питает электроэнергией не только Рубцовск, но и близлежащие колхозы.

В довоенном 1940 году промышленность Рубцовска дала стране продукции на 15 миллионов рублей, а в 1946 году — уже на 128 миллионов.

Значительно выросла местная и кооперативная промышленность: в городе построены и работают швейно-обувная фабрика с миллионным годовым оборо-

том, макаронная фабрика, механизированный хлебозавод, выпекающий 40 тонн хлеба в сутки.

Небольшая станция Рубцовка превратилась в крупный железнодорожный узел — отделение дорог. Одни за другими отправляются со станции эшелоны с тракторами, плугами, запасными частями, зерном. Навстречу им идут составы с металлом, углём, лесом...

Население Рубцовска увеличилось уже во много раз. За пять лет (1942—1947) в городе построено дополнительно 83 тысячи квадратных метров жилой площади.

До 1947 года в Рубцовске не было местовых, теперь замощены десятки тысяч квадратных метров.

Рабочий посёлок тракторного завода, расширился, сливается с городом, становится лучшей частью Рубцовска. В посёлке — красивые прямолинейные улицы с благоустроенными жилыми домами, школами, детскими садами, магазинами. Асфальтированные пешеходные дорожки обсажены деревьями.

На южной окраине Рубцовска, из рабочего посёлка завода «Алтайсельмаш», вырастает другой такой же район города.

В Рубцовске уже 20 начальных, неполно-средних и средних школ. Только в 1947 году для детей тракторостроителей построены двухэтажная, прекрасно оборудованная школа-десятилетка и начальная школа. Здесь есть, кроме того, музыкальное училище, две вечерних школы рабочей молодёжи.

В городе три ремесленных училища, три школы фабрично-заводского обучения, машиностроительный техникум, педагогическое училище, вечерний филиал Алтайского машиностроительного института.

Около 500 учителей Рубцовска воспитывают подрастающее поколение в духе коммунизма. Почти половина этих учителей — уроженцы города или окрестных сёл.

Рубцовский драматический театр — любимое место отдыха трудящихся. Но кроме театра в городе пять рабочих клубов, в каждом из которых плодотворно работают самодеятельные драматические коллективы.

Ежедневно рубцовчане получают свыше 10 тысяч писем со всех концов Советского Союза, около 6 тысяч экземпляров центральных и краевых газет, сотни различных журналов. В самом Рубцовске издаётся пять газет.

В городе 16 библиотек, 5 партийных кабинетов, своё лекционное бюро, свой вечерний университет марксизма-ленинизма, в котором 300 слушателей.

Здоровье населения молодого города охраняют теперь 62 врача различных специальностей. В Рубцовске имеется теперь несколько амбулаторий, поликлиник, больниц, аптек, диспансеров, малярийная и эпидемиологическая станция, брусцезный и пастеровский пункты.

О многом говорят эти сухие цифры. Подвлекновенной, целеустремлённой жизнью живёт город Рубцовск. Неизменно изменялась за годы социалистического строительства жизнь на берегах Аля и продолжает меняться с чудесной быстротой. Направление этих перемен — к счастью народа, к вершинам славы Родины, к коммунизму.

Разработан генеральный план реконструкции Рубцовска. В центре его возникнут совершенно новые улицы с многоэтажными домами, с новыми школами, театрами, кино, магазинами. Осуществление этого плана — дело ближайших лет, оно уже начато строительством зданий новых четырёх средних школ, новой городской поликлиники, разбивкой скверов в различных частях города.

Зеленые насаждения укроют город от пыльных ветров. Скверы и парки на берегах Алая станут излюбленным местом отдыха горожан.

Алтайский тракторный завод имени М. П. Калинина в 1950 году будет выпускать тракторов больше, чем выпускает сейчас. Территория завода увеличится в полтора раза и покроется сетью асфальтовых дорог и подъездных путей. Система тоннелей скроет воздухопроводы и теплофикационные магистраль. В громадном здании нового чугунолитейного цеха многочисленные конвейеры, транспортёры, подъёмные краны полностью механизмируют все участки работы. Расширятся площади других цехов. Уже строится новый большой деревообделочный цех.

Сторона заводской площади, обращённая к линии железной дороги, украсится зданием заводоуправления, лабораторией, административного, автоматической телефонной станции.

До озера Разиты, на протяжении многих километров, на высоких металлических мачтах пройдёт троска канатной дороги для вывоза отходов литейного и других цехов.

В рабочем посёлке тракторостроителей вырастет много новых трёхэтажных домов с центральным отоплением, водопроводом, канализацией. Жилищный фонд увеличится в пять раз. Строится здание клуба-театра с залом на 900 мест, новая поликлиника, фабрика-кухня, детский, детский, спортивный городок с первоклассным стадионом и водной станцией.

На территории посёлка завода «Алтайсельмаш» также вырастут многочисленные новые жилые дома, общественные здания. Здесь будет свой клуб-кино, театр, школа, хлебозавод, баня-прачечная, несколько столовых, магазинов, детских садов и лесей, поликлиника, стадион.

К концу пятилетки «Алтайсельмаш» должен давать 30 тысяч тракторных и 50 тысяч конных плугов, 2 миллиона лемехов в год и большое количество других запасных частей к сельскохозяйственным машинам.

Значительно возрастёт производственная мощность третьего крупного рубцовского предприятия — завода автотракторного электрооборудования.

Трудящиеся Рубцовска, как все советские люди, уверенно смотрят в будущее. Будет так, как говорит партия, как указывает великий Сталин, как желает народ.

Партия и правительство окружают постоянным вниманием и заботой молодой, растущий город на Алтае. Об этом свидетельствуют принятое в начале 1949 года постановление Совета Министров РСФСР и Совета Министров СССР об оказании помощи Рубцовску в развитии городского хозяйства и культурно-бытового строительства. Около 11 миллионов рублей ассигновано на строительство в 1949—50 годах четырёх новых школ, новой больницы, двух кинотеатров, городской библиотеки, 18.740 квадратных метров жилой площади, 32 тысячи квадратных метров дорог, 23.400 квадратных метров тротуаров и других объектов.

Эта новая отеческая забота партии и правительства обязывает горожан работать ещё лучше, с небывалой энергией бороться за дальнейший подъём промышленности великого Советского Союза. И гордый сознанием величия дела Родины, упорно работает, учится, творит будущее молодой город алтайских тракторостроителей, освещённый зарёй коммунизма.

Стахановский шаг

Не то сон снится Василию, не то явь видится. Бегаёт он босоножим на улице родного Балакуля. Солице печёт нещадно, трава-конотоп скользят под ногами. Тяжело бежать! Старший братишка Санька далеко отстал. Зато Колька Шершень, хоть и маленький, а катится за спиной, жужжит:

— Не убежишь, не убежишь.

Догнал, схватился за плечо, повис. Вася дёргается, хочет вырваться, но не тут то было. Шершень как прилип. А на завалинках люди качают головами, смеются:

— Вася, Вася...

Только одна бабушка Анфиса не смеётся. Облободившись на плетень и советует:

— Вася, возьми...

— Чего возьми?

— Вася! — В голосе бабушки слышится мягкий укор. — Да что с тобой сегодня?

И правда, что с ним такое? Почему он не может справиться с заморышем Колькой Шершнем?

Дёрнулся Василий из всех сил и открыл глаза. Перед ним стоит тёща со Светланкой на руках. Девочка трепыхается, как рыбка, тянется ручонками к отцу.

— Поди, долго будили? — шурясь под лучом солнца, пробившимся сквозь кисею оконной занавески, спросил Василий и протянул к дочери большие руки.

— Будить было жалко, — оговорилась старуха. — Шибко сладко спал. Да хватилась кашку Светланке варить, а масла — ни пуговочки...

— Сейчас схожу, куплю, — зевая сказала Василий.

— Да ладно уж, сама схожу. Только не спи, покарауль Светланку. Я жилой ногой.

Светланка, подражая отцу, легла на подушку и ватянула на себя одеяло.

— Эй, товарищ Ударева, — подмигнул Василий дочери, — пора вставать да на завод идти.

Светланка, услышав слово «вставать», моментально зажмурила глаза, да так старательно, что всё личико сморщилось, словно девочка проглотила целую ложку лимонного соку.

— Не хочешь на завод? У меня там молот большой, стучит сильно: Бух! Бух! Понимаешь?

Полуторогодовалая дочь, смешно отставив губёчки, повторила раз пять: «бух, бух». Она только это и поняла.

— Эх ты, девчья порода, — засмеялся Василий. — Давай уж лучше я «Сороку» тебе сыграю.

Девочка живо протянула ручонку: любит играть «Сороку», бабушка научила.

— Сорока, сорока, где была, далёко... — наговаривал Василий, а Светланка закрывала глаза теперь уже по-настоящему. Пухленькая её ручонка, лежавшая на шершавой ладони отца, вяло сползла на перину.

— Мать честная! — почесал затылок Василий. — И влетит же нам, Света, от бабушки за неурочный сон. Ох и влетит!

Он живо представил себе недовольное лицо тещи, вздохнул, всплескивая руками. Уж за что, за что, а за влучку она не прощает. У неё один разговор:

— Вы не гонитесь на себе. Если вас растили кое-как, то хоть внуков, слава богу, по-людски теперь можно вырастить.

Может быть, Василий и не знает правил воспитания, но всё же ему кажется, что для дочери делается всё необходимое... Если бы ему в детстве так жить!

Ярко, ещё яснее, чем во сне, встала перед глазами Василия серенькая деревня Балакуль, братья Платон и Сашка, дружок Колька Шершень, короткологий, накрытый взъерошенной копной отроду нестриженных волос. Он был круглой сиротой, жил у бабушки Аңфисы, тоже совершенно одинокой.

Василий счастливец Шершня. У него была мать. Вот она. Сидит, скрестив на груди натруженные до мозолей руки, глядит на сына грустными, глубоко ввалившимися глазами, устало шепчет:

— Ох, Васька, Васька, горюшко ты моё...

Что же это я опять напрокудил? — прикидывает Василий. — А-а! Мамка велела за огородом следить, чтобы телята не зашли, а я убежал к Шершню и засиделся. Но как было не засидеться, если бабушка Аңфиса такую сказку рассказывала! Да вот она и сама из-за печки вышла, села рядом и начала:

— Жил-был кузнец, по имени Степан, а по уличному Сорока назывался. Так его за то прозвали, что не было у кузнеца ни кола, ни двора, ни жены, ни детей. Летал по свету, чисто сорока белобока, спал — где постелят, ел — что люди добрые дадут. Зато уж мастер был искусный. Слово ли знал тайное, или ловкостью брал, только железо его слушалось, как малое дитя мать-кормилицу.

Говорит бабушка Аңфиса, как песню поёт. Перед ней даже лицо матери как-то тускнеет, словно тучка на него нашла. Только глаза у матери светятся. Тяжело ей: работает одна, а за стол садятся четверо.

И вдруг Василий потерял из виду и мать, и бабушку. Завертелся под окном кузнец Харламов, стучит по земле солдатскими сапогами и кричит:

— Я — кузнец Сорока! Я — кузнец Сорока! Смотри, какой у меня конь... Выглянул Василий в окно и ахнул. Стоит у берёзы железный конь, бьёт о землю чугунными копытами...

— Садись со мной! — кричит Харламов и сам первым запрыгивает на коня.

Запрыгнул и Василий, держится за какое-то кольцо, а конь уже летит под облаками. Внизу прижалась к земле родная избёнка, потом промелькнула провалившаяся седлом дерюжная крыша хаты бабушки Аңфисы.

— Как же работает этот конь? — гадаст Василий. — Наверное, селетым воздухом, как молот.

А солнце светит ярко, ярко! Даже смотреть нельзя. Василии ладонью закрыл лицо, но Харламову это не понравилось. Повернулся он к Василию, сокрушённо качает головой и говорит:

— Так оно и получилось!..

Слишком громко сказал эту фразу кузнец. Василий вздрогнул и открыл глаза.

У кровати стояла тёща с полной авоськой покупок.

— Плохие же вы караульщики, — улыбулась она. — Захожу, глядь, а отец с дочерью позадирали посылы и хранят!

Старушка любовно поправила на Светланке простыню и, повернувшись, как бы невзначай, но с плохо скрытым подозрением, бросила:

— Письмо тебе принесли от кого-то, кажись, из Бийска.

— Из Бийска?

Это письмо Василий ждал давно. Прежде чем разорвать конверт, он долго рассматривал почерк. Адрес был выписан крупными, чуть угловатыми буквами:

«Барнаул, котлозавод, кузнечно-прессовый цех, бригадир Ударцеву Василию Павловичу». Внизу обратный адрес: «Бийск, котлозавод, Н. Дербизов».

«Если это сам Дербизов писал, то он, должно быть, очень грамотный парень, — отметил Василий. — Ишь, даже запятыя все расставлены. С таким соревноваться не легко будет».

Вертя в руках конверт, Василий не заметил, что из кухни внимательно следила за ним тёща. Старуху не на шутку обеспокоило то волнение, с каким схватился зять за письмо, как пристально рассматривает он адрес. Екнуло у неё сердце: как бы тут не было худа для дочки...

А зять уже разорвал конверт и весь отдался чтению.

«Василий Павлович! — писал Дербизов. — Ваш вызов на социалистическое соревнование, напечатанный в «Алтайской правде», мы обсудили в своей бригаде и охотно его принимаем. Будем, как и вы, бороться за отличное качество поковок и высокую производительность труда».

Вы взялись выполнить годовое задание к первому июля. Откровенно сказать, мы и не думали закончить свой план к такому сроку. Ну, а раз вы решили, мы тоже не останем. Сейчас наши кузнецы дают высокую выработку — до трёх—трёх с половиной норм в смену...»

— По три и три с половиной в смену! — восхищался про себя Василий. — Это здорово! Как, интересно, такая цифра на наших ребят подействует?

II.

— Триста пятьдесят процентов? — вскинул чёрные, лохматые брови подручный Оичаренко. — Триста пятьдесят? — как бы пробуя слово на вес, повторил он. — Это много.

— А может, он, твоё, подзагнул? — хихикнул машинист молота Витяка Крёмёв и хотел ещё что-то сказать, очевидно, смешное, но поймал на себе такой взгляд бригадира, что сразу осекся.

«Вас интересует, как добиваемся такой выработки, — продолжал читать Ударцев, — вкратце расскажу. Всё дело в слаженности, в чёткой организации труда. К работе мы готовимся с вечера, а утром, ещё далеко до гудка...»

— В одну смену работают, — вслух подумал Овчаренко.

«...ещё до гудка, — читал Василий, — я напих горнах греется металл. Во время работы у нас под руками находится всё необходимое: инструмент, запас заготовок...»

— А у нас бывает и под ногами, — с укором посмотрел бригадир на Овчаренко.

Близилось время перемены. В кузнечно-прессовом цехе нагревательные печи выбрасывали в дымоходы клубы угольной копоти. Рядом с печами, у молотов, хлопотали кузнецы. По другую сторону, через проход от кузнецов, громадные прессы, размеренно лязгая, мяти железо. Взад-вперёд сповали вагонетки с грузом. Спешил мастер, бригадир, рабочие: одни сдавали поковки, другие готовились к смене.

Василий аккуратно свернул письмо, положил его во внутренний карман комбинезона и спросил:

— Понятно?

— Чего ж не понятно? Понятно, — откликнулся словосохотливый Овчаренко. — Только, я смотрю, забьют они нам гол...

— Ну уж, — хмыкнула Александра Кирилловна и отвернулась от подручного. — Какие они такие, что так вот и забьют.

— Да я не о том, какие они... Мы тоже не из последней команды. Но у нас компрессор... — Миша свёл у переносья чёрные брови, подыскивая удачное слово, чтобы одним им стереть с лица земли компрессор, но поиски затянулись, и он только рукой махнул да поморщился, что означало: «Дрянь машина, слова доброго не стоит».

Машинист молота Витька Кремиёв, совершив ошибку во время чтения письма, теперь помалкивал. А Ударцев смотрел на него выжидающе. Но что же сказать? Витька не верит, что их кузнец Василий Ударцев кто-нибудь может опередить. Это, собственно, и послужило причиной того недоверия, с каким он отнёсся к трём с половиной нормам ДЕРЕБИЗОВА. Три с половиной нормы! Да такие выработки даже у Василия Павловича бывают редко.

— А что скажет машинист молота? — не дождавсь, спросил Ударцев.

— Что? Ну, что... — Витька проглотил слюну. — Я скажу, что... что не хочу поддаваться кому-то. Вот и всё.

Бригада засмеялась.

— Тогда решено, — ладонью хлопнул бригадир машиниста по плечу. — Как сказал Виктор, поддаваться ДЕРЕБИЗОВУ не будем.

Степным шагом к бригаде подошёл Харламов. Василий только глянул на него, сразу вспомнил свой утренний сон. И может быть, это ещё больше влило теплоты в рукопожатие, которым обменялся Ударцев со своим другом.

— Как дела? — изучающим взглядом окинул Харламов бригаду.

— Письмо от ДЕРЕБИЗОВА получили. А потом, знаешь, напомни когда-нибудь, сон интересный расскажу. Тебя видел!

Миша Овчаренко открыл заслонку и клюкой шевелил греющиеся в печи болванки. Василий, прищурив глаза, заглянул в жаркое гарнила.

— Не дошла ещё.

Первая смена уже покинула цех. Перестали сповали вагонетки, не ходили взад-вперёд люди. Кругом вновь гремели прессы, в отделе ручнойковки колёсочками отзванивали молотки. Но в общей музыке труда нехватало ещё мощных басовых звуков. Эту партию в кузнечно-прессовом ведут молоты, а они пока преставляют.

Торопится секундная стрелка на часах Ударцева, довольно прытко ползёт и минутнал. Бригадир сидит, прислонившись спиной к тёплым кирпичам печи, и смотрит в одну точку. В голове у него вертится фраза из письма Дербизова: «Ещё до гудка в наших горнах гресется металл...»

Часы показывали без четверти шесть, когда Овчаренко выкатил из печи первую болванку. Кузнец встал, окинул взором огромный молот и постепенно взялся за клещи. Подручный бросил на боёк горячую болванку. Ударцев перехватил её клещами и подал знак машинисту. В тот же миг тяжело бабахнул молот. Огненный дождь брызнул под ноги кузнецу. От близости к горячему металлу лицо его засветилось бронзой, серые, глубоко посаженные, глаза расширились и заблестели радостью.

III.

Василию Ударцеву двадцать четыре года. Но ещё и теперь, стоит ему, закрыв глаза, подумать, как встает перед ним то залитая летним солнцем, то по самым трубам занесённая снегом родная Балакуль. И первой из односельчан упоминается бабушка Анфиса.

Она, как рассказывали, приехала в Балакуль с мужем-кузнецом из Нижнего Тагала. Старика в девятнадцатом застрелили колчабовцы: кто-то донёс, что кузнец ковал оружие для партизан.

Жила бабушка Анфиса на отшибе, близ колхозной кузницы. Далеко жила, по ребятишки со всей деревни стекались к ней. Рассядутся в тени под берёзками, а бабушка на скамеечке у плетня согнётся, нараспев, чуть раскачиваясь, начинает:

— Так вот, милые мои цыплятки, ходил Сорока от села до села, ковал мужикам лошадей, натягивал на колёса шины, а у самого думка на уме, как огонь в загиете, теплится: сделаю-ка я коня себе могучего из крепкого железа да тяжёлого чугуна, чтобы ни овса, ни сена коню не понадобилось, а бегал бы он быстрее вихря степного.

Ребятишки, рты разинув, слушают. Васи забывает обо всём, к нему приходит страстное желание стать кузнецом, сковать себе железного коня, да такого, чтобы он оказался похлеще, чем у Сороки.

Сельская сказительница сыграла в жизни Василия Ударцева важную роль.

В сорок первом году перед шестнадцатилетним юношей встала задача определиться в жизни. Старшие братья находились на фронте, а мать тяжело болела. На совет собрались соседи, родственники, председатель колхоза, учитель и бабушка Анфиса.

— Да ты, кума, волнуешься зря, — попытался успокоить большую колхозный председатель. — Может, и поправишься...

— Не надо, кум, не маленькая. — сурово остановила его мать.

О жизни Василия рассудили просто:

— Пусть учитель в школе, не в лесу живёт, в колхозе.

— А может, самого поспрешать? — постучала батошкой об пол бабушка Анфиса.

Позвали Василия.

— Ты кем хочешь быть? — спросил председатель.

— Кузнецом! — звонко отчеканил парнишка и опустил глаза перед взором старой сказительницы.

И хоть тяжело было на душе у односельчан, сидевших около больной, но такому резонному ответу все заулыбались. Улыбнулась и мать.

Через месяц колхозный сливковоз доставил Васю в райисполком, а ещё через неделю уже сидел он за партой в светлом классе магнитогорского ремесленного училища.

Если бы возможно было посмотреть на дни учебных буден со стороны, они показались бы чем-то вроде убегающих вдаль серых телеграфных столбов. Но для Васи каждый день был новой страницей, очередной ступенькой вверх по лестнице жизни. Ему нравился полувойенный порядок училища, форму ремесленника он считал самой дорогой одеждой.

Влюбился Вася в мастера Фёдора Фёдоровича, высшего, без единой седины, старика с обвислыми запорожскими усами. Эта любовь особенно развилась после того, как мастер стал захаживать к ребятам в общежитие. Однажды он собрал в комнату всю свою груду и повёл такой разговор:

— Есть среди вас недовольные? А? Может, кому кузнечное дело не нравится?

Воспитанники молчали.

— Я вам скажу вот что: в мире немного профессий, которые можно равнять с нашей. Кузнецу равен только писатель, художник, скульптор, музыкант, артист. Вы спросите: почему? А вот слушайте. К примеру, возьмём токаря. Его дело за станком смотреть. Если надо на миллиметр выбрать углубление, токарь ставит резец по шкале и точит. А наше дело, как у живописца, ещё потруднее. Выхватил из горна болванку и рисуй по ней, что чертежом задано. Да не зевай, а то металла остынет.

Когда с фронта начали приходить радостные известия, Фёдор Фёдорович стал засиживаться в общежитии своих питомцев ещё дольше.

— Что такое кузнец? Кузнец — это художник по железу! — доказывал он, ница глазами желающего возразить. Однако таковых не находилось, и старик начинал говорить мягче. — Пётр Великий учился кузнечному мастерству. Многие большие люди вышли из кузнецов. К примеру, Иван Иванович Ползунов. Слыхали о нём?

— Расскажите, Фёдор Фёдорович, — просили ребята.

— Родился он у нас на Урале, на Екатеринбургском заводе. Теперь на том месте Свердловск стоит. Сызмалетва Ползунов к кузнецам присматривался, а как подрос, сам встал к наковальне. И так начал ковать, что все старые, умелые мастера отстали от него. Ну, конечно же дело, как раньше велось, коситесь на соперника стали. А он и говорит: «Старики, не держите на меня зла. Почёт и гроши отбивать у вас не стану. Я ищу вам облегченье по работе».

Была у него думка сковать огненную машину. Старики Ползунову вначале не верили. Но когда начальство стало посылать его на Барнаульский завод, кузнецы запечалились: «Как же, Иван Иванович, как дашь нам облегченье, если уезжаешь? В том беда не велика. — отвечал Ползунов. — Что Алтай, что Урал — всюду земля русская, везде люди ждут счастья».

Много дней Иван Иванович сочинял чертежи, по болтику, по заклёночке собирал свою машину. Работал, торопился. А мастеравые от Змеиногорска до Нижнего Тагила один другому вести передавали, что, мол, строит Ползунов машину, даст заводскому народу облегченье. Уверовали, что огненная машина принесёт счастье...

Слушал Вася старого мастера с ещё большим вниманием, чем бабушку Анфису. Сказка о железном коне кузнеца Сорочки сливалась в его воображении в одно с быльёю об огненной машине Ползупова.

IV.

В Барнауле Василий Ударцев приехал после окончания войны. В подручные к новому кузнецу был назначен Алексей Харламов, высокий, шире Ударцева в плечах, статный и подтянутый, как кадровый офицер. К нему Василий сразу почувствовал симпатию.

Не то было с кочегаром. Когда представили Александру Герасько, Ударцев озадаченно хмыкнул. Маленькая, хрупкая женщина... Какой из неё кочегар? Хотел было кузнец сразу же пойти к начальству и потребовать другого кочегара, но, подумав, остановился. «Ладно, немного помаюсь с этой. Потом будут причины просить другого».

По причины не нашлись. Герасько так проворно и легко шуровала, что кузнец, поглядывая на кочегара, только головой качал. Тогда ещё неизвестно было Ударцеву, что Александра Кирилловна своими маленькими руками перделала много работ. До войны она служила счетоводом. В сорок втором, когда началась стройка котельного завода, Герасько добровольно пошла в бригаду каменщиков, а потом перевелась в цех.

Харламов не строил завода, он только что демобилизовался из армии и при разговоре с начальником ещё вставал по стойке смирно. С Ударцевым у него с первых же дней завязалась дружба. Харламов полюбил Василия за то, что он ковал красиво, легко, с творческим воодушевлением. А Ударцев тянулся к своему подручному, видя в нём человека со светлой головой. Для Харламова всё было ясно, во всём он легко разбирался, обо всём говорил просто и с твёрдой уверенностью, брался за всякое дело расчётливо. Обучая подручного мастерству ковки, Василий учился у него мыслить, трезво глядеть на жизнь, обдумывать поступки. Последнее было особенно важно: молодой кузнец не умел себя сдерживать в горячие моменты. Какая-либо неполадка, что-нибудь не по праву, и всё пропало — Ударцев не работник.

Однажды до начала работы к печи не был подвезён уголь. Принимая смелу, Ударцев спросил мастера:

— Чем же печь топить прикажете?

— Постарайтесь подвезти уголёк сами, — с улыбкой ответил тот.

Кузнец выругался и торопливо зашагал к молоту.

Бригада была готова начать работу, но Ударцев энергичным жестом в громким голосом подак к кочегару команду:

— Гася печь!

Александра Кирилловна, ничего не понимая, покачала плечами. Тогда кузнец сам подошёл к печи, пинком ударил по воздушной заслонке и, ослабев, уселся на обрезок трубы около тонки.

Герасько с надеждой посмотрела на Харламова. Что делать? — спрашивала её взор. Харламов шеинул, чтобы она с машинистом молота шла пасыпать уголь.

— Что он сказал? — спросил подручный, имея в виду мастера.

— Постарайтесь, говорят, уголёк подвезти сами... Дурака нашёл! С вагонетками напариться, а потом у наковальни грейся. Нет, обожжешься, не

на того парвалася! Я — кузнец, моё дело — клещи. Пусть мастер сам возят уголь, коли не сумея обеспечить!

Проговорил это Василий быстро, захлебываясь от обиды.

— Да, — крикнул Харламов, — полужельеце! — Он помолчал немного, потом положил руку на плечо кузнеца и сказал: — А работать надо.

— Чего? — угрюмо взглянул на него Ударцев.

— Работать, говорю, всё равно надо. Не имеем мы права из-за оплошности мастера гасить печь, срывать график всего завода. Ты же сам знаешь: рымы, которые мы сегодня будем ковать, дожидают монтажники. А потом мы делаем котёл Сталинграду. Понимаешь — Сталинграду!

— Брось! — болезненно сморщился Ударцев. — Сам знаю, кому котёл делаем. И не вздыхай жалостливо, и не смейся. Совсем не смешно.

— Это правда, — жёстко сказал Харламов. — Ты мне скажи: для чего ты работаешь?

— А тебе какое дело?

— Я спрашиваю тебя, во-первых, как член партии, во-вторых, как твой ученик. Вот и скажи мне, своему подручному, для чего ты работаешь?

Василий вяло усмехнулся.

— Ну, как для чего? Для чего все люди работают, для того и я.

Видя, что Харламов не удовлетворён ответом, Ударцев беспомощно развёл руками.

— Ну как тебе лучше сказать... Вопрос ты, видишь ли, смешно ставишь: для чего работаю? Да я подох бы с тоски, если бы меня с кузнецов сняли! Не могу спокойно смотреть на кусок железа, так и хочется из него что-либо сострипать. Вот для чего работаю. Ну, конечно, этим пользу государству делаю, как и все.

Харламов с нескрываемой жалостью смотрел на своего бригадира и качал головой.

— Не то, Василий Павлович! Не видишь ты перед собой задачи, конечной цели.

— А ты видишь?

— Вижу. Я знаю для чего работаю, за что дрался мой отец в Гражданскую, а я — в Отечественную. Мы боролись и боремся за коммунизм!

Харламов внимательно следил за выражением лица Ударцева, но не увидел, какое впечатление произвели его слова на кузнеца.

— Ты, Василий, почувствуй душой своё счастье. Твоих дедов и прадедов за людей не считали, потому что они были крестьяне. А какой-нибудь граф, он, может, тысячу раз иднот, но родился от графа, мог крестьян, как скотину, продавать. Ты этот ужас представляешь?

— Все о чём читал, кое-что от старых людей слышал.

— Значит, представляешь. Теперь сравни жизнь своего дёда со своей жизнью. Ты вчера ходил в театр, летом собрался на курорт, читаешь книги. Ты, если захочешь, можешь учиться на инженера. А почему так? Потому, что ты живёшь в стране социализма. Так? А теперь давай посмотрим на Америку. Страна богатая, имет и промышленность, и земли плодородные, а миллионы людей маются без жилья, умирают с голоду. Почему так? Потому, что все богатства там находятся в руках капиталистов. Одни из них, я читал, выкопал бассейны золотыми плитами. Из скольких миллионов людей этот подлец выдавал гроши, чтобы накопить столько золота?

В эту минуту с треском распахнулись цеховые ворота, и машинист молота в Герасько, тяжело упираясь, вкатил вагонетку с углём.

Василий прищуренным глазом с ног до головы смерил подручного и словно уличённый в пехорошем деле, виновато опустил взор. Харламов это заметил, добродушно улыбнулся и, как ни в чём не бывало, сказал кочегару:

— Долго же вы шакладывали!

Позже к прерванному разговору кузнец с подручным возвращались не одни раз.

— Мы, Василий Павлович, — с радостью говорил Харламов, — уже у семафора коммунизма. Только не подумай, что мы стоим. Мы идём. Каждый рабочий день страны — это шаг к коммунизму. А если в этот день сделано вдвое больше, чем планировалось, значит, сделано два шага. Понимаешь, в чём значение стахановского шага?

После каждой такой беседы Ударцев чувствовал себя на ногах твёрже, двигаясь по земле увереннее. Он даже стал замечать, что нередко говорит словами Харламова.

V.

— Так что ты обещал рассказать? — подхватив Ударцева под локоть, спросил Харламов.

Оба высокие, в тёмных комбинезонах, они только что минули проходную. Когда шли мимо столбов, на которых горели электрические фонари, Харламов заглядывал в лицо товарища и видел, что смотрит он вдаль, на яркие огни в жилых домах. «Интересуетя, спит ли дочь», — догадался Харламов.

Под ногами хрустел вечерний мартовский лёдок, лица, привыкшие к жаркому дыханию металла, царапал морозец.

— Что обещал рассказать? А-а! Чуть не забыл. Помнишь, я как-то рассказывал сказку о кузнице? Так вот, во сне Сорокой выступал ты.

— Интересно! — со смехом отозвался Харламов.

Фонарь под абажуром над заводскими воротами остался далеко позади, но гул станков ещё слышался. Василий оглянулся, посмотрел на освещённые окна цехов.

— А красив наш завод...

— Растём, браток, растём, — весело ответил Харламов. — Ещё не такие построим!

Котельный завод был сооружён в тяжёлые времена. В те дни, когда в Сталинграде советские воины боролись за каждый дом, за каждый этаж, на родине первого в мире теплового двигателя шла борьба за каждый метр клздки для нового котельного завода. Там, в Сталинграде, ещё металась в предсмертных судорогах немцы, а советские труженики на Алтае, претворяя в жизнь великий сталинский план, готовились делать новые мощные котлы для города-героя.

Незаметно кузнец и подручный дошли до перекрёстка. Здесь Ударцеву надо сворачивать налево, Харламову — направо. По привычке, они остановились. Василий протянул руку.

— Ну, до завтра.

— Подожди. Я тебя давно хотел спросить. Ты, поступая на завод, не руководился философией этой сказки про кузница?

Ударцев пошпал поском ботишка снежную кочку.

— Ты очень громко навеличиваешь смысл сказки — философия. — Он ещё подумал, ещё пошпал снежную кочку. — Видишь ли, теперь это дело прошлое, но если сказать, что я брал пример с Сорочки, будет неправда и смешно. Сказка она и есть сказка. А что жила я с коротенькой мыслишкой — это верно. Осилю что-нибудь сложное и рад. Не потому рад, что моя продукция поможет стране, а о себе радовался. Даже про честь цеха редко думал. Теперь уже не то в голове у меня сидит.

— А что?

— Ну, хотя бы то, что временем не дорожим. Если все эти минутки, которые мы просиживаем в ожидании металла, собрать в кучу, за месяц часов сорок наберётся. Да разве только из-за металла приходится сидеть?

Харламов всплеснул руками.

— Пять смей теряем!

— Да!

— Инте-е-ресно-о. — протянул Харламов и даже толкнул Ударцева в бок. — Вот где они, резервы-то!

— Ещё какие! — подтвердил кузнец. — Приходи завтра ко мне, всю выкладку увидишь. Ну, пока!

— Долго ты сегодня. — с упреком сказала жена, откладывая в сторону вышиванье. — Раздевайся скорей, вода в умывальнике горячая. Да не греми сильно, Светлана спит.

Пока Василий умывался и ужинал, Маруся рассказывала о похождениях дочери за день.

— Да, слушай, — она тихонько захохотала и перешла на шепот. — Мама говорит, что письмо от какой-то из Бийска получил. Так уж ты схватился за него, так любовался конвертом, что она думала — целовать бумагу начнёшь.

Василий отложил вилку, тоже засмеялся.

— Ну?

— Я говорю, это, наверно, от Деребизова, Вася давно ждал от него письма. Куда там! Ты, говорит, не очень-то верь, все они, мужики, на одну колюдку.

Прохохотавшись, Маруся спросила:

— Ну что Деребизов?

— Деребизов? — Василий потёр ладонью лоб. — Кузнец настоящий. До четырёх норм выгонит. Придётся, дорогая, мне пошире шагать, а то на пятки наступит.

Утром, когда пришёл Харламов, Василий разглядел на столе тетрадьш листок с вычислениями.

— Если соблюдать такой режим, на месяц раньше годовую выполним.

Харламов, дымя паниросой, жадно просматривал столбик цифр.

— Расчёты правильные. Шагнём, крепко шагнём вперёд!

VI.

Многие кузнецы с неохотой берутся за поделку фланцев. Трудное это дело. Собственно, деталь сама по себе очень проста: круглая пластинка толщиной в десять—двенадцать миллиметров. Но, разбив разогретую болванку в лебёнку и доведя до определённой толщины, кузнец должен округлять, как говорят

здесь, подкатать её. А тонкий, остывающий фланец не выдерживает подчас даже лёгких ударов молота, коробится.

Вот Миша Овчаренко бросил под молот болванку. Кузнец, шурясь от жары, подхватил её владцами и поставил на папа. Удар, ещё удар, ещё. Стоп! Начинаясь подкатка. Витка Кремнев сосредоточился. Удар, ещё удар. Легче! Легче! — морщится Ударцев. Снова фланец доставлен на папа (нужно выправить изогнутость) и снова начинаясь подкатка.

У кузнеца на лбу выступают капельки пота — не от усталости, от старая. Пот, под трёхтопным молотом легче ковать дециметровые ступицы, чем тоненькие фланцы.

Одна деталь готова. Подручный бросает под молот новую болванку. Ударцев хмурит брови, рукавицей смахивает с лица пот. И вдруг кузнец поворачивается к Овчаренко:

— Давай сразу по две!

Две болванки лежат под молотом. Василий одну за другой проверно ставит их на папа, осаживает, затем перевёртывает, складывает рядом и вместе начинаясь подкатывать. Фланцы не гнутся, получаются одинаковые, как близнецы.

— По-твоему, почему не гнутся? — стараясь перекричать шум и зяб, спрашивает кузнец подручного.

Овчаренко машет головой.

— Эх ты! А техницимум проходи! Масса больше. Попымаешь? Давай по три попробуем.

А к концу смены, сверкнув белыми зубами, ярко выделяющимися на закованном лице, Ударцев приказал:

— По четыре сразу давай!

Обхватенные циркульными клещами, четыре фланца вращались под молотом красным цилиндром, будто слятые воедино. Ударцев, радуясь находке, улыбался одними глазами. В уме в эту минуту он прикидывал, что даёт новое усовершенствование. Работая, кузнец неоднократно пытался пересчитать готовые детали, но всякий раз сбивался со счёта. Улучил минуту, чтобы вынуть из кармана часы, Ударцев посмотрел время: работали почти полсмены.

— Миша, — пригнувшись ближе к Овчаренко, попросил он, — скажи Александре Кирилловне, пусть подчитает готовые фланцы.

— Тридцать шесть. — показала на пальцах Герасьяко.

Ударцев удовлетворённо кивнул головой. «Тридцать шесть... Значит, в час по десять фланцев, — прикидывал он. — Раньше делали в смену по пятьдесят—шестьдесят штук. А сегодня дадим восемьдесят, а то и девяносто. Процентов триста откатаем!..»

VII.

На заводском стадионе сегодня должен состояться первый в этом году футбольный матч. Когда Миша Овчаренко вновь забежал за Ударцевым, Василий уже подвизывал газетку.

— Сейчас, сейчас, футболист! Подожди минутку, жена красота наведёт. А чтоб не скучно было, почитай письмо Дербизову, утром написал.

Овчаренко сел на диван и углубился в чтение. Чем дальше читал он, тем сильнее краснел, а под конец даже в пот его бросило. Ударцев наблюдал за ним.

— Ты что, Миша?

Подручный положил письмо на стол так осторожно, словно это была мина. На бригадира взглянул с испугом.

— Вы... Вы это взаправду написали?

— Ну, а как ещё? Конечно, взаправду.

— Тогда, как хотите, Василий Павлович, хоть вы и бригадир, но предаёте нас...

Ударцев удивлённо вскинул брови.

— Чем?

— Да как же можно, Василий Павлович, во время игры рассказывать противнику свои секреты! Матч с ДЕРЕБИЗОВЫМ у нас только начался!

— Ах, вон что! — Ударцев засмеялся. — Узнаю футболиста!

Он поглядел на подручного сожалеючи, почти так же, как три года назад ХАРААМОВ глядел на него у затухающей печи.

— Футболист! — повторил кузнец и с укором, и с усмешкой.

Мишу смутил смех Ударцева. Может быть, и письмо это написано спешально, чтобы завести его? Овчаренко открыл уже рот, чтобы поговорить с бригадиром на чистоту, но в это время из-за ширмы вышла Маруся.

— Пойдём? — поклонившись Овчаренко, спросила она мужа.

Миша краснел, ожидал, что Василий при жене станет смеяться над ним из-за письма. Как это он так легко попался на удочку, поверил, что бригадир откроет ДЕРЕБИЗОВУ секреты своих успехов? Но Василий, кажется, и не думал трупить над подручным. Идёт, весело переглядываясь с женой, то и дело поправляя волосы, поднимаемые ветерком.

На стадионе, когда Миша уже собирался оставить Ударцевых и идти переседаться, кузнец сказал ему:

— После матча зайдёшь ко мне, поговорим.

И вот они вновь дома. Миша с наслаждением выткнул ноги под столом и затянулся папирской. Настроение у него хорошее: котельщики выиграли у «Красного знамени».

Ударцев, развесив на спинке стула пиджак, расстегнул ворот рубашки.

— Знаешь о чём я с тобой буду говорить?

— О письме.

— Угадал. Так вот, письмо я посылаю ДЕРЕБИЗОВУ.

— Не верю. Вы смеётесь надо мной!

— Можно бы, конечно, посмеяться, да дело совсем не смешное. — Ударцев по привычке зарыл пальцы в волосы, стиснул ладонями виски. — Я рассказываю в письме о том, что годовую норму мы выполняем уже не к первому июля, а к первому июня. Так?

— Это бы ещё не беда.

— И о том, как мы этого добиваемся: где находим резервы времени, как усовершенствовали ковку деталей, в частности фланцев, как экономим металл, применяя трёхстороннюю обрубку...

— Вот-вот. — заёрзал на стуле Овчаренко. — Зачем об этом-то писать? ДЕРЕБИЗОВ наматывает эти слова на ус, и нам же гол всадит.

— Вот и хорошо, что наматывает...

— Что же тут хорошего?

— То, что наш методковки найдёт применение на Бийском котельном заводе, бийские кузницы тоже будут выполнять по две с половиной нормы.

— Но, Василий Павлович, эта же наука нам самим во вред!

— Миша! Чертов ты футболист! Мы не на стадионе встретились с Дербизовым, а у кувалды. Нам с тобой во вред ничего не будет, если это в пользу государству, понимаешь?

— Да как же...

— Тогда начнём с азов. Для чего мы работаем? Не крутись, отвечай прямо.

VIII.

Дербизов не замедлил с ответом. Он писал, что предложение Ударцева закончить годовую программу к первому июня не застало его врасплох, он и сам не раз подумывал над этим. Кузнец горячо благодарил за сообщение о новом методе обкатки фланцев. «Ваш совет помог нам избавиться от кувалды и почти в полтора раза повысить производительность».

Прочитав эти слова, Василий медком взглянул на Мишу Овчаренко. Подручный, очевидно, ждал разговора о том, как он страшился посылать письмо. Лишь кузнец оторвал глаза от письма, Миша, зачастив скороговоркой, пошел в контратаку:

— Вот и хорошо, что научились. А то бухали кувалдой, руки надсажали.

— Хорошо, да не шибко, — задумчиво покачал головой Витька Кремнёв. — Этот Дербизов, как тень. Мы идём, и он идёт, мы бежим, и он ни на шаг не отстаёт. И думал, он трёкнется...

Герасько взглянула на него удивлённо.

— Теперь днём с огнём не найдёшь такого рабочего, чтобы он не старался план перевыполнить. Время такое пришло.

— Он не о том, Александра Кирилловна, — заступился за Витьку Ударцев. — Он не против успеха бийчан, но не хочет, чтобы Дербизов побил нас. Так, Витька?

— Так.

— Я тоже, — сказал Ударцев, — рад успехам бийчан, не меньше, чем своим. Все мы работаем для одного дела. По первенство в соревновании не уступим.

Кузнец обвёл взглядом всех подручных, и по выражению лиц поплал: бригада готова с ним в огонь и в воду. Потирая грязной ладонью лоб, он заключил:

— Годовую программу теперь не к первому июня, а к пятнадцатому мая надо выполнить.

Витька Кремнёв смотрит в глаза бригадира. Весь его вид говорит о решительности. Подай бригадир знак, и машинист молота сейчас же возьмётся за любую работу. Александра Кирилловна, плотно сжав тонкие губы, озабоченно хмурит крылья бровей. Миша Овчаренко нетерпеливо двигает по колену большими узловатыми пальцами.

— Можем мы это сделать? — продолжает Ударцев. — Мне кажется, если подумаем как следует, то сможем. Пузыно будет две недели давать каждую смену, как закон, три с половиной нормы. Потом такой процент не дашь, головой следует поработать, смекалкой.

В цех возвращались рабочие. Прозвенел звонок, и залязгали молотки по наковальням, засопели меха. Покрывая весь этот шум, гукнул молот Ударцева.

Сегодня Василий протигивал шестигранники: толстые полосы металла превращал в прутья для болтов и гаек. Такие прутья во всю длину должны быть ровными, ни на миллиметр не тоньше и не толще.

Ударцев любит ковать шестигранники. Вот Миша бросает под молот болванку. Удар, ещё удар, ещё. Болванка расплзается в длину, растёт. Удары сыплются один за другим. В короткие перерывы между ними кузнец ловко перевёртывает болванку клещами. Из круглой она превращается в многогранную, но сколько у неё углов — со стороны не понять. Наконец, из жёлтого металла делается бордовым, затем ещё более темнеет. Знак, и молот останавливается. Шестигранник снова летит в печь.

На боёк ложится его собрат. Такой же вытянутой, с шестью углами, по раскалённый добела. Снова часто сыплются удары, красным дождём брызжут искры. Но теперь удары молота ложатся плавно, будто гладят металла.

Василий всегда в хорошем расположении духа ковал шестигранники. Но сегодня он хмурится, морщит лоб. В коротенький перерыв, пока греется металл, кузнец сказал Мише Овчаренко:

— Пожалуй, надо бросать эти фокусы.

А после смелся зашёл к начальнику цеха и попросил:

— Дайте мне задание сразу на полмесяца. Надо кое-что обмозговать.

Начальник недоумённо вскинул брови.

— Хочу заказать некоторые обжимки, Николай Иванович. Со штампами скорее дело пойдёт.

Начальник выдал Ударцеву чертежи на две недели.

В последующие дни никто после смены не видел кузнеца ни в клубе, ни на стадионе. Харламов раза два приглашал его в десню сыграть, но Михаил отказался.

— Думаешь над чем-нибудь?

— Думаю, Алёша.

Обдумывая чертежи обжимок, Ударцев торопил себя радостной мыслью. В сорок седьмом кузнец выполнил две годовых нормы, в сорок восьмом — план двадцати семи месяцев. Теперь, в сорок девятом, он вступил в пятьдесят второй. В оставшиеся семь с половиной месяцев можно дать ещё полторы годовых нормы и встать на порог пятьдесят четвёртого года.

Начальник цеха приветливо встретил Ударцева с чертежами. Однако, взглядев их, беспокойно сдвинул с кончика носа очки.

— Подождя, Василий Павлович... А как ты будешь у шпиделей бутими откатывать? На эти штуки сталь даётся особенная.

— А вот, Николай Иванович, на другом листе у меня чертёж пружинной обжимки.

Выправив некоторые вычисления, Николай Иванович с удовольствием написал на уголке первой бумажки: «Начальнику механического цеха. Прошу изготовить срочно».

Указав на горку болванок около печи, Ударцев сказал:

— Вот эти я те, что греются — четыре нормы.

Миша Овчаренко, кивнув Александре Кирилловне, чтоб она сбавила воздух, открыл заслонку.

Брызгая искрами, легла на боёк первая болванка. Василий ловко подхватил её клещами, кивком головы подал сигнал. Потрясаемая землёю, гудящая молот. Через секунду ещё. Гук! Гук! Гук! Металл податливо мялся, словно воск в руках. Из толстого куска уже потянулся тонкий прут. Боёк замер в верхнем положении, качнулся, но нижнего бойка не достал и спова, посыпывая, полез вверх.

В этот короткий промежуток Миша Овчаренко успел бросить на нижний боёк обжимку, а кузнец вставил в неё красный прут. Удар. Кузнец подтянул прут ближе. Ещё удар. С одной стороны в плитку обжимки входит блистающий огнём круглый прут, с другой — вылезает потемневший, гладкий шестигранник.

Александра Герасько любит работу. Она плохо разбирается в профессиональных тонкостях кузнечного дела, но и ей хорошо видна польза от штампов, сделанных по чертежам бригадира. Вчера они ковали шпиндели для паровых задвижек. Металл крепкий, грешь, грешь, аж спина вспотеет. А ковали, как блины пекли. Концы и бутки откатывали в обжимках. Поставят — раз! — и готово. Позавчера делали болты тоже в штампе, третьего дня — колонки, и опять с приснослобениями. Две недели работают, и всё что-нибудь Ударцев придумывает новое. Меньше трёх норм в смену не получалось, а последние дни и до трёхсот восьмидесяти доходило.

Сегодня пятнадцатое мая. Все члены бригады знают, что до годовой программы нехватает продукции только четырёх дневных норм.

Четыреста! Всякий рабочий знает, что это значит. Чтобы выполнить норму на сто процентов, пужно упорно работать все восемь часов. А чтобы четыреста? Надо упорство возвести в четвёртую степень и даже этого будет мало.

Вернувшись с обеденного перерыва, Ударцев пересчитал готовые шестигранники. Половины не было.

— Эх, ты чорт! — ругнулся он про себя. — Завтра выходной. Если не сделать четырёх норм сегодня, дело затянется до семнадцатого. Нет, так не годится. Двадцатого он поедет на курорт (дирекция завода премировала его путёвкой в «Белокуриху»), будет в Бийске, зайдёт в гости к Дребизову. И вдруг он, Дребизов, закопчит годовую ральше!..

Василий начал перебирать в памяти узлы процесса ковки. Где ещё теряется время? Кажется, нигде. Только в одном месте у кузнеца происходит заминка: когда подручный достаёт из печи очередную болванку. Ральше он не может этого сделать, потому, что держит обжимку. А что, если поручить когечегару помогать Овчаренко? Подавать болванку на боёк она не будет, только выкатит её поближе, чтобы Овчаренко не копался.

— Александра Кирилловна, возьмёте на себя дополнительную нагрузку?

— Пожалуйста! — согласилась Герасько, ещё не зная, о чём попросит её кузнец.

После обеда ритм ковки участился. Ударцев не оставляивался даже покурить. Шестигранник за шестигранником летели на песок и остывали там, чадая сладковатой гарью. А на боёк уже ложилась другая болванка, озаряя потное, отливающее бронзой лицо кузнеца. И снова гулко ухал молот, плясали в воздухе брызги искр.

Не заметил Ударцев, как забрезжил рассвет, как заиграли на окнах первые лучи солнца. Только когда Миша Опчаренко, положив на боёк болванку, крикнул «Последняя, больше нету!», кузнец осмотрелся кругом и уныбнулся.

Шёл он домой весёлым и бодрым. Влажные темнозелёные тополя, железные крыши домов, окна, щебень шоссе — всё сияло, искрилось. Сибирская весна вступила в свои права.

Дыша полной грудью, Василий широко, уверенно шагая навстречу огромному солнцу.

Хроника культурной жизни

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

Советское правительство ежегодно присуждает Сталинские премии за выдающиеся достижения в области науки, техники, литературы и искусства. В нынешнем году удостоены Сталинских премий восемь работников промышленности и сельского хозяйства Алтая.

Премии третьей степени присуждена директору Барнаульского завода транспортного машиностроения Николаю Григорьевичу Чудненко, главному конструктору завода Евгению Ивановичу Артемьеву, главному инженеру Ефреиму Моисеевичу Лев и инженеру-конструктору Николаю Леонтьевичу Вегера. Они создали высококачественные дизельные моторы новой конструкции.

Из работников сельского хозяйства Сталинскую премию третьей степени получили директор Рубцовского племенного рассадника Георгий Платонович Догиль, зоотехник этого же племярассадника Сергей Михайлович Попов, зоотехник колхоза «Сибирское» Фёдор Яковлевич Возченко и старший зоотехник племенного совхоза «Рубцовский» Николай Александрович Васильев за выведение породы овец «Алтайская тонкорунная». Новая овца даёт высокий настриг тонкорунной шерсти, идущей на изготовление высококачественных тканей.

«Алтайская тонкорунная» получает широкое распространение, она уже встречается во многих колхозах края.

ДВЕНАДЦАТЬ ГЕРОЕВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

За достижение высоких урожаев в 1948 году звание Героя Социалистического Труда присвоено двенадцати механизаторам и колхозникам нашего края.

В числе названных Героями — директор Алтайской машино-тракторной станции Иван Осипович Пивулов, главный агроном этой МТС Анатолий Иванович Маркевич и старший механик Александр Александрович Гаухов.

Алтайская МТС настойчиво борется за внедрение культуры земледелия. Во всех колхозах здесь осваиваются травопольные севообороты, применяется широкий комплекс агротехники. В 1948 году средний урожай пшеницы, ржи и овса в зоне МТС достиг 14,5 центнера. С рекордных участков снято пшеницы по 21,3 центнера с гектара на площади 398,4 гектара, ржи — по 20,4 центнера с гектара на площади 646,2 гектара.

Звание Героя Социалистического Труда присвоено прославленным механизаторам — комбайнёру Будённовской МТС Семёну Ефимовичу Пятнице и комбайнёру Фрунзенской МТС Фёдору Васильевичу Чабанову.

Родина назвала своими Героями пятерых колхозниц сельхозартеля имени Ленина, Грязнухинского района: Екатерину Ивановну Базанцеву, Клавдию Фёдоровну Красову, Марию Степановну Малыгину, Александру Алексеевну Микуюлову и Александру Васильевну Рогову. Каждая из них собрала урожай ржи и пшеницы свыше 29 центнеров с гектара на площади не менее 20 гектаров.

253 колхозника и механизатора края за достижение высокого урожая награждены орденами и медалями Союза ССР. Среди награждённых орденом Ленина — звеньевая колхоза имени Мичурина, Алтайского района, Евдокия Ермиловна Межугорова, которой в 1948 году присвоено звание Героя Социалистического Труда.

КУЛЬТУРНО-БЫТОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА СЕЛЕ

В январе крайисполком и крайком ВКП(б) приняли постановление о плане культурно-бытового строительства в сёлах и деревнях Алтайского края на 1949 год.

Колхозный строй создал все условия для мощного роста социалистической культуры, для преобразования внешнего облика сёл и деревень. По плану в этом году намечено построить 30 школ, 200 колхозных и сельских клубов, 500 агрокабинетов, 25 кинотеатров, 100 детских яслей, 25 фельдшерско-акушерских пунктов, 7000 жилых домов для колхозников и 425 домов для учителей, 500 спортивных площадок, 95 колхозных электростанций, электрифицировать 300 колхозов, радиофицировать 250 колхозов, МТС и совхозов, увеличить площадь плодово-ягодных насаждений на 700—800 гектаров.

Новое строительство должно вестись по типовым проектам, по тщательно разработанному плану застройки сёл. Жилые дома, хозяйственные постройки, здания школ, клубов, больниц, кинотеатров должны быть красивыми, прочными и удобными.

Труженики колхозной деревни восприняли план культурно-бытового строительства, как боевую программу действий. Многие колхозы минувшей зимой заготовили лес и другие строительные материалы и сейчас полным ходом ведут строительство. В колхозе «Завет Ильича», Завьяловского района, построена электростанция, радиоузел, клуб, десять жилых домов и находятся в процессе строительства агрокабинет, контора колхоза и ещё 15 жилых домов. В

Ляминском районе пышепей весной построили школу, два кинотеатра, 3 колхозных клуба, 3 агрокабинета, электростанцию, 52 жилых дома для колхозников и 4 — для учителей, 39 спортивных площадок.

ВСЕОБЩЕЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ СЕМИЛЕТНЕЕ ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ

До Великой Октябрьской социалистической революции Алтай, как и вся Сибирь, был одной из самых отсталых окраин царской России и в экономическом, и в культурном отношении. Царское самодержавие тормозило культурный рост народа. Тобольский генерал-губернатор писал Александру III, что в Сибири почти нет грамотных. Царь поставил на письме генерал-губернатора резолюцию: «И слава богу».

Сейчас в Алтайском крае насчитывается 2.666 начальных, 677 неполносредних и 127 средних школ, 347 школ рабочей молодёжи, четыре высших учебных заведения, большое число техникумов, ремесленных и железнодорожных училищ. На Алтае — свыше 400.000 студентов и учащихся. Осуществлено всеобщее начальное обучение.

В начале июня 1949 года пленум Алтайского крайкома ВКП(б) принял постановление о подготовке к новому учебному году. Пленум отметил, что в крае созданы все предпосылки для осуществления всеобщего семилетнего обучения детей и признал важнейшей задачей дальнейшего распространения среднего образования. Это приведёт к новому росту сети семилетних и средних школ. Во многих районах начато строительство новых школьных зданий и интернатов.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ДОСКИ В ЧЕСТЬ ПОЛЗУНОВА

8 мая 1949 года исполнилось 185 лет со дня начала строительства первого в мире теплового двигателя. Его изобрёл и построил на Барнаульском металлургическом заводе гениальный русский механик-самоучка Иван Иванович Ползунов.

Жизнь Ползунова — это подвиг во имя Родины. Сын солдата горной роты, родившийся в 1728 году на Екатеринбургском заводе (ныне город Свердловск), он рос и воспитывался в среде уральских мастеров горного дела. Стремясь облегчить каторжный труд рабочих, Ползунов с юных лет стал задумываться над усовершенствованием механизации.

В феврале 1748 года Ползунов был переведён на Алтай. Здесь он создал свою «огненную» машину задолго до появления парового двигателя Уатта.

Советский народ свято чтит память о своём талантливом соотечественнике.

В день 185-летия со дня начала строительства первого в мире парового двигателя, в Барнауле установлена мемориальная доска на здании красной библиотеки:

«Здесь
с 1762 г. по 1766 г. работал
И. И. Ползунов,
изобретатель и строитель
первого в мире теплового
двигателя».

Вторая мемориальная доска установлена на здании общежития студентов Алтайского института сельскохозяйственного машиностроения, где в своё время жил И. И. Ползунов.

Н. Савельев

зав. отделом истории
Алтайского краевого музея.

Сподвижник Ползунова

У слияния речек Змеёвки и Корбалихи, в отрогах Алтая спрятался старинный городок, ныне рабочий посёлок Змеиногорск. Начало этому селению положила рудника, открытый в первой половине XVIII века.

Здесь много лет работал современник и сподвижник изобретателя «огненной машины» Ползунова, великий русский техник, искусный мастер использования «водяной силы» Козьма Фролов. Здесь он создал изумительные сооружения, невиданные механизмы для облегчения тяжкого труда «горных служителей».

Козьма Дмитриевич Фролов родился 10 июля 1726 года на Урале, в семье мастерового Полевского завода.

Это время было поворотным в развитии производства на Урале. Потеряв надежду получить дешёвые изделия из металла от купцов и частных горнопромышленников Строгановых, Демидовых и других, Пётр Первый решил всемерно развить казённую промышленность и предписал горному специалисту Генингу:

«Ехать в Кунгурской, Верхотурской и Тобольской уезды, где есть наши железные и медные заводы. И железные заводы во всё исправить, а именно, пушечным литьём. Также велеть там делать уклад, сталь, жёсть и дощатое кровельное железо. И сделать для резания железа и для проволочного дела машины. А которые похотят тому делу... учиться — и тех учить. Медные заводы также во всё исправить и привести в доброе состояние и размножение»¹.

В 1723 году началось строительство казённых заводов на Урале. На реках Исети, Уктусе, Сысерти, Ляле, Полевой и других выстроили плотины. Начали свой бег водяные колёса. Завдыхали воздухоудные мехи, зачали плавильные печи, засверкали струи жидкого металла. В заводских корпусах начали действовать «куриозные машины» для обточки и сверления пушечных стволов, вытягивания проволоки, проката железа. Так один за другим возникли Екатеринбургский, Верхне-Исетский, Уктусский, Полевский и другие заводы. Во многих местах были заложены новые рудники.

«Когда Пётр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и успеха обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости. Вполне понятно, однако, что ни один из старых классов, ни феодальная аристократия, ни буржуазия, не мог разрешить задачу ликвидации отсталости

¹ Генинг, «Описание уральских и сибирских заводов».

нашей страны. Более того, эти классы не только не могли разрешить эту задачу, но они были неспособны даже поставить её, эту задачу, в сколько-нибудь удовлетворительной форме¹.

Развитие казённой промышленности на Урале опиралось на подневольный крепостной труд. Тысячи крестьян были приписаны к заводам. Попытка «выскочить из рамок отсталости» огромной тяжестью легла на плечи бесправного народа.

В царствование Екатерины II, когда К. Д. Фролов работал на Алтае, эксплуатация крестьян достигла чудовищных размеров. Доведённый до отчаяния народ стихийно поднимаясь на восстания против своих поработителей.

Не случайно из среды рабочего люда выходили гениальные изобретатели, ставившие целью своего творчества облегчение труда людей. Являясь выражением сказочной талантливости нашего народа, русские изобретатели, создавая новые, неизвестные до того машины, выдвигали новые способы производства, нередко на многие годы опережали своим творчеством развитие техники во всём мире. Но в условиях общественного строя России того времени смелые творческие замыслы русских изобретателей, вдохновлённые любовью к своему народу, не встречали должной поддержки и признания. Изобретения, имевшие мировое значение, умирали вместе с их творцами, а ещё чаще вовсе не осуществлялись. «Всемилоднейшая покровительница просвещения» Екатерина II была также «всероссийской помещицей». Опора трона — крепостники-помещики зачастую сознательно тормозили и проваливали проекты русских изобретателей. Не давали верной оценки творениям русских техников и иноземные специалисты, занимавшие многие командные посты в науке и промышленности России XVIII века. Сама императрица, родным языком которой был немецкий, преклонялась перед культурой Запада.

К. Д. Фролов, которому довелось почти всю жизнь работать на предприятиях по добыче драгоценных металлов, на рудниках, являвшихся личной собственностью императорской фамилии, был удачливее других. В итоге долглетних трудов он добился известного авторитета как выдающийся специалист, знаток рудного дела, искуснейший техник. Но только в наше советское время смогли получить полную оценку его творения, утверждающие первенство России в области механизации и автоматизации производства. Пыле с любовью изучаем мы сохранившиеся архивные документы, стараемся подробнее проглядеть жизненный путь этого великана русской техники, больше узнать о его работах на Алтае.

Окончив Екатеринбургскую горнозаводскую школу, 17-летний Козьма Фролов начал работать на заводе. «Герным учеником» при плавильщике медной руды на открытых горнах. Недостаток в грамотных людях заставил горное начальство в 1745 году использовать К. Д. Фролова «вместо писаря» на караване судов, сплавлявших железо, чугун и медь по рекам Чусовой и Каме. По окончании сплава К. Д. Фролов был направлен на Гумшевский рудник, где и находился до 1748 года «у добычи руды».

Суровую школу жизни прошёл в юности великий русский техник.

Летом 1748 года его включили в партию рудознатцев, отправленную на поиски свинцовой руды по берегам р. Чусовой. Руководитель изысканий купецштейгер Виттих заметил исключительные способности и прилежание горного

¹ Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. IX, стр. 359.

ученика Козьмы Фролова и по возвращении на Полевский завод взял его к себе в подчинённые «для стропия и вождения колпододействующих водовывивательных машин»¹.

Через пять лет, когда Фролов из горных учеников был переведён, наконец, в берггауэры, т. е. мастеровые, его опять послали на поиски новых рудных месторождений. На этот раз, летом 1753 года, К. Д. Фролов был направлен «для разведывания и открытия около рек Яика и Белой агатовых, металлических, минеральных и других родов камней». Это была его первая самостоятельная работа, которую он «производил сам собою с причакою одного рудополника»².

Успешно выполнив важное поручение, берггауэр Фролов продолжал работу на рудниках Урала. Он скоро стал отличным мастером горнозаводского дела. В 1758 году, когда Берг-Коллегия (Главное управление казёнными заводами России) затребовала с Урала специалиста для осмотра горных работ в Физляндии и Олонецкой губернии, Екатеринбургская горная экспедиция отправила К. Д. Фролова, присвоив ему звание штейгера, то-есть горного мастера.

К. Д. Фролов проехал через Петербург, ознакомился с постановкой работы на свинцовых рудниках близ г. Лапперанта, наладил вымывку золота на Водном руднике в Олонецкой губернии. В феврале 1759 года штейгер Фролов вернулся на Урал и был назначен руководить горными работами на Берёзовских золотых промыслах.

Добываемый на Берёзовском руднике золотосодержащий кварц промывали на соседнем Уктусском заводе, на промывательных установках (похверках), построенных Виттихом. Промывка шла очень плохо — много золота вода уносила в отвалы. В декабре 1759 года К. Д. Фролова перевели на Уктусский завод «для рассмотрения недостатка в вымывке золота». Здесь К. Д. Фролов в 1760 году сделал первое своё крупное нововведение, а именно «для выгодной против прежнего установу вымывки золота, по ново изобретённому собою проекту, при том же заводе, золотопромывальную машину построил, которая через контр пробы и многие опыты полезной оказалась, паче тем, что способ изыскал со умножением задолжания людей; золото из руд удобнее извлекать и руд несравненно более промывать»³.

За изобретение золотопромывальной машины К. Д. Фролова назначили в 1761 г. руководителем горных работ на всех золотосодержащих рудниках Урала, «определив его в бергменстерскую должность», т. е. в должность инженера, но оставив его попрежнему в звании штейгера.

О замечательном горном мастере узнал начальник Кольчано-Воскресенских заводов генерал Порошин. Кабинет императрицы требовал увеличивать выплавку серебра, а канцелярия Кольчано-Воскресенских заводов пеняла большие трудности в выполнении этого требования. Малозалежь в районе самого богатого Змеиногорского рудника заставляло возить руду для плавки на далёкий от него Барнаульский завод — административный центр царского поместья на Алтае. Перед отправкой на завод руды промывали, чтобы отделить их от пустой породы. Промывка осуществлялась на устарелых похверках, с очень низкой производительностью. 14 июня 1762 года Порошин послал из Барнаула в Екатеринбург требование «отправить сюда... находящегося около

¹ Алтайский краевой Государственный архив (АКГА), ф. 1, оп. 2, л. 135, л. 27.

² АКГА, ф. 1, оп. 2, л. 135, л. 28.

³ Там же.

Екатеринбургских работ унтер-штейгера (или каким он чином действительно находится) Козьму Фролова»¹.

Требование Порошина застало К. Д. Фролова за большой творческой работой на Урале. Он строил на Берёзовском руднике золотопромывальные машины своей конструкции, составляя проект проходки большой штольни поперёк слоёв горы для разведки направления золотоносных жил и удаления из медр рудника грунтовой воды.

Екатеринбургская горная экспедиция не хотела терять прекрасного знака золотопромывки, каким был К. Д. Фролов, но она боялась ослушаться приказа начальника царских заводов.

На Алтай Фролов прибыл 3 февраля 1763 года и был немедленно отправлен на Змеиногорский рудник.

Добыча золота на Урале была новым делом, требующим механизации. Вот почему так быстро использовали там изобретение золотопромывальной машины. Прибыв на Алтай, Фролов попал в условия такого же лихорадочного строительства новых заводов.

1763 год был началом усиления эксплуатации труда приписных крестьян на Алтае, число которых в этот год увеличилось более чем на 30.000 человек. Тысячи крестьянских семей были оторваны от земледелия и направлены на пожизненную работу на заводах и рудниках. Таких крестьян именовали горными служителями. Строительство новых заводов вызывало необходимость усиления добычи руды и ускорения её промывки.

Летом 1763 года К. Д. Фролов приступил к постройке своих знаменитых Корбалкинских похверков на Змеиногорском руднике. Он соорудил своеобразный гидросплавной каскад, расположив похверки один за другим вдоль деривационного канала.

Деривационным называют такое гидротехническое сооружение, в котором вода к двигателю подаётся каналом, отведённым в сторону от русла реки, что предохраняет двигатель и обслуживаемые им машины от разрушения в случае прорыва плотины, а в ряде случаев даёт возможность обойтись и вовсе без плотины. Первая в России деривационная установка была создана в 1754 году И. П. Ползуновым при постройке в Змеиногорске «вильной мельницы» (вододействующей лесопилки). Ползунов соорудил на реке Змеёвке небольшую плотину, от которой провёл воду к лесопилке каналом, отведя его в сторону от реки. Весной 1755 года плотину, построенную Ползуновым, размыло, но канал и лесопилка остались целыми. После очистки и исправления канала лесопилка продолжала работать нормально без плотины. Ползунов построил деривационную установку на Алтае вопреки утверждению иностранных специалистов, что подобные сооружения для России непригодны из-за сурового климата. Удачный опыт Ползунова не обратил на себя внимания горного начальства, продолжавшего до 1771 года строить на Алтае обычные сооружения с плотинами.

К. Д. Фролов не ограничился простым повторением опыта И. П. Ползунова, а создал новую по типу, каскадно-деривационную установку. Построив «флюгвер» — плотину, не возвышающуюся над уровнем воды, он от реки отшёл в сторону длинный канал, на котором последовательно расположил один за другим три похверка. Одним водяным потоком приводились в движение 5 водона-

¹ АКГА, ф. 1, оп. 1, д. 252, л. 115.

лявших классов—двигателей пяти рудобогагательных фабрик. Это дало экономию в затратах труда, так как не требовалось строить трёх отдельных плотин.

Но основная заслуга К. Д. Фролова при строительстве Корбалихинских похверков заключается в том, что все пять рудобогагательных фабрик, входивших в их состав, были полностью автоматизированы. Это были первые в мире автоматическ-действующие фабрики — прообраз самых совершенных современных заводов-автоматов. Толчеинные и промывательные стаяки новой конструкции, приспособления для транспортировки руд от одной операции к другой и для сортировки руд действовали без вмешательства человека.

Простота конструкции фабрики изумительна. При этом рудобогагательные фабрики К. Д. Фролова были очень крупными по тому времени предприятиями. Корбалихинские похверка, действуя непрерывно, обогащали большое количество руды. По данным самого К. Д. Фролова, из Змеиногорского рудника «руды в стлуэке с июля 1769 года по октябрь 1783 года на заводы произошло 17.157.681 пуд, да сверх того разных сортов от промыселных заводов 3.067.962 пуда»¹.

Рудобогагательные фабрики, построенные К. Д. Фроловым, значительно сократили транспортные расходы по перевозке руды и освободили большое количество горных служителей от тяжёлой работы на промывке.

Рапорт о результатах испытаний первых двух похверков на Корбалихе, с описанием конструкции и чертежами, послали в Петербург в 1765 году. Ответ Кабинета императрицы, написанный в 1767 году, гласил:

«Кабинет принимает в надлежащее уважение отличными талантами подобного Ползунову пихтмейстера Фролова». Далее, предписывая выдать К. Д. Фролову в награду 200 рублей, Кабинет повелевал: «Для пресеечения нестроиты, несогласной с справедливостью и с законом, и происходящего от того перепального огорчения, нижнего звания обер-штейгера ему не посить, а писаться и называться настоящим его офицерским чином пихтмейстера»².

Во время создания Корбалихинских похверков К. Д. Фролов построил несколько конных рудоподъёмников на Змеиногорском руднике, а также сыграл большую роль при испытаниях первого в мире теплового двигателя, изобретённого И. И. Ползуновым на Барнаульском заводе в год приезда К. Д. Фролова на Алтай.

Заключив строительство двигателя, И. И. Ползунов 16 (27) мая 1766 года скончался от чахотки. Через неделю после смерти великого изобретателя машину его начали испытывать. Обнаружилось, что насосы двигателя подают недостаточное количество воды, необходимой для конденсации пара в цилиндрах. Лучшие горные специалисты Барнаульского завода 24 дня титетно старались устранить этот недостаток и, наконец, решили: «к лучшему и общему рассуждению в Змеиногорскую контору послать повеление о присылке сюда находящегося там обер-штейгера Фролова»³.

К. Д. Фролов предложил заменить насосы двигателя обыкновенными рудничными насосами. 15 июля 1766 года он сам осуществил это предложение, и

¹ АКГА, ф. 1, оп. 2, д. 101, л. 138.

² АКГА, ф. 1, оп. 2, д. 101, л. 143.

³ «Известия Томского технологического института», 1907 г., т. IV, № 1, стр. 76.

двигатель Ползунова начал работать нормально. Рудничные насосы, приводимые в движение самой машиной, подавали воду с избытком.

Заслуга К. Д. Фролова заключается в том, что он практически доказал способность двигателя Ползунова одновременно приводить в действие различные заводские механизмы — и воздуходушные мехи и рудничные насосы.

С непревзойдённым мастерством применяя в качестве двигателя обычные водонапорные колёса, К. Д. Фролов сосредоточил свою творческую энергию на совершенствовании машин-орудий. Он исходил из конкретных задач механизации трудоёмких работ. Творчество И. И. Ползунова и К. Д. Фролова взаимно дополняли друг друга. Ползунов революционизировал технику, стремясь ввести новый тип двигателя — универсальный тепловой двигатель. Таким же великим революционером техники выступал К. Д. Фролов, введший невиданную механизацию производства, автоматизацию его, замену ручного труда работой машины.

* * *

Механизировав промывку руды, К. Д. Фролов сосредоточил своё внимание на механизации наиболее трудоёмких работ в самом руднике. Руду в то время добывали с применением пороха. Наиболее трудоёмкими работами были откачка грунтовой воды и подъём руды на поверхность.

Рудосыльные слои на Змеиногорском руднике расположены почти вертикально. Поэтому по мере разработки рудника всё глубже и глубже опускались шахты. Процесс углубления разработок ускорился тем, что в погоне за богатыми рудами поднимали на поверхность только те из них, которые содержали свыше 3 золотников серебра в пуде, остальные руды шли на завал старых выработок. Чем глубже опускались шахты, тем сильнее был папор грунтовых вод, и нижние горизонты рудника попадали под угрозу затопления.

Средства удаления воды из выработок были крайне примитивны. Весы-вашиные насосы, попросту трубы с поршнями, приводились в действие силой людей. Каждый из таких насосов мог поднять воду не выше, чем на 2—3 метра, выливая её в жёлоб, на которого она поднималась далее другим насосом. Вдоль шахт в несколько рядов один над другим располагались такие насосы. Из верхнего ряда вода выливалась в жёлоб, идущий вдоль штольни, выходящей на поверхность земли. Работая по 12 часов в сутки, до полного изнурения доходила горные служители, качая воду такими насосами.

Работа на подъёме руды была не легче. Из забоев по извилистым ходам люди везли добытую руду к основанию ближней шахты. Задыхаясь в порохом дыме, брели они по колёно в воде, во мраке, который бессильны были побороть тускло мерцающие свечи. На дне шахты руду грузили в бады и с помощью канатов поднимали на поверхность. Только на Преображенской шахте ворота рудоподъёмников вращали лошади.

К. Д. Фролов видел всю тяжесть труда людей и понимал, что скоро они будут беспильны обеспечивать условия дальнейшей разработки рудника: вода, затопив нижние горизонты, закроет доступ к богатым рудам. Но именно тогда, когда механизация стала остро необходимой, управляющий Змеиногорским рудником Леубе отстранил К. Д. Фролова от работы внутри рудника, приказав ему руководить промывкою руд на законченных постройкою Корбалихинских похверках. Леубе начал систематическую травлю К. Д. Фролова.

В 1769 году К. Д. Фролову объявили «крепкой выговор» за то, что он не довёс начальству о трате казённых денег на столчение своей квартиры Овчинниковым, подчинённым Фролова. Тогда же нашлись люди, которые довели Леубе о расходовании казённого железа на свои поделки самим К. Д. Фроловым. Начавшееся следствие было закончено весной 1770 года, и К. Д. Фролову объявили второй «крепкой выговор» в присутствии всех горных офицеров рудника.

Выговоры не могли подорвать авторитета К. Д. Фролова, и Леубе решил опорочить его как изобретателя. Управляющий рудником нашёл поддержку у нового начальника Кельвано-Воскресенских заводов Ирмана.

16 ноября 1769 года Ирман послал предписание К. Д. Фролову: «для построения водозаливной при заводских фабриках во время пожарного случая машины, какую он изобретает (подчеркнуто нами—Н. С.) сделать пристойной величины деревянную модель»¹.

24 января 1770 года модель машины, которую К. Д. Фролов изобретал по приказу начальства, была сделана, но Леубе потребовал представить её описание и смету расходов на строительство и годичную эксплуатацию машины. К. Д. Фролов выполнил и это требование. Через два дня модель, её описание и смета были отправлены Ирману. В сопроводительном рапорте Леубе прежде всего сообщал, что «по довольному здешней конторы той модели рассматриванию, в том его, Фролова, изобретении никакой новости не усматривается. Ибо в других европейских государствах подобные сему изобретению машины... имеются»². Затем Леубе перечислил «недостатки» машины: 1) трубы расположены далеко от машины, что будет мешать тушению пожара; 2) вода засорит трубы имеющимся в ней мусором; 3) «не редко случается, что такие машины обще с запалённым строением сгорают».

Чувствуя недостаточность своих «доводов», Леубе в заключение решил опереться на «теории» западных учёных: «Как уже известно, что все употребляемые при различных случаях машины чем больше к действию своему имеют присовокупленных членов, тем большему подвержены повреждению, починкам и не того следствием частым расходам, что самое и от представляемой Фроловым машины, чрез означенную модель ожидать должно».

Все «доводы» Леубе опровергала практика работы машины, созданных на Алтае. Фабрики Корбалихинских похверков имели сильно разветвлённую сеть водопроводных труб, но ни их длина, ни сор. имеющийся в воде, не мешали работе машины. Чем больше «членов» вводил К. Д. Фролов, тем лучше была работа машины. «Теория» о частой поломке машины, имеющих много «членов», приводилась в 1763 году президентом Берг-Коллегии Шлаттером, как основной довод против постройки теплового двигателя Н. И. Ползунова. Эта «теория» не могла быть применимой к пожарной машине Фролова ввиду простоты её конструкции.

Пожарная машина К. Д. Фролова использовала в качестве двигателя одно водозаливное колесо. От вала его движение передавалось небольшому вороту, вместо рукояток у которого были кривошипны, соединённые шатунами с штоками норшвей двух обычных нагнетательных водяных насосов. Вода насосами

¹ АКГА, ф. 1, оп. 1, л. 371, л. 147.

² Там же.

подавалась в цилиндрический распределитель, от которого шли трубы к домам, садам, площадям и фабрикам. Что можно было предложить прощя такой установки! В случае пожара на трубы должны были надеваться «кожаные рукава со шпирцами». Фролов предлагал автоматизировать пожарную технику, более чем на 150 лет опережая в этой области свою эпоху.

Проектируя подачу воды от своей машины в фонтаны на площадях, К. Д. Фролов тем самым делал её пригодной и как водопроводную установку.

В смете Фролова было указано, что строительство и годичная эксплуатация машины для Барнаульского завода обойдётся в 1.097 руб. 84 коп. Но Барнаулу не суждено было получить водопровод в XVIII веке: Ирман согласился с «доводами» Леубе. Машину Фролова строить не стали, связанные с её изобретением документы, не посылая в Кабинет, положили в архив. В 1947 году мы нашли эти документы в делах Алтайского краевого государственного архива.

Ни выговора, ни судьба его пожарной машины не прекратили творчества К. Д. Фролова. В 1772 году он составляет первый проект механизация подъёма воды и руды на Змеиногорском руднике. Проект и поясняющие его чертежи были скопированы, фамилия автора, К. Д. Фролова, даже не упоминалась в сопроводительном рапорте. В таком виде проект был отправлен в Кабинет. Успокоенный расчётом выплавки серебра на Кольчано-Воскресенских заводах, дошедшей к 1772 году 1200 пудов в год, Кабинет не обратил внимания на проект.

В 1773 году К. Д. Фролов составил второй проект механизации работ на Змеиногорском руднике, но и его постигла та же участь.

Между тем, ещё ранее, в 1769 году, Леубе донёс рапортом Ирману, что Змеиногорский рудник имеет запас руды только на 15 лет. Однако уже через семь с половиной лет, в 1777 году, тропные руды затопили нижние горнозонты, закрыв доступ к богатым рудам. Сократившаяся добыча руды повлекла за собою уменьшение выплавки серебра. В 1779 году его было выплавлено уже только 600 пудов. Кабинет сменил начальника Кольчано-Воскресенских заводов. Вместо Ирманна был назначен Меллер. Нового начальника Леубе встретил в 1779 году рапортом, что запасов руды в недрах Змеиногорского рудника, при добыче в год по 600.000 пудов, хватит не более как на 14 лет.

Меллер, начавший свою деятельность в Барнауле с уничтожения теплового двигателя Н. И. Ползупова, сделал вид, что поддерживает проекты К. Д. Фролова. В 1780 году на Горном Совете было принято решение — начать строительство водовыливательной машины на Вознесенской шахте Змеиногорского рудника в соответствии с проектом Фролова. Но только спустя два года было разрешено К. Д. Фролову приступить к строительству.

21 июня 1783 года начала работать Вознесенская водовыливательная машина — первец механизации Змеиногорского рудника.

К. Д. Фролову присвоили звание бергмейстера (горного инженера) и назначили его руководителем горных работ на Змеиногорском руднике.

В эти годы многое было сделано для улучшения условий работы в руднике. По указанию К. Д. Фролова, все выработки облицовали плитным камнем и гранитом взамен ненадёжного деревянного крепления. В недра рудника были

опущены каменные лестницы. В крепости построили несколько каменных зданий (одно из них в наши дни занимает в Змеиногорске средняя школа).

В 1783 году, когда великому изобретателю исполнилось 57 лет, он составил третий проект механизации горных работ на Змеиногорском руднике, ставший программой его дальнейшего творчества.

Проект Козьмы Дмитриевича Фролова, поданный им 15 декабря 1783 года Меллеру, является одним из величайших документов в истории русской и мировой техники. Подлинник проекта, как драгоценная реликвия, хранится в фондах Алтайского краевого государственного архива в Барнауле.

С чувством гордости отмечает К. Д. Фролов в начале изложения проекта, что своими богатствами Змеиногорский рудник «не только во внутренних и во всех краях России сведом, но и в посторонних многих государствах, без сомнения поделаться можно, по безызвестен»¹.

К. Д. Фролов опровергает утверждения Леубе, что рудник уже выработан, и доказывает, что если из Змеиногорского рудника брать в год по 1,5 миллиона пудов руды, то запасов её хватит «на 73, а если замедлить от прочих посторонних рудников и руд змеиногорских доставлять по 1 миллиону (пудов), то продолжится на 111 лет с лишним».

Расчёты К. Д. Фролова оказались правильными. До Октябрьской революции рудник разрабатывался более 111 лет и лишь хищнический способ добычи и плохая разведка недр не позволяли руднику давать руду в указанном выше количестве. Глубинная разведка, безусловно, может полностью подтвердить расчёты Фролова и открыть в старых выработках нетронутые богатства.

К. Д. Фролов дал формулировку цели своего проекта: «К сохранению государственного интереса руды лучшим способом добывать и взамен некоторого числа горных служителей и их облегчения находящимися в глубине трёхшахт машинами есть способ, ведущий к славе и украшению».

Облегчение труда горных служителей — такова была цель проекта К. Д. Фролова.

Какие же машины «в глубине трёхшахт» предлагал установить он в своём проекте 1783 года?

Грандиозное сооружение, намеченное проектом, не имело себе равного в мировой технике. К. Д. Фролов разработал смелый проект подземного гидросилового каскада. Водяной поток на прудах на реке Змеёвке должен был устремиться в подземный деривационный канал и привести в движение несколько громадных водоналивных колёс в ведрах Змеёвой горы. От колёс движение через систему тяг и рычагов должно было передаваться рудничным машинам — мощным насосам для откачки грунтовых вод, автоматическим рудоподъёмникам. Силою этих же подземных водяных двигателей должна была, по мысли Фролова, производиться откатка руды в тележках от забоев к рудоподъёмным автоматам.

Вместо ожидаемого утверждения проекта К. Д. Фролов получил в декабре 1783 года назначение сопровождать в Петербург караван с серебром. Из командировки он вернулся только в ноябре 1784 года.

Между тем ни усиление эксплуатации приписных крестьян, ни постройка Вознесенской водовыливательной машины не разрешали проблемы ликвидации

¹ АКГА, ф. 1, ол. 2, д. 101, л. 132.

кризиса горного производства на Алтае. Выплавка серебра продолжала падать и в 1784 году снизилась до 400 пудов.

В 1785 году на Алтай с чрезвычайными полномочиями выехал член Кабинета И. А. Соймонов. Меллера на посту начальника Кольвано-Воскресенских заводов сменял Бачка. Соймонов рассмотрел на месте проект К. Д. Фролова, вынес его на обсуждение Горного Совета, где было решено приступить к дальнейшей механизации Змеиногорского рудника, в соответствии с проектом.

Свое шестидесятилетие К. Д. Фролов отметил вводом в эксплуатацию первой очереди запроектированного в 1783 году грандиозного сооружения — Змеиногорского подземного гидроузла.

Подземный гидроузел, механизировавший работу в руднике, действовал непрерывно более 50 лет. Он привлекал внимание всех инженеров, учёных и путешественников, посетивших Змеиногорский рудник.

Большая часть мощности подземных водяных колёс оставалась в резерве, так как Фролов предполагал в дальнейшем осуществить также механизацию откатки руды на забой. О неполной нагрузке водопальных колёс, построенных К. Д. Фроловым, свидетельствует и тот факт, что в 1787 году изобретатель смог дополнить Вознесенскую машину автоматически действующей рудо-подъёмной установкой.

В 1788 году, ввиду слабого состояния здоровья, К. Д. Фролов, которому перевалило уже за 70 лет, подал прошение об отставке. Вместо этого его назначили руководителем работ на всех рудниках Алтая.

Риддерский, Зырянковский, Черепановский и ряд других рудников начали разрабатываться под руководством К. Д. Фролова, который начал энергичную борьбу за механизацию рудников. В делах Алтайского краевого государственного архива паки обнаружен проект механизации Риддерского рудника, относящийся к 1788—99 гг. Автор проекта не назван, но по конструкции описываемое сооружение напоминает Змеиногорский подземный гидроузел, каким его проектировал К. Д. Фролов в 1772 году.

Механизация работ на Змеиногорском руднике дала возможность вновь добывать богатые руды. Рудник снова оставался главным на Кольвано-Воскресенских заводах. выплавка серебра в 1789 году достигла 900 пудов.

Конструкция сооружений, созданных в Змеиногорске Фроловым, стала образцом при строительстве новых плавильных заводов. Так были построены дерзационные установки Гавриловского, Гурьевского и других заводов.

В 1797 году берггаутман, т. е. старший инженер К. Д. Фролов писал в рапорте начальнику Кольвано-Воскресенских заводов:

«При Акимовском руднике вода столь сильное протечение имеет, что два человека на одном пасоке её содержать не могут. И по человечеству без сожаления на них смотреть не можно, до чего приходит в совершенное безделье... А как ещё в 1796 году рассуждаемо было в Горном Совете об устройстве там небольшой конной машины... то и нынче о том представляется... Дабы продолжением выливки воды не могло быть для горных служителей вредъ, берггешворену Шрамму предложено (работу) до горизонту Даниловского орту остановить и добычу руд производить от почвы оного!».

К. Д. Фролов впервые в мире ввёл автоматизацию производства для освобождения горных служителей от изнурительного труда. Позднее, борясь за

¹ АКГА, ф. 1, оп. 2, д. 249, л. 271.

осуществление этой цели, он механизировал машинами-автоматами большой рудник. Теперь, пользуясь своим служебным положением, Фролов приказывал прекращать работу там, где она была вредна для горных служащих.

В 1798 году К. Д. Фролов вторично подал прошение об отставке. Просьба его была удовлетворена не полностью. Ежегодно, больной и дряхлый, он обязан был выезжать на заседания Горного Совета.

Весною 1800 года его вызвали на очередное заседание в Барнаул. Это была его последняя поездка. 9 (21) марта 1800 года, в Барнауле, Козьма Дмитриевич Фролов скончался. Смерть застала его при исполнении служебных обязанностей, на 74 году жизни. Из 56 лет работы на рудниках и заводах 37 он отдал механизации горных работ на Алтае.

* * *

Построенная К. Д. Фроловым плотина на реке Змеёвке и деривационный канал близ Корбалихи действуют и в настоящее время, используются по тому же назначению, что и в XVIII веке. Плотина на Змеёвке обеспечивает работу гидроэлектростанции, подающей электроэнергию моторам современных насосных машин и рудоподъёмников Змеиногорского рудника. Деривационный канал снабжает водою рудобогадильную фабрику, оснащённую современным оборудованием.

В связи с исполняющимся в 1950 году столетием со дня смерти К. Д. Фролова, недавно в Змеиногорске побывала экспедиция Алтайского краевого музея. Собрали ряд ценных вещественных памятников творчества великого русского техника; среди них — часть двухколёсчатого вала гигантского водяного колеса Вознесенской машины. Вал был разбит при подъёме его из шахты. Доставленная в краевой музей часть вала представляет собой массивное чугунное колесо весом в 700 килограммов.

Советские люди, создающие на просторах Родины «вторую природу» и технику близкого коммунистического будущего, высоко ценят гений русского человека Козьмы Фролова, творчество которого было страстной борьбой за облегчение труда народа, за создание могучей русской техники, за процветание Отечества.

Литературное наследство Алтая

С двадцатых годов XVIII века на Алтае существовали заводы и рудники, основанные уральским горнопромышленником Демидовым и перешедшие позднее «императорскому кабинету», то-есть лично царю. Огромная территория современного Алтайского края, части Казахстана, Новосибирской, Томской и Кемеровской областей — территория в 400 тысяч квадратных километров, на которой были расположены демидовские заводы и рудники, — стала собственностью царской семьи. Эта царская вотчина получила название «Округ Колывано-Воскресенских рудных заводов», а с 1831 года — Алтайского Горного округа.

Управление округом было в Барнауле, где находился сереброплавильный завод. Существовали также заводы в селе Павловском, в Колывани, Лякте и других местах. В районах Колывани и Эмшиногорска находились рудники, в которых добывали серебро, золото, свинец, медь. К заводам и рудникам были приписаны крестьяне окрестных сёл. Из их среды путём рекрутских наборов вербовались мастеравые.

Горный устав создал для Алтая свой суд, своё войско и полный произвол над горнозаводским населением. Нигде, пожалуй, крепостное право не получило такого полного выражения всей своей отвратительной сущности, как на Алтае.

Всё это не могло не отразиться на литературном наследии Алтая. Последнее пока ещё крайне мало изучено. Но даже немногочисленный материал, имеющийся в нашем распоряжении, представляет большой интерес, как своеобразная летопись истории края.

Литературное прошлое Алтая времён крепостничества дошло до нас в виде фольклора. И это вполне понятно. Население дореволюционного Алтая было почти сплошь неграмотным. Основным источником культурного общения трудящихся был фольклор — «неписанная» литература, передававшаяся из уст в уста из одного поколения в другое. У многих стихов и песен, бытующих и поныне в старых горнозаводских районах, несомненно были авторы, но установить их имена невозможно.

Дореволюционный фольклор Алтая, пропитанный демократическими идеями, носит на себе отпечаток многострадального исторического пути трудящихся края. Примечательна «Песня рабочих кабинетских рудников», в которой ярко выражена классовая ненависть, сквозящая в иронической характеристике «хо-

ияев» и их подручных. Эта одна из наиболее ранних русских рабочих песен включена во многие антологии, как образец рабочего фольклора. Вот как в ней описывается распятие и прощание:

«Наши горные работы
Всем чертям дают заботы:
Всяк стараться очень рад,
Чтоб подрудок был богат...
А забота наша в том,
Чтоб разделаться с уроком,
Чтоб нарядчики на нас
Не косили своих глаз.
Своих глаз бы не косили,
У нас денег не просили,
Не грозили бы рукой,
Не махали бы лозой,
Чтоб не выдрали пять раз,
Пока выробим наказ...
Не успеешь, значит, лечь,
Как валится кожа с плеч...
Да оттудова валится,
О чём петь нам не годится».

Обречённые на вечный тяжёлый труд, мастеровые были представлены произволу горных офицеров, а впоследствии — управляющих, уставщиков, нарядчиков и прочего большого и малого горного начальства. Эти лица могли наказывать мастеровых, забивать их до смерти, могли морить их на работе.

Глубоким драматизмом наполнена «Песня рабочих людей» Змеиногорска

«...Видать на горке, на горе,
На высокой, на крутой,
Над плотиной, над водой
Стоит рудник Змеев золотой,
Да нам противный он какой!»

Дальше мы находим в песне такое горестное заключение:

«Жаловаться не знаем кому, —
Только богу одному,
До него высоко,
До царя далёко.
И говорим: — Ох-хо-хо,
Житьё нам плохо.
В казарме мы живём,
Хлеб с водой только жуём,
С работы убежим,
По целым дням в кустах лежим.
Нас поймают и тогда до смерти
Задирают и замают».

Нормы народного поэтического творчества, показывающего местный горно-заводский быт, на Алтае уделели многие весьма древние варианты общерус-

ских сказаний и песен. Очень давно на Алтае отмечены богатые следы эпоса. Известный барнаульский общественный деятель-краевед Степан Иванович Гуляев ещё в 1839 году писал о былой эпической традиции на Алтае, назвав ряд имён сказителей, из которых особенно выделялись Семён Иванович Вожжи и Иван Максимович Каллистратов. «Сказки первого из них были различного содержания, — писал Гуляев, — и те из них, которые заключали в себе богатейшие подвиги витязей русской земли, отличались особенно плавным рассказом». У второго Гуляев слышал «пэзмы».

Позднее Гуляев познакомился с несколькими другими былинными сказителями, из которых самым замечательным был крестьянин деревни Ерестная (под Барнаулом) Леонтий Гаврилович Тупицын. Этот певец унаследовал свой репертуар от отца, который, в свою очередь, перенял его от своего отца, то-есть деда Леонтия Тупицына. Таким образом, в семье Тупицыных хранились былины в течение трёх поколений.

Кроме былины, — пишет Гуляев, — «Тупицын знал много народных песен, обрядовых, круговых, сказок и поверий». Известный натуралист Брэм, во время посещения Барнаула в июне 1876 года, со своими спутниками пожелал увидеть Тупицына. На квартире Гуляева, вызванный из Ерестной Леонтий Гаврилович Тупицын «пропел по несколько стихов из былины и песен... Знаменитый путешественник, сидя против певца, не сводя с него глаз, внимательно слушал немелко...»

Былины Тупицына про Илью Муромца, Добрыню Никитича и другие, оставленные нам в записях Гуляева, показывают, что население Алтая бережно хранило общенациональное достояние русского народа и его культурные традиции.

Русская былинная традиция, несомненно, оказалась в богатом фольклоре Алтая. Динамичность фабулы, ритмичность, правдивость облекает легенды и сказания в былинной.

До нас дошло большое количество легенд о беглецах с кабинетских заводов. Такие побегы были широко распространены и являлись протестом рабочих против произвола и изнурительного крепостнического труда.

Часто основой легенд являлись действительные факты. Братья Белоусовы, Кривоуцкий, Селезня стали героями многих легенд о беглецах с кабинетских рудников и заводов. Эти герои, взятые из жизни, наделены богатейшей силой. «Показает Кривоуцкого, закуют — железо не держит. Ногой тряхнёт — и всё!»

Покойный пост-колхозник В. Бельков записал в Мамонтовском районе легенду про Селезю, в которой рассказывается:

«Начальство заводское и волостное пыталось не раз изловить Селезю, да всё не удавалось. То, бывало, на плотике прутьями заберётся в займища озёрные, а если на пути где перехватят — разгонит. Вот один раз удалось окружить Селезю. Ну, думают, теперь не уйдёшь! Сначала пробовали живьём взять, да видят — не таков человек, чтобы живым сдался. Давай стрелять в него, а он только насмехается. Пуля его не брала, заговор, что ли, знал такой.

— Эх, вы! — говорят. — Исы дворовые, шкуры наёмные!

Подойдёт к одному, к другому, ружьё отнимет, а того человека оборотит локтем прочь, да руки скрутит за спину. Так и перевязал всех».

Селезень, братья Белоусовы и другие герои легенд почти всегда выступают против богатых и неизменно защищают бедняков. «Какой бедняк попадётся Криволицкому, нет на нём ничего, — одежду с себя сплмет, отдаст».

Борьба с богатыми, борьба со злом и насильем — основной мотив и дореволюционного устного народного творчества алтайцев — маленького народа, заселяющего ныне Горно-Алтайскую автономную область. Голосом певцов-эпиков алтайский народ, не имевший до революции своей письменной литературы, в чарующих по краскам и музыкальности поэтических легендах выражал крик негодования, протест против социальной несправедливости, вековую мечту о светлом, счастливом будущем.

В сказке «Бородой мерген», что по-алтайски означает удачный бедняк, герой побеждает страшного, огромного Алмыса, который олицетворяет бесчеловечного родового князя-зайсана. Бедняк-богатырь:

«...Злого гада за пояс,
Подняв высоко,
О скалу ударяет с размаху.
Долго бьёт его, топчет и
рвёт на куски,
В порошок истолк и развеял».

Сочно и красочно изображают алтайцы своих богатырей. Они наделены чудесными качествами, превосходящими самую смелую фантазию. Безудержный гиперболизм — характерная черта алтайских сказок. Их герои-богатыри «на месячном расстоянии топот жеребца слышат», «годовое расстояние в одно мгновение пробегают». Богатырской силой обычно наделялись бедняки, которые ступали в борьбу с богатыми и одерживали над ними победу.

Органическая связь с освободительной борьбой народа придаёт дореволюционному устному народному творчеству — одному из основных источников духовной жизни края — простоту и ясность, политическую заострённость и эмоциональную напряжённость, которые до сих пор волнуют сердца трудящихся. До сих пор легенды о «Беловодье», бытовавшие среди безземельного и малоземельного угнетённого крестьянства и распространявшиеся сибирскими раскольниками, привлекают внимание наших поэтов и прозаиков.

В пьесе Максима Горького «На дне» странник Лука рассказывает легенду о «Праведной земле — Беловодье». Так, по свидетельству С. П. Гуляева, называли вначале Алтайский заводской округ. «Беловодье» это «означало край вальный, обильный всеми житейскими потребностями и удобный для поселения в каких угодно местах». Слава о местах, где «текут молочные реки с кисельными берегами», привлекала на Алтай переселенцев из центральных, страдавших от малоземелья и помещичьей кабалы, губерний, а также с запада и юга России. Но с отменой крепостного права, когда горнозаводская промышленность пришла в окончательный упадок, «кабинет» сосредоточил свою хозяйственную деятельность на эксплуатации земель и лесов. На Алтае переселенцы попадали в жестокую кабалу к... коронованному помещику или, записанные царскими чиновниками в места, непригодные для освоения, возвращались на родину окончательно разорёнными, обнищавшими.

Видный общественный деятель Сибири, писатель-публицист Николай Михайлович Ядринцев (1824—1894 гг.) в очерке «На обетованных землях», опубликованном в «Сибирском сборнике» за 1886 год, писал:

«...Вот за Чергою идёт ряд хребтов, вот ущелье Чуи, Чуйские Альпы, вот вершины Катуня с вечными снегами. Дойдёт переселенец до них, до этих больших вод, окрашенных песком морен, увидит эти водопады, эти неприступные скалы и ущелья, посмотрит на горных орлов. Но это ли желанные белые воды? Постоит он и повернёт назад.

...Смотря, как мыкается этот человек в поисках за новыми местами, смотря на это вечное скитанье и отыскивание чего-то, словом, озирая всю эту бродячую колопзазию, я часто задумывался и невольно спрашивал себя: «Где же лучше?»

С этим вопросом стоял я среди цветущих боров на берегу Оби, на благословенных местах Барасука, его же я задавал и там, где серебрятся вершины Алтая, любясь с высот бесконечно возносящимися горами и широкими долинами. Его я задаю и теперь: «Где же таится крестьянское счастье, под каким кустом залегло оно, под каким камнем оно запало, скрылось, притаилось?!»

Сам Ядринцев не ответил на поставленный им вопрос. Легенды о свободе и чуть ли не о райской жизни на Алтае были только народной мечтой. Границы мифического «Беловодья» отодвигались, и время от времени делались попытки пайти эту счастливаю, свободную землю. В 1825—26, 1840, 1858 и даже после «отмены» крепостного права, в 1861 и 1868 гг. вспыхивали своеобразные народные движения, жители целых деревень, бросив пашни, предводительствуемые «богородхновенными» начётчиками, уходили, куда глаза глядят, искать «Белые воды».

Алтайский писат П. Глушаков едко вымечся легкоеверие коробишинских крестьян, поддавшихся на удочку ловких аферистов и распродавших за бесценок всё своё имущество, чтобы палетке уйти искать таинственное «Беловодье»:

«Загудел крестьянский люд,
Бабы стонут, крынки бьют..
Мужики ходят на воле,
Не хотят работать боле,
Всё распродают..
На мирском на сельском сходе
Объявляют о походе
И под верное рученье
Просят дать им увольнение..
И пошла писать губерния!
Всё крестьянское имение
Всяк спешит скорей продать,
Чтобы в путь не опоздать,
Сразу порешить!»

Всякие скупщики и кулаки, конечно, ловко наживались на этих распродажах. А собравшиеся в поход крестьяне так и не находили ту страну, о которой им рассказывали раскольникови.

В поисках «Беловодья» трудящиеся алтайской деревни усвоили истину, что в богатейшем крае все богатства заперты, что есть власть капитала и рабы, которые ей покорны.

Едва ли иде ещё проявлялся с такой наглостью полицейский произвол и грабеж, как в Сибири, особенно в районе кабынетских земель! Это усиливало

оппозиции сибирского населения к существовавшему в России общественному строю. Недовольствие трудящихся масс выразилось в бунтах и волнениях, носивших на казачьих землях характер революционных восстаний. Всё это, как и влияние революционеров, которых царское правительство ссылало в Сибирь, не могло не сказаться на формировании взглядов местных литераторов.

Упомянутый выше поэт И. Глушаков сам являлся сыном алтайского крестьянина и служил писарем в селе Коробиха. Опубликованный его сатиру на раскольничье «Беловодье» в «Сибирском архиве» (1912 г.) В. Герасимов сообщает некоторые данные об её авторе. Родившийся на Алтае, Иван Глушаков учился в Барнаульском горном училище и в Петербургском технологическом институте, но курса не окончил и был выслан на родину, вероятно, за участие в студенческом движении. После этого Глушаков устроился сельским писарем в Коробихе. По сообщению Герасимова, Иван Глушаков написал много стихотворений, которые «по красоте и проникающему их чувству могли бы сделать честь первоклассному поэту». Страшная социальная действительность старой Сибири стубила Глушакова, как и многих других талантливых литераторов.

«Отцвёл, не успев расцвести» автор замечательнейшего романа «Николай Негорев, или благополучный россиянин», уроженец Барнаула Иван Афанасьевич Куцевский. В своём романе Куцевский одним из первых в русской литературе поставил вопрос о регегатстве части демократической интеллигенции, обличал мещанскую сущность перерожденцев и со всей горячностью ратовал за революционеров.

Появлению романа, который был напечатан в 1871 году в «Отечественных записках», помог... несчастный случай.

В 1866 году Куцевский, пристроившись к сопровождавшим караван золота, уехал в Петербург. Занимаясь здесь литературной поденщиной, он, влача жалкое существование, был вынужден заниматься то кузнецом, то матросом, то грузчиком. Рассказы, очерки и фельетоны Куцевского, печатавшиеся в газетах и лучших демократических журналах того времени, свидетельствующие о большой талантливости писателя, были всегда социально острыми.

В очерке «Не столь отдалённые места Сибири», опубликованном в некраковских «Отечественных записках», Куцевский описывает Барнаул — весь чёрный от угля и плака. Устами своего собеседника писатель говорит о преобладании в городе чёрного цвета: «Это — цвет горнозаводских дед».

— О благополучии рабочих, — говорит тот же собеседник, — заботится до того, что они совсем голы остаются... Оттого рабочий и зовётся несчастеньким, что уж очень много заботятся о его счастье.

У Куцевского, — писал Алексей Максимович Горький, — «есть рассказ об одном литераторе, которого отец отпускал в столицу «на оброк» — так же, как помещики отпускали крепостных, а если сын не присылал ему денег, он требовал его в деревню и там сек. Сам Куцевский работал грузчиком на Неве, упал в воду, простудился, написал свой роман «Николай Негорев, или благополучный россиянин» в больнице ночами, покупая огарки свечей на больничный паёк...»

Роман «Николай Негорев» был восторженно встречен и принёс его талантливому автору большую популярность и славу. Но и после этого «Русский Диккенс» продолжал жить в пуге и лишениях, поэтому всё чаще стал прибегать к водке и ничего достойного своего пера больше не написал.

Вихрь «страшной жизни» закружил также талантливое барнаульское поэта-рабочего Ивана Тачалова.

Не имея ни угла, ни куска хлеба, Тачалов был вынужден жить по барнаульским пригонам в качестве музыканта. «Там, — вспоминал позднее Тачалов, — мне удавалось устраиваться со своей поэзией — то в коялюшнях, то в банях. Моё образование началось в бане и завершилось там же... Мне приходилось протаскивать целыми неделями на бирже труда, с готовностью поступить хотя в землекопы, но и это оказывалось недоступным».

В другом письме Тачалов спрашивал:

— Кто из писателей, поэтов, интеллигентов видел и прошёл такое бессмысленное мученичество? — И сам отвечал:

— Никто, никто!

Со дня жизни Тачалову удалось вырваться перед 1905 годом. Работая картонажником, поэт принимал активное участие в революционном движении 1905 года в Барнауле, был массовиком, работал в распространительной группе. Им была написана казачья марсельеза, которую распевали казаки, примкнувшие к демонстрациям барнаульских рабочих.

...19 октября 1905 года до Барнаула докатилась весть о царском манифесте и «дарованных свободах». Пустынные улицы города забурлачили народом. Руководимые большевиками, демонстрация и митинги призывали рабочих к вооружённой борьбе с царизмом.

Знаменосец барнаульской партийной организации в 1905 году М. Зимачев (в «Мрачной повести» Тачалов называет его своим закладным товарищем) и другие активные участники событий того времени свидетельствуют о том, что Иван Тачалов был в первых рядах демонстрантов, отдав своё перо на службу революции.

Вскоре реакционные силы подняли голову. Организовалась чёрная сотня, начавшая травлю руководителей революционного движения. Многие были избиты. Черносотенцы разыскивали для расправы также Тачалова, но ему удалось спастись бегством в деревню. На площади возле собора состоялся молебен, на котором с речами выступили местный протоиерей и полицмейстер, призывавшие к разгрому «политиков». Черносотенцы же этим не ограничились — начался погром, ещё памятный барнаульским старожилам.

Этот погром и был описан Тачаловым в сатирической поэме «Егорка», которую поэт впервые читал рабочим на литературном вечере, устроенном социал-демократической группой в декабре 1905 года.

— Вот в Барнауле в 1905 году был у меня успех, могу похвастать, — позднее вспоминал Тачалов. — Читал я рабочим свою поэму «Егорка», где всё начальство прохватил, как нельзя лучше, — так ведь рабочие на руках меня посади! Бывало, гул стоит, ходуном всё ходит, как только кончу, со всех сторон кричат: вот это ловко, вот это здорово!

В образе Егорки поэт нарисовал несознательного участника погрома, который в конце концов пробуждается и начинает раскаиваться. Сам Тачалов, как передают встречавшиеся с ним, с болью переживал поражение революции и описанный им в «Егорке» погром.

В годы наступившей затем реакции Иван Тачалов, глубоко веря в грядущую победу, писал:

«Мысль и руки понемногу
В побеждённой полумгле
Строят верную дорогу
К царству правды на земле».

Великий русский писатель Алексей Максимович Горький, которому Иван Тачалов обязан своим появлением в литературе, назвал его «человеком страшной жизни». Измученный ею, осушивший до дна чашу лишений и нищеты, Иван Тачалов постигал пафос борьбы и радость её. Он глубоко верил в светлое будущее народа, выходцем из которого он являлся, верил, что недалеко то время, когда:

«Земля покроется цветами,
Падут зимы мертвящей сны,
И дни сравняются с ночами
В сиянии царственной весны.
И будет мир преображенный
Объят великой красотой,
И сердце жизни обновлённой
Ульётся счастья полнотою».

Литературное наследство Тачалова собрано далеко не полностью. В письмах к А. М. Горькому поэт сообщал что «пресса не приняла длинных стихов, нужны были коротенькие. Пришлось писать на новый лад». Многие, особенно ранние стихотворения Тачалова, и даже печатавшиеся в барнаульских газетах, не вошли в сборники его произведений, изданные после смерти поэта, и остаются неизвестными широкому кругу читателей. «Длинные» же стихи, «не принятые прессой», либо вовсе затерялись, либо сохранились в отрывках.

К числу последних относится и поэма «Егорка». Лишь небольшой отрывок из нескольких строк этой поэмы приведён С. Кожевиновым в предисловии к «Мрачной повести», изданной Новосибирским издательством в 1937 году.

Как выяснилось позже, полный текст поэмы не затерялся. Его помнят наизусть барнаульцы, близко знавшие поэта, участники и даже рядовые свидетели, революционных событий 1905 года. С их слов записана поэма, являвшаяся, по рассказам слышавших её из уст покойного автора, три главы под названиями: 1. Приглашение Егорки на погром, 2. Погром и 3. Финал. Отрывки поэмы, записанные со слов по памяти стариков, удалось сверить с записью, обнаруженной в семейном альбоме старого барнаульского полиграфиста Г. И. Ускова.

Сатирическая поэма «Егорка», как и многие стихи Тачалова, не была принята прессой не столько из-за размеров, сколько, вероятнее всего, по цензурным соображениям.

Несомненно, что, спустя сорок с лишним лет, произведения Ивана Тачалова в устной передаче претерпели некоторые видоизменения. Однако, сам по себе тот факт, что барнаульцы-старожилы помнят «Егорку» и стихотворения Тачалова наизусть, что молодёжь, знающая эти произведения, не знает автора

и приписывает их пародному творчеству, — сам по себе этот факт говорит о многом. Он свидетельствует о неумирающей любви трудящихся города к своему знатному земляку, стоявшему в 1905—1906 гг. в центре революционной и литературной жизни Барнаула.

Надо сказать, что Тачалов не оправдал надежд А. М. Горького. Сам Горький писал в 1928 году: «...стихи Тачалова внушили мне надежду, что из него выработается бодрый, смелый поэт — революционер. Но в этом случае жизнь не оправдала моей надежды. Случилось так, что вихрь «страшной жизни» закружил человека. Тачалов не нашёл в себе силы развить своё дарование до той высоты, которой оно достигло бы при других, менее тяжёлых условиях».

Надломленный невыносимой страшной жизнью, Тачалов поддавался настроениям одиночества и грусти. В одном из своих писем поэт писал Алексею Максимовичу Горькому: «...в этом, пожалуй, виновата моя жизнь, которая, как мне кажется, не давит, а раздавливает меня совсем». В другом письме Тачалов пишет: «Помощь друзей не даёт мне умереть с голоду, по условия моей жизни остаются прежние: мне всё равно приходится жить в той среде, где царят — нищета, пьянство и зверство, весь тот ужас, от которого я задыхался всю жизнь. Задыхался и задыхаюсь... устал задыхаться... Вообразите себе обнажённого человека, завязшего в трясины, окружённого тучей кровавого и ядовитого овода... Мыслимо ли тут работать, да ещё вдохновенно?..»

Литературное наследство Ивана Тачалова, оставленное нам в виде его автобиографической «Мрачной повести», ряда стихов, песен и поэм, воскрешает в нашей памяти дореволюционную страшную жизнь Тачаловых.

В прошлом существовала в Сибири местная, довольно своеобразная рукописная «литература». По своей тематике это — преимущественно сатира на существовавшие «порядки».

В рукописях, бережно сохраняемых старожилами, можно найти немало гатирических произведений эпохи первой русской революции. Может быть, переписывали на память примечательную сатиру потому, что она по цензурным условиям не могла быть напечатана в местных изданиях. Приведём переписанные многими барнаульцами «Метаморфозы» неизвестного автора.

«Был солдатом он запасным,
На войну шёл патриот,
Воротился ярко-красным:
Вот какой переворот!..
С божьей помощью, вперёд!

* * *

Был матрос слуга проворный:
И в огонь и в воду лез...
Вдруг бунтует, непокорный,
И его смущает бес!
С божьей помощью, прогресс!

Был крестьянина тих и кроток..
Вдруг он рубит барский лес,
И в расправе стал короток:
Соблазнил лукавый бес!
С божьей помощью, прогресс!

Был рабочий патриотом,
Вдруг, о! чудо из чудес:
Он движенья стал оплотом,
Прямо на рожон полез..
С божьей помощью, прогресс!

Революционная волна 1905 года, всколыхнувшая Алтай, показавшая нарастающую силу пролетариата, сказалась и на произведениях других авторов.

Народнические тенденции отражены в творчестве одарённого беллетриста С. И. Исакова, сборник рассказов которого, изданный в Барнауле под названием «Там, в горных долинах», является сейчас библиографической редкостью.

Степан Ильич Исаков родился в одном из сёл около Славгорода, где потом служил волостным писарем. Первый его рассказ «Горный дух» был напечатан в 1913 году в «Алтайском альманахе». Позднее писатель долгое время жил в Барнауле и печатался в местных и столичных изданиях. С. И. Исаков в своих рассказах описывал быт и природу алтайской деревни.

Литературное наследие Исакова и ряда других дореволюционных писателей Алтая ещё крайне мало изучено. Различное по своему художественному уровню, оно в значительной части представляет огромный интерес по своей идейной направленности. С исключительной силой оно показывает мрачное прошлое родного края, поэтому может служить прекрасным пособием для наших пропагандистов и агитаторов, для преподавателей литературы и истории, для всех интересующихся краеведением.

Литературное наследие Алтая требует серьёзного и глубокого изучения. Оно представляет особый интерес, потому что, как указывал А. М. Горький, Сибирь наряду с Уралом, Поволжьем, Украиной вышла «из поля зрения» великой русской литературы, потому что «чем лучше мы будем знать прошлое. — тем лучше, тем более глубоко и радостно поймём великое значение творимого нами настоящего».

СОДЕРЖАНИЕ:

<i>ИВАН ФРОЛОВ</i> . Шестаково поле. Солдат. Золото. Правда. Хлеб-соль. Зерно. Стихи	3
<i>АННА КИСЕЛЕВА</i> . Своим путём. Рассказ	7
<i>ИВАН ЗДОРОВЕНКО</i> . Агроном. Дед. Соловушка. Вечер. Стихи	33
<i>НИКОЛАЙ ДВОРЦОВ</i> . На охоте. Рассказ	37
<i>КОНСТАНТИН КОЗЛОВ</i> . Изыскатель. В Тайге. Стихи	42
<i>ЯКОВ ШИЛИН</i> . В огороде. Стихи	45
<i>ВАСИЛИЙ КУЛИКОВ</i> . Маргарита Васильевна. Повесть	46
<i>МИХАИЛ ДЛУГОВСКОЙ</i> . Разведка. На лесосеке. Песня. Стихи	128
<i>ИВАН ШУМИЛОВ</i> . Шахматы. Рассказ	130
<i>МАРК ЮДАЛЕВИЧ</i> . Комсомольцы. Сок земли. Стихи	131
<i>АЛЕКСЕЙ СОТНИКОВ</i> . Строители. Стихи	135
<i>ИВАН УСОЛЬЦЕВ</i> . Болринцев и его колодцы. Очерк	136
<i>В. А. ОЛЕЙНИК</i> . На строительстве Южсиба. Статья	150
<i>Н. КОРОБКОВ</i> . Город алтайских тракторостроителей. Статья	159
<i>АЛЕКСАНДР БАЗДЫРЕВ</i> . Стахановский шаг. Очерк	163
Хроника культурной жизни	183
<i>Н. САВЕЛЬЕВ</i> . Сподвижник Ползунов. Статья	186
<i>Г. РАППОПОРТ</i> . Литературное наследство Алтая. Статья	197

Редакционная коллегия.

АГ 01308

Подписано к печати 9/VI 1949 г.

Объем 14 п. л.

Тираж 10.000 экз.

Заказ № 173

Барнаул, типография Крайполиграфиздата.

Электронная библиотека АЮНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.akunb.ru

Книга должна быть
возвращена не позже
указанного здесь срока

Книжк. предмд. выдач _____

Каждый рубль, отданный
взаимы государству, является
вкладом во всенародную
борьбу за выполнение
последовенной сталин-
ской пятилетки
восстановления и
развития
народного
хозяйства
СССР

ПРИБРЕТАЙТЕ ОБЛИГАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО 3⁰/₀ ВНУТРЕННЕГО ВЫИГРЫШНОГО ЗАЙМА

Ежегодно по займу
производится

шесть основных и один
дополнительный тираж
выигрышей

Основные тиражи
состоятся

30 января, 30 марта,
30 мая, 30 июля,
30 сентября и 30 ноября;

дополнительный тираж —
30 сентября каждого года.

В основных тиражах участвуют все облигации, независимо от срока их приобретения. В дополнительных тиражах участвуют облигации, приобретенные не менее чем за 2 месяца до срока тиража.

В каждом тираже разыгрывается следующее количество выигрышей:

Размер выигрыша	В основ- ном тираже	В дополни- тельном тираже
100.000 рублей		1
50.000 рублей	2	5
25.000 рублей	5	25
10.000 рублей	25	80
5.000 рублей	80	800
1.000 рублей	700	2.300
400 рублей	7.680*	8.289

ВСЕГО 8.500 11.500

Облигации займа продаются и покупаются сберегательными кассами.